

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет»

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников
VII Всероссийской очно-заочной научно-практической
конференции молодых учёных, приуроченной
к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова
и Году педагога и наставника*

Горловка
2024

УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»
(протокол № 6 от 31.01.2024)*

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Герасименко И.А. (гл. редактор), д. филол. н., проф. Кочетова С.А., к. филол. н., доц. Васильева Г.А., к. филол. н., доц. Белоконь-Пожарицкая Н.А., к. филол. н., доц. Лешкова Н.В., к. филол. н., проф. Штакина Л.А., к. филол. н., доц. Дмитриева Ю.Л., к. филол. н., доц. Святобаченко И.С., к. филол. н., доц. Долгая Е.А.

Сборник включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 990-10/2020К от 29.10.2020.

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам VII Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», приуроченной к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова и Году педагога и наставника / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»; редкол. : И. А. Герасименко [и др.]. – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ», 2024. – 184 с.

В сборнике собраны научные статьи участников VII Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции молодых учёных «Славистика: новые имена в науке», приуроченной к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова и Году педагога и наставника, посвящённые исследованию актуальных вопросов отечественной и зарубежной лингвистики и литературоведения.

Для научных работников, специалистов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе, студентов-филологов.

**УДК 811.161.1
ББК Ш81.411.1**

Абдуразаков Шодиёр
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Закирова Н. Н.
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный
инженерно-педагогический университет»,
г. Глазов, РФ

ПОЭТИЧЕСКИМ СЛОГОМ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ НАСЛЕДИЯ В. Г. КОРОЛЕНКО

Личность и творчество русского писателя-демократа В. Г. Короленко обладает большим воспитательным потенциалом. Это было замечено ещё его современниками, в том числе нашло отражение в малоизвестном шуточном стихотворении Саши Чёрного «Мой роман». Интересно, что прогноз поэта серебряного века подтверждается примером детского восприятия гуманистической сущности короленковского житнетворчества в XXI веке.

Ключевые слова: *В. Короленко, русская литература серебряного века, С. Черный, поэзия.*

Ещё современниками В. Г. Короленко небезосновательно назывался образцом морального здоровья и высокого строя души, человеком с большим и сильным сердцем, совестью эпохи. Он и сегодня для нас великий гуманист, ценитель красоты природы, знаток психологии, символ высокой нравственности и духовного богатства. Неоспорим факт талантливого осмысления прозаиком детского мира, разработана в науке проблема воспитательной значимости его биографии и творчества, [1] имеются исследования о его связях с поэтами серебряного века [2; 3]. Однако в поле зрения короленковедов не попадало одно интересное стихотворение Саши Чёрного.

Поэт серебряного века Саша Чёрный (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг; 1880–1932) известен в первую очередь как автор лирико-сатирических фельетонов. Примером ироничного тона его творчества можно считать оригинальное стихотворение «Мой роман» (1927):

*Кто любит прачку, кто любит маркизу,
У каждого свой дурман, —
А я люблю консьержкину Лизу,
У нас — осенний роман.
Пусть Лиза в квартале слывет недотрогой, —
Смешна любовь напоказ!
Но все ж тайком от матери строгой
Она прибегает не раз.*

*Свою мандолину снимаю со стенки,
Кручу залихватски ус...
Я отдал ей все: портрет Короленки
И нитку зеленых бус.
Тихонько-тихонько, прижавшись друг к другу,
Грызём солёный миндаль.
Нам ветер играет ноябрьскую фугу,
Нас греет русская шаль...
...На старом столе перевернуты книги,
Платочек лежит на полу.
На шляпе валяются липкие фиги,
И стул опрокинут в углу... [4]*

Поэт описывает читателю идеальную, по его мнению, любовь. Лирическая героиня Лиза слывет недотрогой, послушной дочерью строгой матери, и главный герой на тайных свиданиях с чаепитием и лакомствами от чистого сердца осыпает её подарками: подарил зелёные бусы и портрет В. Короленко...

Казалось бы, к чему здесь упоминание о портрете конкретного писателя?

Объяснение напрашивается такое: писатель – средоточие ясного ума, чистого, непорочного, возвышенного, а его портрет выступает символом литературы (искусства) вообще и обретает значимость сакрального лика, что делает благорасположение лирического героя к Лизе ещё значимее и очаровательнее.

Герой играет на мандолине, создавая романтически серенадный дух randevu. Стихотворение пропитано и другими божественными смыслами. Зелёный цвет бус ассоциируется с цветом одеяния Девы Марии; миндаль, которым лакомятся главные герои, является символом пробуждения и света. Неслучайно в этой трогательной истории возникает образ не затерявшегося в эпоху серебряного века «образца гармонии», «светлого духом» Короленко.

При этом лирический герой дарит не книгу, а именно портрет!.. Неожиданная разгадка даётся в финале. Смысл всего текста сразу переводится из трогательного «любовного» в отчески тёплый, шуточный план: ведь речь, оказывается шла об общении на свидании поэта, явного поклонника творчества и идеалов Короленко, с маленькой, трёхгодовой девочкой.

*Для ясности, после её ухода,
Я всё-таки должен сказать,
Что Лизе – три с половиною года...
Зачем нам правду скрывать? [4]*

Ясно, что, когда Лиза подрастёт и освоит грамоту, то в круг её чтения обязательно войдут и короленковские произведения. В этой шутке есть важный духовный, воспитательный и эстетический смысл.

Этот прогностический посыл любопытно подтверждается юной участницей творческого конкурса «Наш Короленко» – школьницей из г. Абакана Аминой Жмак, в стихотворном опыте которой есть такие строки:

– *Смотри-ка, мама, – встав с коленки,
Тяну из стопки.... «Короленко».
Глаза у мамы увлажнились,
Добром и светом засветились!
Читаю: «Дети подземелья»...
Смотрю на маму, чувств смятенье!..
Мы эту книгу прочитали
И несколько минут молчали.
Судьба сирот нас поразила!
Какой сюжет! Какая сила!
Спасибо автору, что призывает
Быть чуткими и помогает
В нас чувство сострадания пробуждать,
Быть честным, справедливым и не лгать! [5]*

ЛИТЕРАТУРА

1. Закирова, Н. Н. Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко: монография / Н. Н. Закирова. – М. : Наука, 2022. – 239 с.
2. Захаров, В. В. В. Г. Короленко и эстетика символизма / В. В. Захаров // Русско-зарубежные литературные связи: межвузов. сб. науч. тр. / под ред. Н. М. Ильченко. – Н. Новгород, 2010. – Вып. IV. – С. 73–76.
3. Захаров, В. В. В. Г. Короленко о русском модернизме / В. В. Захаров // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: Девятые Короленковские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: В. М. Широких (отв. ред.), Н. Н. Закирова. – Глазов, 2013. – С. 43–45.
4. Черный, С. «Мой роман»: стихотворение / С. Черный. – Электронный ресурс: <https://www.culture.ru/poems/43163/moi-roman> (дата обращения: 17.11. 2023 г.)
5. Жмак, А. В. Книги, пробуждающие сострадание и милосердие: стихотворение / А. В. Жмак, З. А. Болонкина. (Отрывок из текста стихотворения ученицы 2 «А» класса МБОУ «СОШ № 5» г. Абакана, руководитель: Болонкина Зинаида Алексеевна публикуется впервые).

SUMMARY

Shodier Abdurazakov. With a poetic syllable about the educational potential of V. G. Korolenko's legacy

The personality and creativity of the Russian democratic writer V.G. Korolenko has great educational potential. This was noticed by his contemporaries, including reflected in Sasha Cherny's little-known comic poem "My Romance." Interestingly, the forecast of the Silver Age poet is confirmed by the example of a child's perception of the humanistic essence of Korolenko's life-creativity in the 21st century.

Keywords: V. Korolenko, Russian literature of the Silver Age, S. Cherny, poetry.

Андреева Диана

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Димитриева О. А.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

педагогический университет им. И. Я. Яковлева»,

г. Чебоксары, РФ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ «КУЛИНАРНО- ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО» ДЕМОТИВАТОРА

Статья посвящена анализу «кулинарно-гастрономических» демотиваторов, вербальный и/или невербальный компоненты которых отражают категорию времени. Рассматривается и осмысливается потенциал лексемы времени и связанных с ней единиц измерения в контексте демотиватора.

Ключевые слова: *демотиватор, вербальный и невербальный компоненты, кулинарно-гастрономическая сфера, категория времени.*

В настоящее время актуализируются исследования, связанные с изучением способов репрезентации современных реалий и фактов действительности в полимодальных, или креолизованных, текстах, а именно в демотиваторах. Правильное понимание и толкование таких текстов возможно при условии установления причинно-следственных связей между вербальным и невербальным компонентами, которые «синтезируются в визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата» [2, 14]. В. Н. Еремкина при этом обращает внимание на то, что демотиваторы выполняют «важнейшую для сетевого общения функцию – комическую» [4, 37].

В этом отношении создание комического эффекта в демотиваторах позволяет в большей степени воздействовать на человека.

Особенностью демотиваторов является их способность к отражению различных кодов той или иной культуры, в том числе и кулинарно-гастрономического. Изучению культурного кода посвящен ряд работ, в которых отражаются различные аспекты. Например, О. А. Димитриева, Д.В. Андреева обращаются к изучению демотиваторов кулинарно-гастрономической тематики с точки зрения анализа ценностного аспекта [3]. Актуальность темы определяется тем, что она связана с изучением глобальных текстовых единиц, способов их представления в креолизованном тексте на примере категории времени, отраженной в «кулинарно-гастрономических» демотиваторах. Для достижения цели исследования необходимо отобрать демотиваторы, компоненты которых отражают кулинарную тематику в связи с категорией времени.

Категория времени имеет своеобразную форму выражения в тексте. Н. С. Валгина в работе «Теория текста» рассматривает и различает анализируемую категорию в художественном и нехудожественном текстах [1]. Художественный текст, по мнению ученого, характеризуется субъективностью ощущения времени, актуализацией в нем скрытых смыслов; в нехудожественном тексте время выражает номинативно-предметное значение и характеризуется однозначностью [1, 93]. В связи с тем, что истинный смысл демотиватора складывается из анализа содержания компонентов демотиватора, категорию времени нельзя воспринимать однозначно, т.к. она обращена к содержанию текста и изображению демотиватора, следовательно, *время* приобретает коннотативные значения. Отметим, что сама лексема *время* является многозначной: в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой слово имеет около 10 значений [5], поэтому не следует трактовать категорию времени в демотиваторе однозначно: в контексте она может приобретать дополнительные смыслы, что усиливает комический эффект полимодального текста.

рис. 1

Интересно проанализировать функционирование категории времени в связи с кулинарно-гастрономической сферой. **1. Вербализация категории: слово *время* и его дериваты.** В демотиваторе (рис. 1) лексема *время* содержится в вербальном компоненте. Текст демотиватора иронически осмысливается при обращении к изображению (часы, сделанные из огурца) и надписи «Время стать веганом». Происходит буквализация вербального компонента демотиватора, что создает комический эффект. Обращаясь к тексту и изображению,

рис. 2

мы понимаем, что часы предназначены для определенного круга людей, а именно для веганов, рацион которых ограничен питанием овощами, фруктами и пр. В следующем демотиваторе (рис. 2) вербальный компонент содержит слово *вовремя* в значении «своевременно, к должному сроку»; в данном случае – к тому времени, когда это необходимо животному. В контексте демотиватора подчеркиваются причинно-следственные

отношения: из-за того, что кота не покормили вовремя, человек опоздал на работу. Обращение к изображению позволяет понять, что является этой причиной (изображение кота, который меняет время на часах хозяина). Подобная визуализация вносит в контекст демотиватора элемент юмора.

2. Вербализация времени посредством числовых эквивалентов.

рис. 3

Во многих демотиваторах обыгрывается прием пищи в ночное время, что связано с частотностью данной ситуации в жизни многих людей. Например, изображение демотиватора (рис. 3) – бегемот с набитым ртом – соотносится с ситуацией, когда человек просыпается ночью и идет на кухню для того, чтобы поесть. Вербальный компонент подчеркивает

эксплицирует привычку: «*Когда в 3 ночи меня кто-то застал на кухне*», визуальная часть вводит сравнение. Информация о времени происходящей ситуации – 3 часа ночи – подчеркивает как реальность ситуации, так и ее цикличность. В целом демотиватор отражает жизненную ситуацию человека во взаимоотношения с едой в ночное время, визуальный компонент придает ему элементы комического.

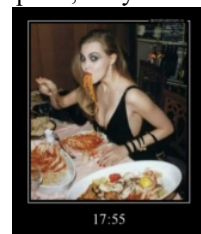

рис. 4

В вербальном компоненте следующего демотиватора (рис. 4) дается указание на точное время изображаемой ситуации. 17:55 – это время, когда человек, согласно общераспространенному стереотипу «не есть после 18.00» (подробнее см. [3]), еще может съесть, все что угодно. Визуальный компонент демотиватора изображает девушку, которая усиленно ест. На столе мы замечаем изобилие блюд, некоторые тарелки уже пусты. Следующий демотиватор (рис. 5)

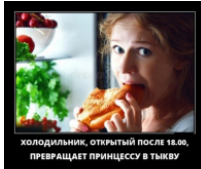

рис. 5

сообщает о последствиях приема пищи после 18:00 – принцесса может превратиться в тыкву. Сказочное превращение перенесено в реальную действительность, однако в тыкву превращается не карета, как в произведении Шарля Перро «Золушка», а сам человек (по форме тыквы).

рис. 6

3. Визуализация категории с помощью предметов, которые обозначают *время*.

Невербальный компонент демотиватора (рис. 1) визуализирует категорию времени с помощью изображения часов, сделанных из огурца. Изображение следующего демотиватора (рис. 6) содержит изображение часов в качестве визуализации времени. Демотиватор интересен тем, что *время* осмысливается как один из необходимых ингредиентов для приготовления борща. Визуальный компонент демотиватора содержит математическое выражение, где сумма всех слагаемых (женщины, плиты и времени – 40 минут) приводит к верному ответу – борщ готов.

Таким образом, категория времени в пространстве «кулинарно-гастрономического» демотиватора проявляется, приобретает дополнительные смыслы. Вербальный и/или невербальный компоненты в демотиваторах непосредственно содержат указание на время или отсылают к нему с помощью: 1) слова *время* и его дериватов; 2) числовых эквивалентов; 3) визуализации предметов, которые обозначают *время*. Категория времени в «кулинарно-гастрономическом» демотиваторе связана с продолжительностью, длительностью чего-либо (с измерением), с определенным моментом, в который совершается действие, с некоторым ограничением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н. С. Теория текста : Учеб. пособие для студентов вузов по специальностям 021500 – Изд. дело и редактирование, 021600 – Книгораспространение и направлению 520700 – Кн. дело / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 278.
2. Гладкая, Н. В. К вопросу о демотиваторах как неотъемлемой составляющей интернет-дискурса / Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 11. – С. 14–20.
3. Димитриева, О. А. Кулинарный код культуры в демотиваторах и современная интернет-коммуникация / О. А. Димитриева, Д. В. Андреева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 97–105.
4. Еремкина, В. Н. Демотиватор как популярный вид интернет-творчества / В. Н. Еремкина // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4(72). – С. 37–42.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.

SUMMARY

Diana Andreeva. The functioning of the time category in the space of a «culinary and gastronomic» demotivator

The article is devoted to the analysis of «culinary and gastronomic» demotivators, verbal and / or non-verbal components reflect the category of time. The potential of the time token and its associated units of measurement is considered and comprehended in the context of a demotivator.

Keywords: demotivator, verbal and non-verbal components, culinary and gastronomic sphere, time category.

Арустамян Марина

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузенная Т. Ф.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЭМОТИВАМИ В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Во фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка, неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Ключевые слова: фразеология, языковая картина мира, русский язык, армянский язык, лингвокультурология.

Актуальность исследования обусловлена тем, что фразеологизмы с компонентами-эмотивами составляют важный пласт лексики как отражение национально-специфических и общечеловеческих категорий культуры.

Цель: исследование фразеологических единиц с компонентами-эмотивами в русском и армянском языках.

Задачи: Сравнить фразеологизмы двух языков, семантически, структурно их систематизировать.

Сегодня фразеология занимает одно из ключевых мест в системе языка. Спектр изучения фразеологизмов широк, в современной лингвистике существует множество исследований, которые подтверждают это. Основу фразеологии составляют труды В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, В. Н. Телии [3], М. Л. Ковшовой,

Н. Г. В. М. Мокиенко, Б. А. Ларина, Л. Г. Петросян, С. Г. Тер-Минасовой, Н. К. Гаспарян.

Благодаря исследованию фразеологизмов создается представление о понимании человеком окружающей его действительности, поскольку «фразеологический материал индивидуален, проявляет качества, присущие человеку определенной культуры, транслирует его ценности и особое мировоззрение» [3, 17].

В современном мире все более ощутимым становится стремление к общению между людьми различных национальностей. Любовь к родному языку объединяет этнические группы в многоязычное человечество, которое способно взаимодействовать и общаться друг с другом, однако интересно то, как устанавливается связь между носителями различных языков, чем языки схожи, на чем базируются их различия.

Для В.М. Мокиенко фразеологическая единица – это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением [4]. Эмотивность Л. Г. Бабенко понимает как категорию, которая охватывает все языковые, в том числе и лексические отображения эмоций [1].

Фразеологизмы с компонентами-эмотивами условно можно разделить на три группы. Первую группу составляют фразеологические единицы, выражающие положительные эмоции. Они отражают состояние человека, который испытывает чувства радости, восхищения, восторга, то есть состояние счастливого человека. Эти эмоции помогают избавиться от негативных, отрицательных чувств и ощущений. Радость – одна из основных положительных эмоций человека, которая проявляется с помощью улыбки и смеха.

Фразеологизм *держаться за животики от смеха* в армянском языке имеет эквивалент *փորը բռնած ծիծաղել* [pory brnats tsitsaghelu]. Точные эквиваленты в русском языке также можно найти и для фразеологизмов *умирать со смеху* – *ծիծաղից մեռնել* [tsitsaghits mernel], *лопнуть со смеху* – *ծիծաղից պայտել* [tsitsaghits paytel], *валяться со смеху* – *ծիծաղից թափալվել* [tsitsaghits tavalvel]. *Смеяться от души* соответствует неточному армянскому фразеологизму *սրտանց ծիծաղել* [srtants tsitsaghel] (досл. смеяться от сердца). Русскому фразеологизму *смеяться в бороду* соответствует армянский фразеологизм *բեղի տակ ժպտալ* [beghi tak zhptal]. В обоих языках этот фразеологизм имеет значение «исподтишка, тайно смеяться, радоваться».

Счастье – чувство, которое характеризуется наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия и осмысления жизни. Фразеологизм *быть на седьмом небе* соответствует армянскому точному эквиваленту *յոթերորդ երկնքում*

իհնել [yoterord yerknkum linel]. В армянском языке также есть фразеологизм հոքու հաճուհի համար [hoku hangsti hamar], что дословно переводится как *ради спокойствия души*.

Любовь – сильное эмоциональное чувство с истинной привязанностью, обладающей большой силой. И потеря этой привязанности становится для человека невозможной, а жизнь – бессмысленной. Фразеологизм *всей душой* в армянском языке имеет точный эквивалент ամբողջ հոգով [amboghj hogov]. А *без памяти влюбиться* соответствует армянскому խելակորույս սիրահարվել (սիրել) [khelakoruyts siraharvel (sirel)] (досл. влюбиться (любить) как безумный). Для русского фразеологизма *кружить голову* также можно подобрать армянский неточный эквивалент սիրահարությունը գլխաւորույն զլիւսաւորույն [siraharutyun glkhaptuyt]. В армянском языке ещё есть фразеологизм սիրահարությունը ցանցը ընկնել [siraharutyun tsantsy unknelu], что дословно переводится как *попасть в сети любви*.

Помимо группы устойчивых сочетаний, связанных с положительными эмоциями можно выделить фразеологизмы с отрицательными эмоциями. Их мы отнесем во вторую группу. Недовольство – чувство неудовлетворения людьми или ситуацией. Фразеологизм *переполнилась чаша терпения* имеет один точный эквивалент в армянском языке համբերության բաժակը լցվեց [hamberutyun bazhaky ltsvets] и два неточных դանակը սկորին հասնել [danaky voskorin hasneluts] (досл. ножом добрался до кости), կատաղությունը գագաթնակետին հասնել [kataghutyuny gagatnaketin hasnel] (досл. достигнуть пика ярости).

Страх – это, пожалуй, самая сильная отрицательная эмоция, которая проявляется в результате опасности (воображаемой/реальной). Фразеологизм *ни жив, ни мертв* имеет точный армянский эквивалент ոչ մերած, ոչ կենդանի [voch merats voch kendani]. *Обжегся на молоке, дует и на воду* также соответствует точному эквиваленту կաթից վարվածը ջրից կվախենա [katits varvatsy jrits kvakhena]. А фразеологизм *душа ушла в пятки* имеет неточный эквивалент в армянском языке սիրտը (հոգին) փորը ընկնել [sirty (hogin) poru unknelu] (досл. сердце (душа) попало(а) в живот). *Сердце оборвалось* также соответствует неточному армянскому фразеологизму սիրտը պայթեց [sirty paytets] (досл. сердце взорвалось). Для фразеологизма *поджилки трясутся* можно найти в армянском языке эквивалент մարմինը դող ընկնել [marminy dogh unknelu] (досл. в тело попала дрожь).

Третью группу составляют фразеологизмы, которые выражают амбивалентные эмоции. Безразличие – состояние безучастия ко всему происходящему. Фразеологизм *смотреть сквозь пальцы* соответствует մատների արանքով նայել [matneri arankov payel]. В *одно ухо вошло, в другое вышло* также имеет точный эквивалент մի

սկանչից մտնել մյուսից դուրս գալ [mi akanjits mtneł myusits durs gal]. Фразеологизм *закрывать глаза на что-то* соответствует армянскому *աչքերը փակել* [achkery pakel].

Удивление – эмоция, которая проявляется при неожиданной ситуации. Для русских фразеологизмов не удалось подобрать точные эквиваленты в армянском языке. Так, *глаза на лоб* полезли соответствует *աչքերը երկինք թռան* [achkery yerkinx trran] (досл. глаза взлетели на небо); *делать круглые глаза* – *աչքերը րաց մնալ* [achkery bats mnal] (досл. глаза остались открытыми).

Таким образом, язык – это богатство нации, хранящее в себе сокровища человеческой мысли и опыта. Изучение и сопоставление фразеологизмов русского и армянского языков показывает, насколько эти два народа близки друг другу. Язык является зеркалом культуры и истории народа. Он отражает особенности национального характера, традиции и обычаи, а также ценности и нормы общества. Язык также может служить инструментом для сохранения и передачи культурной информации от поколения к поколению. Фразеологизмы как в русском, так и в армянском языках сложились и укоренились во всех слоях населения. Традиции, взгляды и интересы представителей двух народов схожи между собой. В результате этого множество фразеологических выражений этих языков имеют точные эквиваленты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке/ Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 764 с.
3. Кузенная, Т. Ф. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: “свой” vs “чужие” / Т. Ф. Кузенная, В. Д. Лебедева // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 15-22. – DOI 10.18721/JHSS.14202. – EDN KIVDMS.
4. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: учебн. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. М. Мокиенко. – М., 1980. – 207 с.

SUMMARY

Marina Arustamyan. Phraseological units with components of emotions in the Russian and Armenian language pictures of the world

The article highlights the problem of equivalence of phraseological units in the Russian and Armenian languages. Phraseology shows the closest connection between language and culture. Phraseological units are national units of the language that transmit the cultural potential of

the people from generation to generation. It manifest the peculiarities of every national language, the spirit and originality of the nation are expressed in a unique way.

Keywords: phraseology, linguistic picture of the world, Russian language, Armenian language, linguoculturology.

Галустьян Марина

Научный руководитель –

д. филол. н., доц. Шаталова О. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»,

г. Горловка, ДНР, РФ

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ПСЕВДОНИМА В СОВРЕМЕННОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

В статье делается попытка рассмотреть эволюцию представления о писателе от традиционного до медиа-персонифицированного, получившего возможность бытования в современной массовой культуре. Выявляется функциональное назначение псевдонима как способа выделения среди множества авторов для подчеркивания уникальности медиабренда.

Ключевые слова: *писатель, автор, произведение, псевдоним, читатель.*

Понятие «писатель» по-разному трактуется в толковом словаре, в повседневном употреблении рядовых носителей языка и в современном массмедийном пространстве.

Так, МАСподредакцией А.П.Евгеньевой дается следующее толкование: «ПИСАТЕЛЬ, -я, м Тот, кто пишет литературные произведения» [4, 125]. Традиционное понимание не отличается от словарной дефиниции с той разницей лишь, что писатель на самом деле не только пишет, но и читает литературу, к тому же как свою, так и своих коллег, чтобы лучше понимать суть писательского мастерства и разбираться в литературе. Писатель в данном каноническом понимании – творец, художник, мастер, который наделен особым мировидением и миропониманием, отличающем его от рядового носителя. Такое положение, помимо определенного настроя, требует специфического образования, наличия жизненного опыта, позволяющего человеку занимать позицию Писателя, Автора (по Бахтину М.М.). Такой образ писателя был общепризнанным в XIX и XX веках.

Однако современное общество, предлагая и утверждая тезис об уникальности любой личности, при всей парадоксальности подобной

оценки, ограничивает творческую натуру писателя, превращает искусство слова в своеобразную сферу бизнеса.

Авторами теперь являются не те, кто пишут, а те, кто подписываются. Чтобы чаще издавать свои произведения, писатели используют так называемый метод «конвейера»: вместо одного автора работает целый коллектив, каждый член которого занимается определенным видом деятельности (один придумывает сюжет, второй расписывает систему персонажей, третий делает пейзажную зарисовку и т. д.).

Цель традиционного писателя направлена на самовыражение и «окультуривание» общественной и частной жизни граждан. Иными словами, писатель должен был нести в массы «разумное, доброе, вечное», как утверждал Н. А. Некрасов. Сейчас же многие авторы используют писательство в качестве прибыльного дела: издательства «штампуют» писательские имена один за другим, популяризуют их, объединяют книги в серии (ведь без серийности будет меньше аудитория) и т. д. [5, 21].

Возникшая проблема в писательской среде начала XXI века заключается в том, что современные читатели получают уже «готовый» текст, который не требует от них дополнительной обработки, анализа и осмысливания. Основной задачей автора становится увеличение количества потребителей, которые, в свою очередь, повысят прибыль. При этом роль критика ограничивается невмешательством в творческий процесс писателя, то есть необходимостью воздержаться от выражения своего мнения по поводу прочитанного и не интерпретировать текст согласно своему мировоззрению.

Эта проблема имеет несколько важных аспектов. Во-первых, читатели лишаются возможности наслаждаться искусством самостоятельно, делать собственные выводы и развивать свою креативность. «Готовый» текст, который не оставляет места для собственных размышлений, ущемляет возможность развития мыслительных способностей и выработки критического суждения.

Во-вторых, авторы, стремясь привлечь больше поклонников и увеличить доходы, склонны снижать качество своей работы. Они обращают большее внимание на коммерческий успех, чем на творческую ценность своего произведения. Это приводит к упрощению сюжетов, поверхностным персонажам и отсутствию глубины в произведениях.

Наконец, роль критика становится менее значимой и ограничивается поверхностным анализом и описанием произведения. Критик не может высказать свое мнение, не может подробно интерпретировать текст и вносить свои собственные соображения.

В свете всех этих проблем, необходимо находить баланс между коммерческим успехом и творческой ценностью. Авторам следует

придерживаться высокого стандарта качества и привлекать читателей с помощью оригинальности и новаторства, а не просто повышать количество потребителей за счет упрощения и стандартизации своих произведений. Критики же должны иметь возможность выражать свое мнение и интерпретировать произведения согласно своему пониманию, чтобы обогатить читателей разнообразием точек зрения и способствовать развитию литературного мира.

Как мы уже говорили, современные авторы пишут книги быстро, ярко, ориентируясь на предпочтения современного читателя, для которого удобнее будет легкий слог, не требующий дополнительных обдумываний, и финал, не предусматривающий открытого конца. Вследствие чего таких «авторов» становится очень много, их стиль идентичен, что уже и не различишь одного от другого. Чтобы как-то выделиться из толпы «новоиспеченных» писателей, они придумывают для себя псевдонимы, необычные и броские, которые останутся надолго в памяти.

В то же время каждый из современных авторов старается включиться в определенный жанровый формат и псевдоним становится одним из средств сразу обозначить для читателя, какой среде / сфере / миру (в современной терминологии) принадлежит автор.

Проанализировав ряд популярных литературных сайтов (методом сплошной выборки были выбраны и первично оценены ~ 200 псевдонимов), были выявлены следующие тенденции (см. Таблица 1):

1) авторы, пишущие в жанрах фэнтези (разной направленности – любовное, приключенческое, юмористическое, боевое и т.д.), мистика и триллер, выбирают имена, построенные по образцу германо-романских имен. Своеобразный «иностранный» флер имени создает изначальную ассоциацию с пространством, не совпадающим с реальностью современных русскоязычных читателей и одновременно делает автора как бы жителем чужих земель, то есть знатоком, свидетелем описываемых событий, таким образом повышается уровень доверия к автору;

2) авторы, описывающие события, соотносимые с какой-либо исторической эпохой, часто в псевдонимах используют фамилии, имеющие определенный «исторический флер», так как принадлежат реальным деятелям истории или культуры;

3) стараясь, вероятно, стать ближе к детско-подростковой аудитории, пишущие детскую фантастику часто используют сокращенные имена: Саша – вместо Александр(а), Ник – вместо Николай / Никита и т.п.

Таблица 1

фэнтези / мистика	исторический детектив	детская фантастика	триллер / боевое фэнтези
Мстислава Чёрная Сэм Клаус Кира Касс Марина Эльденберт Кристина Корр Алекс Роваза Полина Люро	Анонимус Дмитрий Корсак Виктор Суворов Полина Дашкова Лиза Лосева	Саша Готти Аля Рогожина Ник Перумов	Елена Фили Гера Фотич Александр Варго Дан Лебэл Влад Аристархович Серж Винтеркей

Можно выявить и другие тенденции обыгрывания имени пишущего сегодня автора, которые определяются условиями игры автора с читателем или своеобразной, как уже отмечалось, борьбы за читателя. Такие псевдонимы помогают авторам создать своеобразный бренд и привлечь внимание читателей. Они могут быть связаны с особенностями стиля автора, его интересами или характером, либо быть полностью фантастическими. Такие псевдонимы могут быть примерами оригинальных и запоминающихся имен. Однако в то же время они абсолютно «форматны» и не позволяют внутри определенного ограниченного жанрово-тематического пространства различать авторов между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаборатория фантастики – информационный ресурс, посвященный литературе – Лаборатория Фантастики (fantlab.ru)
2. Лайвлиб – книжный рекомендательный сервис – LiveLib – сайт о книгах, социальная сеть читателей книг
3. ПроДетЛит – Всероссийская энциклопедия детской литературы – ПроДетЛит (prodetlit.ru)
4. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3 П-р. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, – 1987. – 752 с.
5. Флиер, А. Я. Социальные функции культуры / А. Я. Флиер // Вестник МГУКИ. Серия: Теория и история культуры. – 2012. – №4 (48). – С. 19–25.

SUMMARY

Mariya Galustyan. Specifics of pseudonym creation in modern writing environment

The article attempts to consider the evolution of the idea of a writer from traditional to media personified, able to exist in modern popular

culture. The functional purpose of the pseudonym is revealed as a way of highlighting among many authors to emphasize the uniqueness of the media-brand.

Keywords: writer, author, work, pseudonym, reader.

Гелюх Наталья
старший преподаватель
кафедры начального образования
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР, РФ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются наиболее типичные лексические ошибки, причины их появления, условия предупреждения и исправление в речи будущих педагогов, предложены примеры упражнений, повышающих общий уровень языковой культуры и эффективность общения.

Ключевые слова: коммуникативная культура, лексическая ошибка, речевые нарушения, редактирование.

От сердца я хочу воззвать
Ко всем, кто сын России верный:
Пора не «начать», а начать
Язык наш очищать от скверны.
Друзья, следите за собой,
Когда по-русски говорите.
Ведь это наш язык родной –
Его для внуков сохраните!

Этот отрывок из стихотворения «Ода русскому языку» известного российского актера Евгения Весника приводит к печальным размышлениям о падении языковой культуры в современном обществе. Важным направлением работы по формированию коммуникативной культуры молодых граждан нашей страны является предупреждение и преодоление нарушений в речи.

Несоблюдение определенных правил или некорректное применение заданных норм не обеспечивает правильности протекания деятельности и приводит к отклонению от верного результата, к ошибке. Акцентирование внимания на процессуальном

содержании понятия ошибки ориентирует нас на поиск и устранение условий, причин их появления.

Данные положения полностью применимы и к характеристике неправильностей в речи. Автор книги «Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика)» Ю.В. Красиков отмечает: «... отклонение в речевой деятельности не является чужеродным для этой деятельности, но органически присуще ей... ошибки необходимо входят в наше языковое поведение» [3, 60].

Очень важно не только знать наиболее типичные, частотные ошибки, но и понимать механизмы порождения этих нарушений, причины их появления, а также уметь их распознавать, квалифицировать и исправлять.

Всесторонний анализ ошибок, по мнению А.А. Леонтьева, обеспечивает выявление их причин, определяет пути исправления и предупреждения. «Во-первых, нельзя добиться существенного улучшения существующей методики, не зная ее «слабых» мест, как раз и проявляющихся в ошибках. Во-вторых, ошибка является одним из важнейших орудий исследования нормального, правильного функционирования речевого механизма» [1, 78].

Работа над формированием коммуникативной культуры требует учитывать особенности языковой ситуации региона, специфику местной речи, уровень речевой культуры студенческого социума в целом и отдельных лиц в частности. Не случайно Л.В. Щерба называл «отрицательный языковой материал» (ошибки) «драгоценным», поскольку именно в ошибках, по его мнению, проявляются слабые места методики обучения [5].

Группировка речевых нарушений по определенным принципам позволяет не только объективно оценивать уровень речевой культуры, но и выбирать эффективные методы работы над конкретными отклонениями от нормы. Нарушения в речи, особенно грубые, затрудняют процесс общения, восприятие информации, вызывают у окружающих негативное отношение к тем, кто допускает подобные ошибки.

Группа лексических ошибок входит в число речевых.

Плеоназм – повторение однородных слов (оборотов) в словосочетании, употребление лишнего слова: *в конечном итоге, очень прекрасный, совместное сотрудничество, в марте месяце, завершить полностью*. Ошибка связана с неточным (или неверным) толкованием значения слова, часто заимствованного по происхождению: *свободная вакансия, печальное фиаско, народный фольклор, памятный сувенир, прейскурант цен*, иногда с ошибочным образованием грамматической формы: *более медленнее, самый красивейший*. Чаще всего в этих словосочетаниях значение одного слова является компонентом другого, т.е. мыслительным топтанием на месте.

Неточный (неправильный) выбор слова: *Стихотворение оснащено восклицательными знаками, Хороший режим в Латвии (о традициях песенных праздников), Своим творчеством Пушкин воздвиг себе глубокий пьедестал; Чтобы быть грамотным и с большим жаргоном слов, надо много читать; часто в фразеологизмах: бежать сломав голову, видно невооруженным взглядом, как дурак со списанной торбой.* Иногда это происходит из-за смешения лексики разных исторических эпох: *Солдаты князя Игоря были отважными и смелыми.*

Неправильный выбор слова искажает смысл высказывания. Употребление слов в полном соответствии с закрепленными за ними в языке значениями обеспечивает точность речи. Замена простых и ясных слов (сейчас многие молодые люди злоупотребляют иноязычными словами: *имидж, эксклюзивный, гламур*) книжными, мудреными делают речь запутанной и сумбурной.

Нарушение лексической сочетаемости слов: *играть значение, иметь роль, занять серебряную медаль, поднять тост* (смешение с *играть роль, иметь значение, занять место, получить медаль, поднять бокал, произнести тост*), *увеличение уровня образованности* (вместо *повышение*); *Ребята сделали первый подвиг; После уроков школьники пошли на спортивную площадь; Глаза кариего цвета; под влиянием интерференции: брать участие.*

Смешение паронимов: *совершил логический поступок* (вместо *логичный*). Трудности в употреблении этих слов возникают, поскольку они однокоренные и часто близки по звучанию и написанию, но имеют разное лексическое значение: *адресат – адресант; дворяне – дворовые; дворник – дворецкий; стих – стихотворение; удачный (успешный, хороший) – удачливый* (тот, кому везет, кому сопутствует удача).

Лексические украинизмы: *бураки, ихний, довела теорему, его поведение впало мне в глаза, наведать больного, похмурый, пухнастый.* Чаще всего используются эти слова ненамеренно, без какой бы то ни было семантико-стилистической установки.

Неоправданное употребление просторечных и диалектных слов: *нету, ложить, убраться в доме.*

Тавтология – неоправданное употребление в предложении (тексте) одних и тех же или однокоренных слов: *Полил проливной дождь; Построено так много строек; Изобретатели изобрели новый комбайн; поэты поэзии.*

Лексические повторы показывают неумение четко и лаконично формулировать мысль. Поэтому повторение слов наносит ущерб информационной насыщенности.

Студенты имеют опыт анализа ошибок, исправленных преподавателем, что позволяет им самостоятельно корректировать

тип нарушения, его причины, т.е. характеристики отклонения от нормы.

Упражнения на исправление ошибок должны выработать умение контролировать свою собственную речь и речь окружающих. При самоконтроле существенна не просто установка на нахождение ошибки, но и осмысление ее социальной значимости: ошибка понижает эффективность общения, может привести к нарушению понимания, отвлечь слушающего от содержания сообщения, заняв его внимание оценкой уже не содержания, а самой неверной речи говорящего. Только обнаружив и правильно квалифицировав ошибку, т.е. определив, какая норма нарушена и как произошел сбой, можно мотивированно исправить ошибку – выработать контрольный аппарат различения правильной и дефектной речи.

Редактирование (исправление дефектного текста) – это важный прием исправления и предупреждения речевых лексических ошибок, первая ступень в овладении умением совершенствовать написанное.

Имеет смысл ознакомить студентов с «неправильностями» в языке художественных произведений, так как целесообразное употребление мастерами слова отступлений от языковых норм выполняет разнообразные функции, являясь, например, средством речевой характеристики персонажей, благодаря включению

- диалектных форм: *Ванька, как и все мои односельчане, у многих глагольных основ в разговорной речи уворовывал букву «е», и у всех нас получалось: «работат» вместо «работает», «гулят» вместо «гуляет», «знат» вместо «знает» и тому подобное* (М. Алексеев);

- украинизмов: *В уступе он влюбленными глазами следил за работой своего учителя.*

- *Ой, як же вы здорово уголь рубаете!.. От я видел в цирке, как там на рапирах бились, – так куды там, у вас красивіше!.. Вы як хочете...* (Б. Горбатов);

- просторечия: *Председатель встал, потребовал тишины и сказал: «Граждань!» – он всегда на сходках почему-то говорил не «граждане», а «граждань», видимо, для торжественности. «Граждань! Начнем собрание»* (А. Рыбаков);

- особенностей детской речи: *«Будет! Скажи лучше, Ося, как звать твою лошадь?» – «Конь... Как же еще? У лошадей не бывает фамилий»* (Л. Кассиль);

- неправильных форм для создания иронии:
*По мне – уж если прибегаешь
К чужим и мыслям и трудам, –
О чем с трибуны «докладаешь»,
Ты заучи хоть по складам!* (С. Михалков)

Студенты сами находят в художественных текстах отступления от норм, служащие для фольклорной стилизации, воссоздания исторического колорита, национальной специфики, воздействия на читателя. Иногда «неправильности» помогают автору подчеркнуть, выделить какие-то мысли, чувства.

Таким образом, понятно, что обоснованные нарушения норм (не по незнанию, а специально употребленные) входят в пространство языковой игры, которую может себе позволить носитель литературного языка.

Основой для исправления ошибок и недочетов является усвоение языковых уровней (лексического, грамматического и др.), повышение уровня коммуникативной культуры будущих учителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : КРАСАНД, 2014. – С. 78.
2. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / М.Р. Львов. – М. : Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 1999. – 269 с.
3. Красиков, Ю. В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика) / Ю. В. Красиков. – М. : Наука, 1980. – С. 60.
4. Панькин, В. М. Языковые контакты: краткий словарь / В. М. Панькин. А. В. Филиппов. – М. : Наука: Флинта, 2011. – 160 с.
5. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

SUMMARY

Gelyuh Natalya. Prevention of speech errors as a basis for the formation of the communicative culture of future teachers

The article examines the most typical lexical errors, the causes of their occurrence, the conditions for prevention and correction in the speech of future teachers, and offers examples of exercises that increase the overall level of language culture and the effectiveness of communication.

Keywords: communicative culture, lexical error, speech disorders, editing.

Головко Анастасия
Научный руководитель –
старший преподаватель Мозила Н. Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ

КООПЕРАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК НОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБУЧЕНИИ

Основное внимание в данном исследовании уделяется, прежде всего, изучению условий внедрения формата кооперативного обучения в преподавание как одного из основных показателей повышения речевой активности и коммуникативной компетентности обучающихся, эффективного взаимодействия с другими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения.

Ключевые слова: кооперативное обучение, малые группы, сотрудничество, коллаборативность.

Модернизация образования в ДНР требует не только активного насыщения учебных заведений новыми педагогическими технологиями, но и кардинального изменения образовательных приоритетов, подходов к построению индивидуальных образовательных траекторий и парадигмы в целом. К таковым, несомненно, относится технология кооперативного обучения, модели которой являются альтернативой моделям, основанным на конкуренции.

Целью данного исследования является изучение условий внедрения в преподавание русского языка формата кооперативного обучения.

Задача: проанализировать формы технологии содружества при изучении лингвистических дисциплин как одного из основных показателей повышения речевой активности и коммуникативной компетенции обучающихся при изучении лингвистических дисциплин.

Методика кооперативного обучения – это вариант обучения в сотрудничестве, связанный с большим разнообразием обучающих структур. Л. Г. Рубцова в своей работе «Организация групповой работы учащихся» убеждает нас в том, что форма работы, основанная на технологии сотрудничества, работе в малых группах, парном обучении, проектной деятельности благоприятно содействует образовательный процесс и развитие обучающихся [3].

В настоящее время на процесс обучения оказывают влияние идеи, сформулированные в трудах теоретиков общей и педагогической

психологии 50-60-х годов XX века (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и др.), прогрессивных учителей-практиков (А. С. Макаренко, А. В. Сухомлинского и др.), что нашли отражение в утверждении сотрудничества как одного из оснований принятия решений в педагогическом коллективе.

Термин «*кооперативное обучение*» первоначально возник как официальная педагогика под руководством американских ученых С. Смита, Д. Джонсона и Р. Джонсона.

Мы поддерживаем взгляды К. Смита, который считает, что кооперативное обучение – это использование малых групп для целей обучения, в которых обучающиеся работают вместе таким образом, чтобы максимально повысить не только свою успеваемость, но и успеваемость других.

Истоки становления кооперативного обучения заложены в трудах чешского педагога-гуманиста Я. А. Коменского, который отмечал, что тайна великой учености – это многое спрашивать, усваивать и учить других. Важной выступает идея о том, что обучать – это значит все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать.

Необходимо отметить богатый опыт использования кооперативного обучения в школах, колледжах и институтах США, которые нашли отражение в ряде исследований американских ученых (Давид и Роджер Джонсон, Шломо и Яэл Шаран, Роберт Славин, Элизабет Кохен, Патрисия и Ричард Жмак).

Без всякого сомнения, возникновение и развитие кооперативного образования вытекает из самой сущности кооперативных отношений, где привычка к совместной работе и чувство солидарности воспитывались с момента его зарождения. Основные принципы, на которых были основаны российские кооперативы, изначально были направлены на воспитание высших человеческих качеств, просвещение трудящихся, помощь и содействие нуждающимся.

Следует акцентировать внимание на то, что особое значение имеет изучение системы кооперативного образования на разных этапах развития, ее места и роли в развитии регионального образования, влияния на формирование образовательной базы.

Ученые (Л. Выготский, Ж. Пиаже и Д. Дьюи и др.) основывают свою теорию обучения на развитии познания, где взаимодействие рассматривается как необходимый компонент когнитивного роста.

Заслуживает внимание работа Р. Нисбет, в которой автор среди основных типов кооперации выделял:

1) *автоматическую кооперацию*, существующую на инстинктивно-биологическом уровне, связанную с организацией стай и борьбой за выживание, безопасностью потомства, половым поведением и т. д.;

2) *традиционную кооперацию*, опирающуюся на традиции поколений и исторически сложившиеся социальные нормы;

3) *спонтанную кооперацию*, основанную на знакомстве, сочувствии и привязанности, определяемое ситуативными условиями;

4) *директивную кооперацию*, характерную для военных организаций, некоторых видов предпринимательства, где отсутствие добровольного участия является решающим условием существования группы;

5) *контрактные формы кооперации*, где объединение индивидуальных интересов участников происходит на основе формальных или неформальных договоренностей между ними.

Исследователи отмечают, что сложность кооперативного обучения отчасти объясняет тот факт, что оно, как правило, используется реже, чем «соревновательное» или «индивидуальное», даже если в долгосрочной перспективе кооперативное обучение более эффективно, чем два других [1, 350].

В рамках исследования необходимо отметить взгляды психологов, выделяющих системообразующие основания кооперативного обучения.

К. Ковка и М. Дойч опираются на теорию социальной *взаимозависимости*, где сотрудничество показано как результат позитивной взаимосвязи индивидуальных целей; сущность групповой работы и взаимоотношения ее членов (группа представляет собой «динамическое целое»), где изменения в статусе отдельных членов или подгрупп изменяют статус других членов или подгрупп.

И. А. Зимняя отмечает: «Сотрудничество – это гуманистическая идея совместной развивающей деятельности детей и взрослых, скрепленных взаимопониманием, проникновением в духовный мир друг друга, коллективным анализом хода и результатов этой деятельности... В основе стратегии сотрудничества лежат идеи стимулирования и направления педагогом познавательных интересов учащихся» [2, 107].

Многие ученые, учителя-практики термины «*кооперативное обучение*» и «*сотрудничество*» воспринимают как синонимы. Рассматривая термин «*сотрудничество*» в различных источниках, можно отметить, что оно понимается авторами как:

- участие в каком-либо общем деле;
- совместные действия, деятельность;
- работа в каком-либо учреждении;
- совместная деятельность, труд.

Бесспорно, изобилие заимствованных терминов в современном русском языке – серьезная проблема. В большом количестве и не всегда уместные – они вытесняют из речи аналогичные по значению русские слова.

Например, сейчас стали модными слова «*коллаборация*», «*коллаборативность*», «*компетенции коллаборации*» и др. Можно услышать: «*Мы сделали коллаборацию...*», вместо «*Мы сотрудничаем...*» или «*В результате сотрудничества...*».

Действительно, английское слово «*collaborative*», в переводе на русский язык, обозначает – *общий, объединенный, совместный*. Необходимость (рациональность) его использования в образовательной среде, мы рассмотрим в следующих работах.

Использование кооперативных методик реализует идею сотрудничества обучающихся, учит конструктивному взаимодействию, способствует улучшению психологического климата в аудитории, создает доброжелательную атмосферу и значительно повышает мотивацию к изучению лингвистических и прикладных дисциплин, способствует формированию коммуникативной и профессиональной компетенции будущих специалистов.

Таким образом, по сравнению с групповой работой, внедрение форм и методов технологии кооперативного обучения является более выгодным, они способствуют развитию в обучающихся познавательной и самостоятельной деятельности в образовательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеева, Н. Ш. «Шведский стол» стратегий в рамках кооперативного обучения / Н. Ш. Валеева, С. Д. Пивкин, Э. В. Севостьянова // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. № 21. – С. 350–353.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – Ростов-на-Дону : Издательство «Вишня», 1997. – 480 с.
3. Рубцова, Л. Г. Организация групповой работы учащихся / Л. Г. Рубцова. – URL: http://skolaharangino.ucoz.ru/Metodic_books/_organizacija_gruppovoj_raboty_uchashhikhhsja.doc (дата обращения: 20.11.2023)

SUMMARY

Anastasia Golovko. Technology of cooperative learning and its role in the educational process: a theoretical aspect

The article highlights the problem of cooperative learning technology. The main attention in this study is paid, first of all, to the study of the conditions for the introduction of the cooperative learning format into teaching as one of the main indicators of increasing speech activity and communicative competence of students, effective interaction with other people in situations of formal and informal interpersonal and intercultural communication.

Keywords: cooperative learning, small groups, cooperation, collaboration.

Демченко Наталья
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Соснина Л.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ УГРОЗЫ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

В работе рассматривается речевой акт угрозы как инструмент речевой агрессии. Предлагаются определения для понимания угрозы, рассмотрены ее виды. Определен вид угрозы, преобладающий в Интернет-изданиях, а также предложен ряд вербальных маркеров, формирующих речевой акт угрозы.

Ключевые слова: угроза, речевой акт, менасивный речевой акт, речевая агрессия, интернет-СМИ.

Интернет-пространство сегодня представляет собой уникальный ресурс, который позволяет получить доступ к всесторонне разнообразной информации. В условиях современного ритма жизни большей части населения Интернет-СМИ становятся основным источником информации о политических, спортивных, экономических и других новостях в мире. Особенный интерес у общества, безусловно, вызывают события геополитического характера.

В рамках исследования речевой агрессии в средствах массовой информации мы считаем необходимым изучить возможные проявления угрожающих высказываний в регулярных Интернет-изданиях. В данной работе рассмотрим несколько случаев на примере одного из таких информационных ресурсов, «РИА Новости», опубликованных за ноябрь 2023 года.

Для распознавания соответствующих нашему исследованию высказываний мы предлагаем определиться с понятием угрозы и ее особенностями.

«Угроза» в Словаре русского языка имеет следующие определения: «1. Обещание причинить какое-либо зло, неприятность; 2. Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события; тот, кто (или то, что) может причинить зло, неприятность» [5, 462]. Большой энциклопедический словарь предлагает более развернутое определение – «высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам. Наиболее опасные виды угрозы – убийство, нанесение тяжких телесных повреждений или уничтожение имущества – образуют специальные составы преступления и караются в уголовном порядке» [3].

Изучению феномена «угроза» были также посвящены работы А.Н. Баранова, К.И. Бринёва, Н.А. Бута, Б.Б. Быстрова, В.С. Ковалевой, Е.В.Любичкой, И.А. Мартыновой, Т.Г. Рабенко, Н.Н. Нестеровой, М.А. Осадчего, Б. Фрайзера, П. Гингисса и др.

С точки зрения конфликтологии наиболее конкретизированное определение предлагает Б. Фрайзер: «Вербализованное, письменное или переданное в электронном виде сообщение, которое содержит прямое или косвенное указание на какое-либо событие, последствия которого окажут негативное воздействие на адресата либо иных лиц, с ним связанных» [7, 162].

В. В. Быстров, исследуя менасивные диалогические реплики, отмечает, что важно рассматривать угрозу как социально обусловленный жанр, поскольку именно благодаря анализу сочетания языковых структур и социальных контекстов жанра, в целом, мы можем сделать вывод о том, что коммуникативный акт угрозы представляет собой социально-лингвистический феномен, где намерения и ожидания говорящих интерпретируются индивидуально в зависимости от использованных языковых средств [4].

Различают эксплицитные и имплицитные менасивные речевые акты. Эксплицитное выражение подразумевает открытую, прямую угрозу, где действие выражено достаточно четко и конкретизировано. Ю.В. Щербинина утверждает, что угроза может принимать скрытую форму, если построена на принципах косвенного речевого воздействия: умолчания; особой интонации; риторического вопроса. Сюда же исследователь относит враждебный намек и иносказание [6, 225]. Угрозы в скрытой форме могут содержать также напоминание о статусе угрожающего, его опыте поведения в аналогичных ситуациях, влиятельности и авторитете.

В текстах Интернет-СМИ чаще прослеживаются именно скрытые угрозы, что неудивительно. Преимущественно это связано с рядом юридических факторов: обязательная регистрация в реестре СМИ (Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»), ограничения, установленные Уголовным кодексом Российской Федерации (например, ст.119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») и др.

Для изучения речевых актов угрозы мы вслед за А.Н. Барановым предлагаем подразделять их на два основных типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения [1]. По его словам, «угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и предупреждает адресата о наказании, которое за это последует» [1, 140]. Угроза-предупреждение «используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить

нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это» [1, 141].

Рассмотрим несколько примеров из новостной ленты Интернет-издания «РИА Новости». В статье «МИД России осудил передачу скифского золота Украине» мы можем увидеть следующую цитату Марии Захаровой: «Есть все основания полагать, что речь идет о воровстве, причем за этим воровством стоят сами киевские власти. Мы же видим, как информация о вывезенных, еще недавно сохранявшихся на территории Украины предметах искусства появляется в интернете, на аукционах, в социальных сетях. Поэтому есть подозрение, что крымские артефакты могут быть утрачены. *В таком случае, ответственность будет лежать в том числе на Нидерландах.* Возможно, в этом кто-то там же заинтересован». В данном случае имеет место угроза-предупреждение (т.к. факт утери крымских артефактов лишь возможен, но не доказан). Угроза выражена следующим фрагментом «ответственность будет лежать» [1]. Мы видим указание на возможное наказание и использование предиката будущего времени.

Еще один пример в рамках этой же ситуации в цитате Михаила Шеремета «Коллекцию скифского золота фактически украли у Крыма и передали террористическому государству под названием Украина. Призываю киевские власти не прятать далеко скифское золото и хорошо за ним ухаживать, так как коллекцию придется вернуть в Крым. *Мы обязательно за ней придем* и культурное достояние России вернется снова в крымские музеи» [2]. Здесь мы наблюдаем обещание «*мы обязательно за ней придем*», что ввиду сегодняшних отношений с Украиной носит более чем угрожающий характер за счет использования будущей формы глагола и усилителя «*обязательно*».

Не менее часто публикуются статьи о медийных личностях, которые покинули Россию. В одной из таких публикаций мы видим очередной пример угрозы скрытого типа: «Спикер ГД Вячеслав Володин ранее на пленарном заседании в ГД заявил, что релокантов, которые уехали из России и совершили „подлые поступки, радуясь выстрелам по территории РФ, желая победы нацистскому кровавому киевскому режиму“, в России не только не ждут, но и, *если они вернуться, им „Магадан обеспечен“*» [3]. В данном примере реализована угроза-предупреждение, завязанная на иносказании и принципе ассоциации. «Магадан» до сих пор у большинства россиян ассоциируется с ГУЛАГом (название центрального государственного органа управления уголовно-исполнительной системой в СССР в 1930–1956 гг.; иногда используется для обозначения совокупности всех учреждений пенитенциарной системы СССР в 1930–1950-х гг.) [2].

Итак, в Интернет-изданиях преимущественно преобладают скрытые угрозы. Интересен тот факт, что сами журналисты не вносят субъективно-оценочный компонент в публикации, а используют цитаты медийных личностей с маркером угрозы. В рамках исследования угроз на примере «РИА Новости» мы можем обозначить следующие вербальные маркеры как наиболее характерные: использование глаголов будущего времени, усилителей (*обязательно, предельно ясно и др.*), условные предложения «если-то» («*в организации заявляли о готовности полностью заблокировать движение на границе с Украиной, если к их мнению в Европейской комиссии не прислушаются*» и др.).

Перспективы дальнейших исследований мы видим в подробном изучении угроз на примере других Интернет-изданий с возможностью составить банк примеров, который послужит частью эмпирической базы для исследования речевой агрессии в СМИ. Особый интерес для изучения речевых актов угрозы также представляют комментарии пользователей к новостным статьям, которые, к слову, чаще содержат признаки прямых угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы. – №4 (36). – 2014. – С. 139–147.
2. Большая российская энциклопедия словарь // [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/gulag-bbafb7> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Большой энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. – URL: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-enciklopedicheskii-slovar/174681-ugroza/> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Быстров, В. В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик: дисс. ... к. филол. н. – Тверь, 2001. – 124 с.
5. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка в четырех томах (ред.). – Т. 4. – М. : Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – С. 462.
6. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2012. – 400 с.
7. Fraser B. Threatening revisited // Forensics. – 2008. – Vol. 5. – Iss. 2. – P. 159–173.

Список иллюстративных материалов

1. МИД России осудил передачу скифского золота Украине / РИА Новости // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231129/zoloto-1912569926.html> (дата обращения: 30.11.2023).

2. В Госдуме призвали Киев далеко не прятать скифское золото / РИА Новости // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231127/zoloto-1912175479.html> (дата обращения: 30.11.2023).
3. Михалков заявил, что не будет работать с релокантами / РИА Новости // [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231123/relokanty-1911344487.html> (дата обращения: 30.11.2023).

SUMMARY

Natalia Demchenko. Verbal markers of menace in online media

The speech act of menace as an instrument of verbal aggression is considered. Definitions to understand the menace have been proposed, and its types have been considered. The type of menace prevailing in online publications has been determined, and a number of verbal markers forming the speech act of menace have been proposed.

Keywords: menace, speech act, menacing speech act, verbal aggression, online media.

Дзис Анна

*Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И.А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ*

ГОДОНИМИЯ Г. ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАЦИИ

В данной работе рассматриваются топонимы города Горловки сквозь призму культурного наследия нации и описаны три группы топонимов, восходящие к именам известных людей по признаку сферы их деятельности.

Ключевые слова: *топоним, культура, ономастика, оним.*

Исследование топонимического пространства различных городов является перспективной и актуальной областью научных исследований в современной лингвистике. Топонимия г. Горловки не является исключением в связи с тем, что представляет собой богатый массив онимов, изучать которые необходимо сквозь призму культурного наследия нации, так как наименования линейных адресных объектов хранят факты истории, культуры и традиций населяющих его жителей.

Цель работы – анализ топонимов г. Горловки сквозь призму культурного наследия нации.

Объектом исследования выступили топонимы г. Горловки, **предметом** – тематические группы топонимов Горловки сквозь призму культурного наследия нации.

В ономастическом пространстве современной Горловки зафиксирован ряд названий линейных адресных объектов, которые восходят к именам известных людей по признаку сферы их деятельности. Рассмотрим их.

Первую группу составляют топонимы, восходящие к именам писателей, деятелей культуры, артистов, скульпторов, композиторов, художников. Например, пер. *Айвазовского* именован в честь русского художника-мариниста XIX века Ивана Константиновича Айвазовского; ул. *Васнецова* носит имя известного русского художника-живописца и архитектора XIX века Виктора Михайловича Васнецова; ул. *Вахтангова* именована в честь русского театрального режиссёра, актёра и педагога Евгения Багратионовича Вахтангова; ул. *Беспощадного* носит имя известного русского поэта Павла Григорьевича Беспощадного. Ул. *Святослава Рихтера* и ул. *Рихтера* связаны с именем советского пианиста, героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, а также лауреата различных премий Святослава Теофиловича Рихтера. К примерам данного типа относятся также ул. *Достоевского*, ул. *Крылова*, ул. *Симонова*, ул. *Сосюры*, ул. *Станислава Монюшко*, ул. *Станиславского*, ул. *Станюковича*, ул. *Сумарокова*, ул. *Сурикова*, ул. *Танеева*, ул. *Твардовского*, ул. *Толстого*, ул. *Тургенева*, ул. *Франко*, ул. *Чаадаева*, ул. *Чайковского* и др.

Вторую выделенную нами группу составляют номинации линейных адресных объектов, восходящие к именам академиков, учёных, космонавтов и исследователей разных областей науки. Например, ул. *Академика Бардина* именована в честь инженера Ивана Павловича Бардина, который был удостоен звания академика за технические разработки и внедрение новых принципов в строительные технологии без учёта опубликованных научных трудов; ул. *Лихачёва* носит имя советского и российского филолога, культуролога, доктора филологических наук Дмитрия Сергеевича Лихачёва; ул. *Ломоносова* носит имя Михаила Васильевича Ломоносова – человека, преуспевшего во многих областях науки. А. С. Пушкин назвал М. В. Ломоносова «первым нашим университетом» по причине того, что открытия в области химии, физики, астрономии и лингвистики на десятилетия опередили работы западноевропейских учёных. Топоним ул. *Королёва* наименован в честь Сергея Павловича Королёва – создателя ракетно-космической техники, под руководством которого был осуществлён полёт в космос Юрия Гагарина. Горловка прославлена именем космонавта Александра Александровича Волкова – Героя

Советского Союза, почётного горловчанина, осуществившего три полёта, два из которых были под его руководством. Сын А. А. Волкова Сергей Александрович Волков – первый в мире космонавт во втором поколении. В честь А. А. Волкова названы ул. *Волкова* и ул. *Космонавта Волкова* в Горловке. К примерам данного типа мы относим ул. *Седова*, ул. *Сеченова*, ул. *Столбуна*, ул. *Столетова*, ул. *Тимирязева*, ул. *Туполева*, ул. *Умова*, ул. *Ухтомского*, ул. *Фарадея*, ул. *Хлопина*, ул. *Циолковского*, ул. *Челюскина*, ул. *Черепановых* и ул. *Братьев Черепановых*, ул. *Шокальского*, ул. *Шпагина* и др.

Концепты «шахтёрского» кластера явились «ономастиологическим основанием» для формирования названий линейных адресных объектов современной Горловки. Концептуализация Донбасса как шахтёрского края связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна и шахтёрского труда [1], поэтому третья группа рассматриваемых линейных адресных объектов – топонимы, восходящие к именам горнорабочих шахты им. К. А. Румянцева, погибших в результате выброса метана 28 апреля 1966 года. Так, ул. *Бориса Макухи* наименована в честь проходчика Бориса Климовича Макухи, ул. *Малыныча* названа в честь забойщика Николая Назаровича Малыныча, ул. *Прилуцкого* носит имя крепильщика Фёдора Ивановича Прилуцкого. К данной группе мы относим также наименования ул. *Бардакова*, ул. *Братьев Мазиковых*, ул. *Кузьменко*, ул. *Шевченко*, ул. *Степана Бабия* и др.

Таким образом, выступая языковыми единицами, топонимы хранят общественно-исторический опыт и культурную информацию о городе, его истории, традициях и обычаях. Так, наименования линейных адресных объектов, зафиксированные в ономастическом пространстве современной Горловки, отображают культурный код русской нации, который прослеживается в значимых для города номинациях.

Итак, топонимическая система города Горловки представляет собой пласт лексических единиц, который требуют дальнейшего более предметного исследования, в том числе и с лингвокультурологической точки зрения. Этой теме будут посвящены наши последующие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко, И. А. Когнитивно-дискурсивное пространство полиэтничного Донбасса / И. А. Герасименко // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. – Брянск : РИСО «БГУ», 2021. – С. 74-80.
2. Савенко, Н. А. Шахтёрские антропонимы / Н. А. Савенко // Генеалогія горлівчан: Матеріали третьої міської науково-практичної конференції. Горлівка, 2002. – С. 20-24.

3. Герасименко, И. А. Отображение концептуального поля 'шахтёр' в годонимиконе современной Горловки / И. А. Герасименко, А. В. Пивень // Русский язык в поликультурном мире: VI Международный симпозиум (8–12 июня 2022 г.) / Редкол.: И. П. Зайцева, Е. М. Маркова, Т. С. Чабаненко, Е. М. Шахова и др. : Сб. науч. статей. В 2-х т. – Т. I. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – С. 89-93.

SUMMARY

Anna Dzis. Godonymy of Gorlovka through the prism the cultural heritage of the nation

This work examines the godonyms of the city of Gorlovka through the prism of the cultural heritage of the nation and describes three groups of godonyms that go back to the names of famous people based on the scope of their activities.

Keywords: godonym, culture, onomastics, onym.

Друкер Анастасия

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузённая Т.Ф.

Балтийский федеральный университет

им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРК И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В «ПОВЕСТИ И ЖИТИИ ДАНИЛЫ ТЕРЕНТЬЕВИЧА ЗАЙЦЕВА»

В статье приводится исследование индивидуально-авторских трансформаций фразеологизмов писателя-старообрядца, выявляются основные типы трансформаций, их влияние на семантику устойчивых сочетаний лексем.

Ключевые слова: *старообрядчество, фразеологизмы, индивидуально-авторские трансформации, компоненты ФЕ.*

Старообрядчество – религиозно-общественное движение в России середины XVII в., отвергавшее церковную реформу патриарха Никона, стремившееся к сохранению старины в церковной жизни и обрядности и ставшее оппозиционным или враждебным официальной православной церкви (в дальнейшем распалось на многие группы и течения).

Задачей исследования является обзор способов трансформаций фразеологических единиц и выявление специфики их

функционирования в речи старообрядцев, потому что, по словам Т.Ф. Кузенной, «фразеологические единицы традиционно считаются хранилищем важнейших культурных знаний конкретного народа, их изучение позволяет углубить и расширить знания о человеке и обнаружить особенности национального мировидения, отраженные в языке» [2, 15]. Для анализа нами были отобраны фразеологизмы из текста «Повести и жития Даниила Терентьевича Зайцева», которая стала уникальным памятником русского языка, а потому и фактом культуры России, привлекла внимание к старообрядцам, о жизни которых среднестатистический россиянин знает очень мало. «Книга является уникальным документом, отображающим разговорный язык старообрядцев в Латинской Америке. Как известно, диалекты существуют только в устной форме, однако эта книга стала исключением» [3, 115].

Исследователь в области диалектов и лексики старообрядцев О.Г. Ровнова пишет, что и синьцзянцы, и харбинцы, как они сами себя называют, в своей основной массе – это кержаки, потомки староверов из Нижегородской губернии [4, 281], а значит, черты именно этого говора сохранили староверы и передали из поколения в поколение. Общие и для синьцзянцев, и для харбинцев фонетические явления обозначила В.Г. Петрова: «взаимозаменяются звуки *ч* и *щ* или *ш*; взаимозаменяются согласные *к* и *х*; в вокализме гласные *у*, *а*, *е* заменяются на *ю*, *я*. На уровне морфологии встречаются замены полных форм прилагательных на краткие.

Следует выделить ещё один аспект: «Язык староверов не мумифицировался: это живой и развивающийся язык» [3, 115], а специфика жизни старообрядцев такова, что они оторваны от «языковой почвы». Выходит, что знание какой-то устойчивой речевой конструкции, оборота есть, но по прошествии времени точная формулировка стирается из памяти, образуя посредством трансформации совершенно новую формулировку или еще один вариант функционирования фразеологической единицы в живой речи.

Заметим, что дефразеологизация, под которой мы понимаем процесс расшатывания устоявшейся конструкции речевого оборота, имеет разный характер: замена компонентов фразеологической единицы, грамматические и морфологические модификации.

Рассмотрим случаи такой трансформации, как замена компонентов фразеологической единицы. Так, известное выражение «спину гнуть» претерпевает изменения в предложении *Ну и как, Машенька, думаешь, всю жизнь будем **коробку гнуть** за восемьдесят долларов в день?* Предполагаем, что произошла метонимия, мотивацией для которой послужил короб, который носился на спине. Фразеологизм *подать руку помощи* претерпевает незначительные

изменения последнего компонента и образует семантически подобную форму подать руку в беде. Такая же трансформация наблюдается в пословице *Копил, копил, да черта и купил* – *копил, копил, и Сатану купил* в результате синонимической замены *черт* и *сатана*. В эту же группу замен отнесем фразеологизм из предложения *Я стал убеждать, что клином свет стал, что ли? Девоч много, можно и выбрать*, в котором не только изменен порядок слов, но и заменено слово *сошелся* на *стал*. Так, изначальное *свет клином сошелся* за счёт таких модификаций приобрело еще один вариант функционирования в живой речи.

Устойчивое сочетание быть на посылках, чаще употребляемое в форме *быть на побегушках*, изменилось в *быть на посылушках*. Можем предположить, что произошла контаминация этих двух вариантов, т.е. были взяты части слов *посыл-* и *-ушках*, образовавшие новое слово *посылушки*.

Мотивация трансформации второй части фразеологической единицы *муж по дрова, жена со двора* в предложении *Моя мечта – в жизни должен быть проект, как жить, чем заниматься и какой принцип, и жена тоже должна свою долю вложить в жизнь, а не то что муж по дрова, а жена осталася вдова* не удастся проследить.

Что же касается сочетания *танцы-шмансы*, трансформировавшегося в *тансы-мансы*, то, согласно словарю, жаргонное выражение *кидать мансы* означает ложь и обман, а в словаре синонимов можем найти *выкрутасы, понты*. Таким образом, мотивация замены оправдана, и оборот не приобретает в процессе трансформации негативной коннотации.

Примером фонетических трансформаций можем считать форму *терпение не хватало* в предложении *Перво время терпение не хватало, но потом привык и каждый день по пояску вытыкал*. Появление эпентетического л' можно объяснить проявлением фонетической аналогии с формами *искупление, изумление, удивление*, в которых отражен процесс влияния *j на губные согласные.

Восстановим изначальную форму следующего фразеологизма: *но никто на них внимание не брал – не обращать внимания*. Помимо очевидной замены компонентов во второй части, в данной ФЕ отразилась взаимозаменяемость согласных к и х, о которой мы упоминали выше. С пословицей *под лежащей камень вода не подтечѣт* произошла та же трансформация, связанная с фонетическими особенностями произношения.

Замена полной формы прилагательного краткой и компонента фразеологической единицы произведена в пословице *сытый голодного не разумеет*, претерпев трансформацию в предложении *А я по-русски: хорошо позавтракаю да с собой на работу беру обед, вот и сыт голодному не верит*.

Важно отметить и то, что не всегда в речи старообрядца Данилы Зайцева фразеологические единицы подвергаются трансформациям. Так, например, поговорка *ни кола, ни двора*, фразеологизмы *мастер на все руки*, *перебиваться с куска на кусок*, как по маслу остаются в исконном варианте.

Подводя итог обзору способов трансформаций фразеологических единиц, мы пришли к выводу, что в речи старообрядцев функционируют такие ее виды, как замена компонентов ФЕ, грамматические и морфологические модификации, которые, однако, распространяются не на все устойчивые сочетания. Кроме того, вопреки трансформации, фразеологизмы не утрачивают своего значения. Мы рассмотрели лишь часть примеров трансформации фразеологических единиц, зафиксированных в тексте повести, поэтому вопрос требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев, Д. Т. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / Данила Зайцев. – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019, 708 с. – ISBN 978-5-91671-545-3.
2. Кузенная, Т. Ф. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: “свой” vs “чужие” / Т. Ф. Кузенная, В.Д. Лебедева // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 15-22. – DOI 10.18721/JHSS.14202. – EDN KIVDMS.
3. Петрова, Г. В. Староверы в Бразилии: сохранение языковой идентичности / Г. В. Петрова // Филологические науки в МГИМО. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 109-121. – EDN GWTRVS.
4. Ровнова, О. Г. Следы древнерусских энклитик в говоре старообрядцев Южной Америки / О. Г. Ровнова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2020. – № 1(23). – С. 279-297. – DOI 10.31912/pvrl-2020.1.16. – EDN NYLMOP.

SUMMARY

Anastasia Drucker. Individual author’s transformations of proverbs, sayings and phraseological units in «The Story and Life of Danila Terentyevich Zaitsev»

The article presents a study of individual author’s transformations of phraseological units of the Old Believer writer, identifies the main types of transformations, their influence on the semantics of stable combinations of lexemes.

Keywords: Old Believers, phraseological units, individual author transformations, components of FE.

Епифанова Елизавета
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Димитриева О.А.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева»,
г. Чебоксары, РФ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «МЕДВЕДЬ» В СОВРЕМЕННОМ МЕИАДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу трансформации таких фразеологических единиц, как «медвежья услуга», «медведь на ухо наступил», «медвежий угол» в современном медиадискурсе. В статье рассматриваются трансформации фразеологизмов с заменой одного из компонентов, с расширением состава и усечением устойчивого выражения.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация, медиадискурс.

Данная работа посвящена изучению трансформации фразеологизмов «медвежья услуга» и «медвежий угол» в публицистических текстах. Цель данного исследования – проанализировать трансформации во фразеологизмах с компонентом «медведь» в современных СМИ и выявить, как меняется значение исходного фразеологизма в публицистических текстах. Трансформация – «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение экспрессивно-стилистических целей» [6, 7]. Данная работа посвящена изучению трансформации фразеологизмов «медвежья услуга» и «медвежий угол» в публицистических текстах.

Изучением трансформаций фразеологизмов занимались такие ученые в области фразеологии, как Н.М. Шанский [10], А.И. Молотков [8], В.В. Горлов [5], Т.С. Гусейнова [6].

В «Фразеологии современного русского языка» Н. М. Шанский выделяет 8 типов трансформации фразеологизмов, основанных на семантических, структурных и структурно-семантических изменениях фразеологических единиц [10]. Т. С. Гусейнова, вслед за Н. М. Шанским, выделяет два основных типа трансформаций: семантическая и структурная [6, 8]. Изучение трансформации фразеологизмов продолжает быть актуальным для многих лингвистов, таких как В. Н. Вакуров [2], Э. Д. Головина [5], И. Ф. Гайнановой [3], Т. П. Куранова [7].

Материалом для данного исследования послужили статьи ежедневной общественно-политической газеты «Коммерсантъ»

за период с 01.01.1991 по 11.09.2023, а также данные «Газетного корпуса» Национального корпуса русского языка [9].

1. **«Медвежья услуга».** Исходное значение фразеологизма – это «непрощенная помощь, приносящая вред. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (Х), желая помочь другому лицу или другой группе лиц (У), делает это крайне неумело и неуклюже, лишь создавая помехи в каком-л. деле, доставляя неприятности. Говорится с неодобрением» [1, 374-375].

В проанализированных публицистических текстах можно обнаружить примеры трансформации ФЕ, связанные с заменой компонента «услуга»: **«медвежья заслуга» (Коммерсантъ (далее – КТ) от 11.09.2023), (КТ № 33 от 26.02.2018), «медвежью обслугу» (КТ №105 от 16.06.2022), «медвежья госуслуга» (КТ №241 от 28.12.2018), (КТ №82 от 18.05.2021), «медвежью Усть-Лугу» (КТ от 15.03.2021), «медвежьи заслуги» (КТ №156 от 01.09.2021).** Также такие трансформации, как **«медвежья заслуга», «медвежья обслуга»** и **«медвежья госуслуга»** и др. можно отнести к стилистическому «игровому» приему – паронимической аттракции, или паронوماзии. В данных ФЕ компонент услуга заменен на однокоренные слова *заслуга, обслуги* и *госуслуга*, вследствие чего возникает каламбур. Трансформация фразеологизмов сопровождается изменением их лексического значения или добавлением новых семантических оттенков. Например, ФЕ **«медвежья заслуга» (КТ от 11.09.2023)** используется автором статьи как заголовок новости о том, что партия «Единая Россия победила на выборах в Ярославскую областную думу. Таким образом, «медвежья заслуга» – это буквально заслуга, достижение медведей (так называют членов партии «Единая Россия»). «Газу оказали медвежью обслугу» (КТ №105 от 16.06.2022) – гласит заголовок статьи о разрыве сервисных отношений нефтесервисной компании «Baker Hughes» с российскими СПГ-проектами. Американская компания прекратила работу с проектами «Газпрома», «Сахалин-2», отозвала своих инженеров. Следовательно, «медвежья обслуга» – это недобросовестное, некачественное обслуживание. «Медвежья госуслуга» (КТ №82 от 18.05.2021) – такое название носит статья об обращении партии «Справедливая Россия» в Роскомнадзор с просьбой проверить законность использования портала «Госуслуги» для проведения внутрипартийных выборов фракции «Единая Россия».

2. **«Медвежий угол».** Исходное значение фразеологизма: «глухое, труднодоступное место. Имеется в виду поселение или другой географический объект (Р), максимально удалённые от центров культуры и цивилизации» [1, 375]. В публицистических статьях можно

найти случаи трансформации данного фразеологизма, связанные заменой компонента *угол* однокоренными существительными или близкими по семантике словами. Изменение данной части ФЕ мы можем обнаружить в следующих примерах: «*медвежий тракт*» (КТ от 10.07.2022), «*в медвежьем уголке*» (КТ №47 от 10.12.2018), «*в медвежьих местах*» (КТ №5 от 11.02.2017), «*медвежий участок*» (КТ №101 от 17.06.2014). В незначительном числе статей были обнаружены примеры с расширением состава ФЕ: «*в медвежьих углах империи*» (КТ от 11.11.2017), «*до медвежьих уголков России*» (КТ №35 от 04.09.2017). Стоит отметить, что в первом примере расширение сопровождается изменением числа компонента *угол*. Во втором примере расширение сопровождается заменой компонента *угол* однокоренным существительным *уголок*. Исходное значение фразеологизма в трансформированных ФЕ не изменяется. Во всех приведенных примерах говорится о труднодоступных, удаленных местах. Например, в статье о туристическом маршруте «медвежий тракт» (КТ от 10.07.2022) автор пишет, что дорога будет проходить вдали от крупных городов. «*Анклав возник в медвежьем уголке: отсюда равно далеко до любого крупного города*» (КТ №47 от 10.12.2018) – цитата из другой статьи журнала «Коммерсантъ».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трансформации фразеологизмов с компонентом «*медведь*» широко представлены в современном медиадискурсе. Нами были выявлены структурно-семантические трансформации, подразумевающие замену одного из компонентов ФЕ в таких устойчивых выражениях как «медвежья услуга» и «медвежий угол». Анализируя трансформации фразеологизма «медвежий угол», нами также были обнаружены примеры с расширением состава. Трансформации фразеологизмов используются авторами в экспрессивно-стилистических целях, часто измененные ФЕ выносятся в заголовок для привлечения внимания читателя. В трансформациях фразеологизмов наблюдается изменение лексического значения, в них находит отражение отношение авторов к современным политическим, общественным явлениям. Следовательно, изучение случаев трансформации фразеологизмов позволяет нам отметить изменения в языковой картине мира носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н.Телия. – 4-е изд. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
2. Вакуров, В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – №6. – С. 40–47.

3. Гайнанова, И. Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах / И.Ф. Гайнанова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2008. – №10. – С. 154–162.
4. Головина, Э. Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы / Э. Д. Головина // Русская речь. – 2003. – №5. – С. 61–65.
5. Горлов, В. В. Фразеологизм как средство выразительности на страницах газет / В. В. Горлов // Русский язык в школе. – 1992. – № 5–6. – С. 35–37.
6. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии : На материале центр. газет 1990–1996 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. С. Гусейнова ; Дагестанский пед. ун-т. – Махачкала, 1997. – 188 с.
7. Куранова, Т. П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») / Т. П. Куранова // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 2(33). – С. 97–105.
8. Молотков, А. И. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке / А. И. Молотков. – Москва : Наука, 1966. – 110 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 22.09.2023.
10. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.

SUMMARY

Elizaveta Epifanova. Transformation of phraseological units with the “bear” component in modern media discourse

This article is devoted to the analysis of the transformation of such phraseological units as a «disservice», «a bear has stepped on my ear», «a bear’s corner» in modern media discourse. The article examines the transformations of phraseological units with the replacement of one of the components, with the expansion of the composition and truncation of a stable expression.

Keywords: phraseology, transformation, media discourse.

Жемчугова Анастасия
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры общего,
славянского и прикладного языкознания
имени Е.С.Отина Могила Н. Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В каждом языке есть слова и словосочетания, которые отражают специфические предметы и явления культуры его носителей. При переводе данная лексика вызывает серьезные сложности, поскольку требует сохранения не только смысла, но и окраски – национального и исторического колорита.

Ключевые слова: *текст, безэквивалентная лексика, эквивалентность, экзотизмы, безэквивалентное слово, эквивалент, социокультурный комментарий.*

Различие между языками, которые обусловленные отличием культур, виднее всего в лексике и фразеологии, потому что номинативные средства языка наиболее точно связаны с внеязыковой действительностью. В совершенно любом языке и диалекте есть слова, которые не имеют однословного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, которая в основном – обозначения специфических явлений местной культуры.

На протяжении многих лет многие исследователи занимались проблемой безэквивалентной лексики, в частности, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, Ю. Найда и др.

Изучив работы Е.М. Верещагина и В.Н. Комиссарова [3;4], можно следующим образом определить понятие безэквивалентной лексики. Безэквивалентной лексикой являются слова, которые невозможно семантизировать с помощью перевода (они не имеют устойчивых сходств в других языках, не имеют смысловых сходств в системе содержания, характерных другому языку), собственно говоря «слова, план содержания которых невозможно соотнести с какими-либо иноязычными лексическими понятиями». В связи с этим понятие *безэквивалентная лексика* вполне может включать в себя не только дефицит эквивалента, но и саму причину такого дефицита – «отражение словом специфической материальной и духовной культуры».

Национально-культурный компонент безэквивалентной лексики, который при этом еще являясь семантически гетерогенным макрокомпонентом, может находить свое выражение в семантической структуре слова при помощи облигаторных сем, таких как «локальность», «этническая принадлежность», и факультативных сем «историческая отнесенность», «общественно-политическая деятельность», «социокультурные сведения», «конфессиональная принадлежность».

Динамика национально-культурного компонента во многом создана следующими причинами: тематической отнесенностью, степенью близости исходного и производного значений, направлением и сущностью развития семантических процессов и семантических переносов, а также экстралингвистическими параметрами.

Актуальность работы объясняется, с одной стороны, большим значением проблемы соответствия языка и культуры; с другой стороны – неослабевающим интересом теоретиков перевода к проблеме передачи безэквивалентной лексики с многочисленными ошибками, допускаемыми при ее передаче на другой язык.

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа английской и русской безэквивалентной лексики для установления закономерностей ее перевода.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

1) проанализировать подходы к пониманию понятий эквивалент и эквивалентность; выделить сходства и различия понятий *реалия* и безэквивалентная лексика;

2) изучить способы перевода безэквивалентных слов и основные тематические группы экзотизмов;

Под эквивалентностью в переводе понимают максимальную идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода. Это понятие основывается на определении функций взаимодействия смыслообразующих элементов текста путем сравнения реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке.

Безэквивалентной лексикой (экзотизмами), являются лексические единицы исходного языка или диалекта, не имеющие регулярных (полных или частичных) словарных соответствий в языке перевода. В ее пределах выделяют несколько групп: *имена собственные, географические названия, названия учреждений, зданий и т.д., реалии* (слова, которые существуют в определенном языке, однако не имеют существенного перевода) и «случайные лкуны».

Экзотизмы играют важную роль в построении безэквивалентной лексики. Ими являются лексические единицы, которые служат

для обозначения названий предметов и явлений, свойственных для быта других стран. В научной литературе экзотизмы нередко делят на «узкие» и «широкие». Особенность экзотической лексики заключается в том, что она приурочена к национальной реальности, ее особенность и уникальность, нехватка синонимов в языке-преемнике, высокий уровень связи культурной нации.

Различают четыре способа перевода безэквивалентных слов:

- **приближенный перевод**, *прим.: near-field monitor* – студийный монитор; *broadcast quality* – высочайшее качество (звука); доцент – *assistant professor, associate professor*; *душегрейка* – *vest*;

- **описательный**, *прим.: landslide* – победа на выборах с большим перевесом голосов; *whistle stop speech* – агитационное выступление кандидата во время остановки поезда; *bull* – спекулянт, играющий на повышении биржевых ценностей; *bear* – спекулянт, играющий на понижении биржевых ценностей;

- **при помощи калькирования**, *прим.: sky-scraper* – небоскреб, Золотое кольцо России – *The Golden Circle of Russia*, *brain drain* – утечка мозгов, *grand jury* – большое жюри, *backbencher* – заднекамеечник.

- **перевод при помощи транслитерации и транскрипции**, *прим.: drive-in* – драйв-ин, *teach-in* – тич-ин, *drugstore* – драг-стор, *public school* – паблик скул, *know-how* – ноу-хау, *impeachment* – импичмент.

Впоследствии, мы определили, что термин «безэквивалентная лексика» используется многими авторами, которые, однако, трактуют его по-разному. С. Влахов и С. Флорин называют главный отличительный элемент между статусом реалии и безэквивалентной лексикой: если данное слово – реалья, то оно будет являться реалией безотносительно к тому или иному языку, в то же самое время как безэквивалентность устанавливается в рамках данной пары языков.

К безэквивалентной лексике относятся слова и словосочетания, отражающие специфику национальной культуры народа, то есть именно их лексическим понятиям свойствен своеобразный специфический культурный компонент, их существованием объясняется расхождение двух культур.

В современном переводоведении существуют совершенно разные подходы к определению понятия «эквивалент». Так, к примеру, лингвистический словарь определяет понятие эквивалент – как единицу речи, которая совпадает по функции с другой, способную выполнять ту же функцию, что и другая единица речи.

Перспективой дальнейших исследований является изучение особенностей функционирования безэквивалентной лексики на примере текстов И.Р. Гальперина, В.С. Виноградова, А.О. Иванова и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод/ Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975.
2. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского на английский язык/ Е. В. Бреус. – М. : УРАО, 2000.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного/ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1976. – 121 с.
4. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1973. – 245 с.
5. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – 188 с.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста/В. А. Кухаренко. – Л. : Просвещение, 1979.
7. Латышев, Л. К. Технология перевода/Л. К. Латышев. – М. : НВИ – Тезаурус, 2000. – 287 с.

SUMMARY

Anastasia Zhemchugova. The specificity of the translation of non-equivalent vocabulary from English into Russian in modern journalism

The article analyzes the approaches of scientists to understanding the concept of “borrowing” and studies the methods of borrowing foreign words in the English language.

Approaches to understanding the concepts equivalent and equivalence are analyzed; highlighting the similarities and differences between the concepts of reality and non-equivalent vocabulary; the main thematic groups of exoticisms are analyzed; methods of translating non-equivalent words have been studied; the concept of sociocultural commentary is commented on and its role in the translation process is analyzed; exoticisms are described in the process of compiling a sociocultural commentary.

Keywords: text, non-equivalent vocabulary, equivalence, exoticisms, non-equivalent word, equivalent, sociocultural commentary.

Игнатьев Федор

Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Кузенная Т.Ф.
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта,
г. Калининград, РФ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД СЕВАСТОПОЛЯ

В статье рассматриваются факторы, составляющие культурный код города-Героя Севастополя, связанные с особенностями его исторического прошлого, влиянием византийской, славянской и иных культур. Выявляются семиотические знаки, определяющие специфику городской идентичности.

Ключевые слова: культурный код, городская идентичность, историческое и культурное наследие.

Регионалистика занимает особое место в ряду актуальных лингвистических, культурологических, социологических и исторических исследований. Урбанистическое пространство города можно считать как текст, исследование которого нуждается в междисциплинарном подходе. Город может рассматриваться и как специфическое семиотическое пространство, объединяющее различные культурные коды, под которыми мы, вслед за Н.Г. Федотовой, понимаем «культурные коды – наиболее значимые для тех или иных социальных групп культурные смыслы, придающие городу аутентичность и составляющие его символический капитал» [2, 11]. Культурный код города – это нечто большее, чем просто совокупность его исторических памятников или культурных достижений его жителей. Это уникальное сочетание всех аспектов жизни города, которое формирует его идентичность и делает неповторимым; культурный код города – это его душа, суть, история и наследие, которые отражаются в архитектуре, искусстве, традициях и образе жизни местных жителей.

Н.Г. Федотова выделила пять факторов, которые задают семиотическую рамку культурного кода города:

1. Природно-климатический фактор.
2. Исторические факторы.
3. Пространственные характеристики.
4. Художественные произведения, архитектурные и скульптурные памятники.
5. Символическая связь с известными личностями.

С помощью этих факторов опишем культурный код Севастополя.

Культурный код города Севастополя, в самом названии которого императрицей Екатериной II был заложен статус «достойного поклонения, величественного, высокочтимого» города, во многом складывается из исторических факторов, которые хорошо известны жителям и гостям города. Это Первая оборона Севастополя (1854 – 1855 гг.), Великая Отечественная Война, Вторая оборона Севастополя (30 октября 1941 – 4 июля 1942 гг.), – события, повлиявшие на историю не только города и полуострова, но и на историю СССР, дореволюционной и современной России. Именно за 250 дней героической обороны город приобрёл статус Героя, что и имеет особое значение в формировании культурного кода. В память павшим защитникам Севастополя на главной площади города, площади адмирала Нахимова, горит вечный огонь.

Но не одними войнами славен Севастополь – город (тогда он назывался Херсонес) известен всему христианскому миру как место обретения святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, первоучителями славянскими, мощей святого Климента, папы Римского, принявшего крещение от апостола Петра. Владимирский собор находится на территории заповедника «Херсонес Таврический»; он построен на том месте, где в 988 г. принял Святое Крещение князь Владимир, после чего началось Крещение всей Руси. Владимирский Собор на центральном городском холме является усыпальницей русских адмиралов Михаила Лазарева, Владимира Корнилова, Владимира Истомина, Павла Нахимова.

Важным элементом культурного кода Севастополя является его определение как старинного исторического города с богатым культурным наследием и ценным культурным слоем, который сохраняет уникальные следы византийского, татарского, славянского, российского и советского прошлого, отраженные, в том числе в языке. Сам топоним *Севастополь*, как и *Херсонес* (в переводе с греческого – «мыс», «каменистый остров»), греческого происхождения. Спорная этимология у слова *Балаклава*. Все авторы считают, что оно тюркского происхождения, но предлагают разные значения: «рыбье гнездо», «бассейн для рыбы». Название города *Инкерман* тоже имеет тюркские корни и в татарском языке имело значение «пещерная крепость».

Природно-климатические аспекты культурного кода Севастополя играют весомую роль. Севастополь также имеет статус курортного города благодаря своему расположению на берегу Черного моря. Его бухты проникают в город, природный ландшафт разгружает городскую суету и создает уникальную севастопольскую идентичность. Официально Севастополь разбит на четыре района: Балаклавский, Инкерман, Гагаринский, Нахимовский. В процессе развития города формировались и его микрорайоны, многие

из которых получили собственные народные названия в честь девятнадцати больших и малых бухт, «заходящих» (по терминологии местных жителей) в город. Так и появились районы бухт Камышовая (Камыши), Стрелецкая (Стрелка), Казачья (Казачка) – именно такие названия встречаются в речи жителей города.

Персонификация – важнейший фактор в формировании культурного кода города [1]. Первая оборона Севастополя (1854 – 1855 гг.) связана с великими именами морских офицеров XIX века: Михаила Лазарева, Владимира Корнилова, Владимира Истомина. Главная площадь города и проспект носят имя Павла Степановича Нахимова, который в самый сложный период Крымской войны возглавил военный флот и сумел организовать эффективную оборону. Яркий след в истории оставили и простые люди: Даша Севастопольская – дочь одного из защитников города, спасшая много жизней раненых. Матрос Петр Кошка, простой рекрут из крепостных крестьян, приобрел поистине легендарную славу.

Многие названия городских улиц связаны с историческими личностями, в то или иное время защищавшими город: ул. Юмашева, ул. Ушакова, ул. Нахимова. Центр города застроен невысокими домами в стиле сталинского ампира, или советского монументального классицизма, но заметно влияние древнегреческой и древнеримской архитектуры; белый камень давно стал визитной карточкой города.

Культурный код города сформирован и благодаря художественным, музыкальным произведениям. Как и каждый город, Севастополь имеет свой официальный гимн – «Легендарный Севастополь». Под эту мелодию проводят парад в день Военно-морского флота и в День Победы 9 мая. Многие исторические события запечатлены в памятниках, о роли которых в создании культурного кода города пишет А.И. Шипицин [3]. Всем известным символом Севастополя стал Памятник затопленным кораблям, священное место для жителей города, которые знают, что название памятника связано не с затонувшими, а с намеренно затопленными кораблями, которые обеспечили защиту фарватера от вражеских судов. Возможно, именно с этим памятником связаны слова гимна города: «Легендарный Севастополь, Непрístupный для врагов. Севастополь, Севастополь Гордость русских моряков».

Таким образом, культурный код города Севастополя отражает все описанные нами факторы. Характер городской идентичности связан с отражением стойкости, мужества и отваги защитников и тружеников города. Севастопольцы гордятся своим городом и своей историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятина, Н., Замятин Д. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. – 2007. – № 1. – С. 62–87.
2. Федотова, Н. Г. Культурный код города / Н. Г. Федотова // Слово. ру: балтийский акцент. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 10-24. – DOI 10.5922/2225-5346-2022-4-1.
3. Шипицин, А. И. Городская скульптура и культурный код Волгограда в контексте брендинга территории // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2016. – № 4 (10). – С. 89–97.

SUMMARY

Fedor Ignatiev. Cultural code of Sevastopol

The article considers the factors that make up the cultural code of the hero-city of Sevastopol, associated with the peculiarities of its historical past, the influence of Byzantine, Slavic and other cultures. The semiotic signs determining the specificity of the city identity are revealed.

Keywords: cultural code, urban identity, historical and cultural heritage.

Катрецькая Дарья

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И.А.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,*

г. Горловка, ДНР, РФ

МЕСТО ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗОЛОТАЯ РОЗА» К. Г. ПАУСТОВСКОГО)

В работе анализируются лексико-семантические особенности цветowych обозначений, особое внимание уделяется их семантической многозначности. Проводится анализ цветообозначений в произведении Г.К. Паустовского «Золотая роза».

Ключевые слова: цветообозначение, современная лингвистика, оттенки цвета, цветовой символизм, лексико-семантические особенности.

Использование цвета в литературе давно признано мощным инструментом для передачи эмоций, установки атмосферы и улучшения общего эстетического опыта для читателей. В сфере прозы распознавание цвета занимает важное место, играя решающую роль в языке и образах, используемых известными авторами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение слов с семой цвета в языке русской прозы имеет большое значение, так как связано с проблемой взаимодействия языка, восприятия и культуры.

В языке русской литературы последовательно используются цветообозначения. В работах известных авторов, таких как Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, В. Набоков, Б. Акунин и целого ряда других, цветообозначения используются для передачи как сенсорного опыта, так и образных смыслов. Цветообозначения в русской прозе используются для передачи сложных эмоций, выделения социальных и культурных тем и обеспечивает более глубокое понимание персонажей и их окружения [2].

Чтобы понять семантику цветообозначений в русской прозе, важно учитывать исторический и культурный контекст, в котором были созданы эти литературные произведения. Огромный и разнообразный ландшафт России, начиная от снежных людей Сибири до золотых куполов соборов Москвы, оказал глубокое влияние на русское цветовосприятие. Бурная история страны, отмеченная революциями, войнами и политическими потрясениями, также повлияла на использование цветообозначений в литературе. Изучив исторический и культурный фон, мы можем лучше понять значение и символику, связанные с конкретными цветообозначениями в русской прозе [3].

Как известно, русская проза часто включает в себя яркие и сложные описания, используя цветообозначения в качестве вербализации сенсорных переживаний и создания визуального ландшафта. Грамматическая структура и синтаксис русского языка содержит широкие возможности выражения цвета, что позволяет авторам передать тонкие оттенки смысла.

Цель данной работы направлена на описание семантики некоторых цветообозначений, используемых в повести «Золотая роза» К. Г. Паустовского.

Задачи исследования. Исходя из поставленной цели, в работе необходимо выявить семантику слов с семой цвета в повести «Золотая роза» К. Г. Паустовского.

К изучению цветообозначений в лингвистике исследователи подходили с разных позиций. К примеру, изучению состава цветообозначений и их семантической структуры посвящены работы А. А. Брагиной, И. А. Герасименко, Н. Г. Туревич. Стилистические функции цветообозначений являлись предметом изучения в трудах Л. А. Качаевой, А. С. Панкратовой, С. М. Соловьева. Проблеме психолингвистического аспекта цвета посвящены работы Р. М. Фрумкиной, В. Г. Гак, И. В. Макеевко и др.

Цветообозначения в русской литературе XIX – начала XX веков использовались разными писателями, одним из которых

был К.Г. Паустовский. Именно цветообозначения придают языку К.Г. Паустовского поэтичность, образность. Благодаря своему таланту он мог перенести читателя в любой уголок красивой страны – России. Недаром он много путешествовал. И поистине самые лучшие его произведения – о природе. Нас восхищают авторское ощущение природы, его чувства, выраженные гениальным русским языком – языком Пушкина и Лермонтова, языком Тургенева [5].

Опираясь на типологию цветообозначений И. А. Герасименко, проанализируем некоторые лексемы с семантикой цвета на материале повести «Золотая роза». Так, К. Г. Паустовский использовал основу *черн-* в составе сложных слов для передачи цвета природных явлений и объектов. К.Г. Паустовский как носитель русской лингвокультуры сочетает ЦО с элементом *черн-* с довольно многочисленным составом лексем. Например, со словом *даль*. Ср.: *Море уходит на сотни миль в черно-свинцовые дали* [4, 22]. В рамках данного контекста ЦО черно-свинцовый передаёт семантику чёрного цвета, которая закреплена за этим словом в русском языке и отображена в лексикографических источниках. Так, в Толковом словаре С. А. Кузнецова значение *черно-свинцовый* не обозначено. Но есть значение слова *свинцовый* как «тёмно-серый, цвета свинца» [6, 1160], и лексемы *черный* как «мрак ночи» [6, 1471].

По мнению И.А. Герасименко, будучи родственными, но не вступающими в синонимические отношения, слова *румяный* и *рыжий* служат для передачи близких по спектру цветов (*румяный* как ‘алый’, *рыжий* как ‘красно-жёлтый’) [1, 257]. В художественной речи К.Г. Паустовского лексемы *румяный* и *рыжий* употребляются для экспликации элементов внешности. Например: *Румяные юноши в щегольских кепках...* [4, 5], *Маленький, как тот мальчик, весь рыжий, голос пискливый, ничего не делает без причуд* [4, 7]. Так, в Толковом словаре С.А. Кузнецова значение *румяный* – «покрытый румянцем, с румянцем на щеках, лице» [6, 1133], семантика *рыжий* – «красновато-жёлтый. Рыжие усы, волосы. Рыжая голова. С рыжими веснушками на лице кто-л. Рыжий бархат. Рыжие кисти рябин. Рыжий мальчуган (с волосами такого цвета)» [6, 1136].

В языке художественной литературы лексема *жёлтый* как атрибутивный компонент употребляется, в отличие от её использования в народно-поэтической речи, для описания широкого круга объектов. В повести К. Г. Паустовского данное ЦО и его дериваты употребляются для описания растительного мира. Ср.: *Весна сытала на город желтоватые цветы каштанов с красными крапинками на лепестках* [4, 24]. В Толковом словаре С. А. Кузнецова значение *желтый* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зелёным; цвета яичного желтка, золота» [6, 302].

В анализируемом произведении ЦО красный, как и прилагательные белый, чёрный, наделено разветвлённой семантикой. Данная семантика указанного прилагательного реализуется при репрезентации окраса растительного мира. Весна сыпала на город желтоватые цветы каштанов с красными крапинками на лепестках. При описании цвета растительного мира анализируемое ЦО наделено спектральной семантикой. В Толковом словаре С. А. Кузнецова значение красный – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови. Красное дерево (древесина некоторых деревьев)» [6, 467].

Исходя из рассмотренных нами значений ЦО, можно сделать следующие выводы. Цветовая картина мира в художественных текстах К. Г. Паустовского является неотъемлемой частью картины мира писателя. Создавая цветовую картину мира, К. Г. Паустовский в своей повести «Золотая роза» не обходится без слов с семой цвета. Итак, распознавания цвета в лингвистике предлагает богатую и разнообразную область исследований, которые охватывают различные подходы и перспективы. Одна из них – семантика ЦО в русской прозе – является перспективой нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко, И. А. Цветообозначения в русском языковом пространстве (лингвокультурологический аспект): моногр. / И. А. Герасименко. – Горловка: Изд -во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 408 с.
2. Кульпина, В. Г. Изучение социоментальной детерминированности терминов цвета в современном русском языке / В. Г. Кульпина // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – 2020. – № 7. – С. 68-72.
3. Матросова, Я. Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте / Я. Е. Матросова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – №1. – С. 34-39.
4. Паустовский, К. Г. Золотая роза: повесть / К. Г. Паустовский. – М. : Педагогика, 1991. – 221 с.
5. Сивова, Т. В. Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского (на материале автобиографической повести «Повесть о жизни») / Т. В. Сивова // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения : Сб. ст. – М. : Моск. лит. музей-центр К. Г. Паустовского, 2007. – Вып. 3. – С. 546-552.
6. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – М. : Рипол-Норинт ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 959 с.

SUMMARY

Daria Katretskaya. The place of color meanings in the language of Russian prose (on the example of the story “The Golden Rose” by K.G. Paustovsky)

The lexical and semantic features of color designations in the language of Russian prose are analyzed, special attention is paid to their semantic diversity. The analysis of color values in the work of G.K. Paustovsky “Golden Rose” is carried out.

Keywords: color designations, modern linguistics, shades of color, color symbolism, lexico-semantic features.

Климова Татьяна

Научный руководитель –

к. филол. н. Емельяненко А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

г. Донецк, ДНР, РФ

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ КОРОНАВИРУС В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Коммуникация в обществе подвергается изменениям, для передачи информации в Интернете используются тексты, сочетающие вербальные и визуальные элементы. Именно в креолизованных текстах лексема «коронавирус» обрела особый экспрессивный потенциал.

Ключевые слова: *коронавирус, экспрессивность, ассоциативно-вербальное поле, креолизованный текст.*

За короткое время концепт *коронавирус* стал одной из доминант сознания человечества. Известно, что восприятие каждого человека отличается в зависимости от социального статуса, экономических, общественно-политических, культурных и идеологических факторов, что отражается в процессе коммуникации, которая на сегодняшний день тесно связана с визуализацией, ведь современное поколение с новым ритмом жизни быстрее реагирует на яркие, выразительные образы, слияние вербальных и невербальных компонентов, то есть на креолизованные тексты. Несмотря на значительное количество работ, посвященных креолизации, в современном мире актуальным является изучение экспрессивного потенциала лексемы *коронавирус* в составе негомогенных текстов: недостаточно определено влияние исследуемой лексемы на декодирование и интерпретацию остальных компонентов текста.

Целью данной работы является выявление влияния лексемы *коронавирус* на восприятие креолизованных текстов.

Цель обусловила решение следующих задач:

- проанализировать понятие *экспрессивность* в лингвистической парадигме научных исследований;

- изучить теоретические основы понятия *креолизованный текст*;

- классифицировать креолизованные тексты, имеющие в своем составе лексему *коронавирус*;

- выявить ассоциативно-вербальное поле лексемы *коронавирус*;

- экспериментально установить влияние наличия лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах на их восприятие.

Сам термин *коронавирус* используется в медицинском дискурсе давно: он закрепился в словаре, стал стилистически нейтрален. Развилась семантическая деривация, появились морфологические производные и вторичные речевые употребления (фразеологические обороты, паремии и так далее). Термин вошел в язык и оброс системными связями.

Особенностью информационно-коммуникативной среды современного общества стало использование элементов альтернативных семиотических систем. Распространение в лингвистике получил термин, введенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, – «креолизованный текст».

Креолизованный текст – это текст, который состоит из знаков различных систем: языковых (вербальных знаков) и невербальных, то есть знаков, принадлежащих к другим семиотическим системам, «к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [1, 56]. Различные виды креолизованных текстов образуют открытую сложную систему знаков; мемы, демотиваторы, эдвайсы и комиксы выступают в качестве ее базовых элементов.

Не удивительно, что лексема *коронавирус* стала частью достаточно большого количества креолизованных текстов.

В ходе работы методом простой случайной выборки в Интернет-пространстве был отобран 321 креолизованный текст с лексемой *коронавирус*. Все они являются текстами с полной креолизацией, то есть в текстах присутствуют оба компонента (вербальный и визуальный). Эти компоненты образуют сложные смыслы. Вербальный компонент представлен печатным вариантом, без гиперкода.

Выборка креолизованных текстов представлена различными видами. Самую большую группу составляют мемы (276 – 86 %), вторыми по численности являются демотиваторы (20 – 6 %), было обнаружено 15 (5 %) комиксов и 10 (3 %) эдвайсов.

Следует отметить, что креолизованный текст является не простым сочетанием своих составляющих, а довольно сложным феноменом, характеризующимся специфическими суггестивными

особенностями. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты такого текста неразрывно связаны друг с другом и обеспечивают не только целостность и связность произведения, но и его коммуникативный эффект. Тексты вербализуют изображения, а изображения иллюстрируют тексты. Вербальный компонент креолизованного текста зависит от изобразительного ряда, а само изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста.

Верификация экспрессивного потенциала лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах была проведена с помощью экспериментальных методик. Экспериментальная гипотеза состояла в том, что экспрессивность лексемы *коронавирус* влияет на восприятие креолизованных текстов.

В результате когнитивного теста и свободного ассоциативного эксперимента, проведенных с учащимися 10–11 классов МБОУ «Средняя школа № 57 города Макеевки» и студентами филологического факультета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (всего 83 человека), было выявлено ассоциативно-вербальное поле лексемы *коронавирус*, общее ассоциативное ядро которого сводится к медицинским понятиям.

Изучение степени экспрессивной выразительности звуковой оболочки лексемы *коронавирус* с использованием электронной программы ВААЛ, разработанной на основе экспериментальных исследований Александра Павловича Журавлёва, показало, что лексема производит в основном отрицательные впечатления: *страшный, холодный, угловатый, грубый, злой*.

С целью выявления влияния лексемы *коронавирус* на эмоционально-оценочные коннотации креолизованных текстов 83 информантам был представлен креолизованный текст без лексемы *коронавирус* (рис. 1) и с ней (рис. 2), предложено выбрать в таблице эмоции, которые они испытывают.

Рисунок 1 – Креолизованный текст без лексемы *коронавирус*

Рисунок 2 – Креолизованный текст с лексемой *коронавирус*

Была замечена следующая тенденция: появление в составе креолизованного текста лексемы *коронавирус* несколько меняет его восприятие, количество людей, испытывающих положительные эмоции, значительно снижается (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Восприятие креолизованного текста

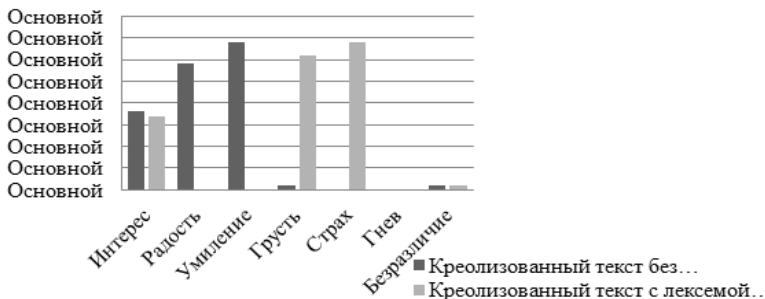

Диаграмма 1. Влияние лексемы «коронавирус» на эмоционально-оценочные коннотации креолизованных текстов

Таким образом, коммуникация в обществе подвергается изменениям, меняется структура построения и подачи текста. При донесении информации в Интернете используются тексты, сочетающие вербальные и визуальные элементы – креолизованные тексты, в которых лексема *коронавирус* тоже нашла свое отражение. Экспериментальным путем было выявлено, что появление в составе креолизованного текста лексемы *коронавирус* несколько меняет его восприятие, количество людей, испытывающих положительные эмоции, значительно снижается. Перспективной задачей для дальнейших исследований является разработка экспериментальных методик анализа экспрессивного потенциала лексемы, применение их на большем языковом материале, а также установление зависимости ассоциативных реакций и восприятия респондентами креолизованных текстов от экстралингвистических факторов, таких как возраст и пол.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельяненко, А. В. Лингвистика креолизованного текста : Учебно-методическое пособие для студентов направления подготовки 45.04.01 Филология (Магистерская программа «Русский язык : теоретические и практические аспекты») / А. В. Емельяненко. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 80 с.
2. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : НиолаПресс, 1990. – 186 с.

SUMMARY

Tatiana Klimova. Expressive potential of the *coronavirus* lexeme in creolized texts

The article analyzes the concept of “creolized text”, classifies creolized texts containing the lexeme “coronavirus”; the associative-verbal field of the lexeme “coronavirus” is revealed; the influence of the presence of the lexeme “coronavirus” in creolized texts on their perception is experimentally established.

Keywords: coronavirus, expressiveness, associative-verbal field, creolized text.

Коротенко Дарья

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ГОРОД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Автор дает обобщенную характеристику города в жизни и творчестве Николая Васильевича Гоголя. Рассмотрена география путешествий Н. В. Гоголя и влияние ключевых городов на его творчество. Приведены анализы статей по данной теме.

Ключевые слова: *Н. В. Гоголь, город, жизнь, творчество.*

Николай Васильевич Гоголь – признанный классик русской литературы, известный на весь мир прозаик и драматург. Произведения писателя давно привлекают внимание широкого круга читателей, критиков и ученых. Гоголеведение выделилось в специальное направление литературоведения, в пределах которого осуществляются разновекторные исследования. Однако значение образа города в жизни и творчестве Н. В. Гоголя остается одним из малоизученных аспектов.

Цель нашего исследования – выяснить, какую роль в жизни и творчестве Н. В. Гоголя играет образ города.

Задачи: рассмотреть географию путешествий писателя; раскрыть, какие города сыграли особую роль в формировании личности, становлении и развитии писателя; описать место города в художественной картине мира Н. В. Гоголя.

Н. В. Гоголь часто называл себя путником, странником, а дорога становилась для него вторым домом. Действие многих произведений писателя происходит в дороге. С дороги ведущей в Сорочинцы, открывается его первая повесть, дорогою заканчивается и последняя

(последние главы «Мертвых душ»). Николай Васильевич посетил множество городов, но большую часть из них описал в письмах, а не в художественных произведениях.

Первые литературные шаги Н. В. Гоголь начал в Нежине. Именно в этом городе зародились художественные интересы писателя. Традиционно считается, что в доме нежинского помещика Макарова, расположенном в нескольких сотнях метров от помещения гимназии, где учился молодой Н.В. Гоголь, состоялось первое чтение его сатиры «Что-то о Нежине, или Дуракам закон не писан». Произведение писатель уничтожил, но отдельные его фрагменты были введены в текст поэмы «Мертвые души». В воспоминаниях Чичикова о годах обучения, описаниях гостиней Собакевича, обеда у губернатора [6] – осязательны нежинские реминисценции.

Самобытный Нежин, с его многонациональным ярмарочным колоритом, пышной храмовой архитектурой, богатой героической историей, волшебными легендами оставил заметный след как в жизненной, так и творческой судьбе выдающегося писателя. Различные сюжеты, типы, истории так или иначе Н.В. Гоголь «эксплуатировал» в собственных произведениях, запечатлевая таким образом этот древний украинский город и давая питательную почву для современных исследователей.

Н.В. Гоголь никогда не задерживался долго на одном месте. После окончания учебы в декабре 1828 года он прибыл в Петербург, а примерно через полгода уехал в Германию. «Без преувеличения можно сказать, что Гоголь половину своей жизни провел в путешествиях и поездках, почти двенадцать лет пробыл за рубежом, перемещаясь из страны в страну, из города в город», – пишет Г.М. Лаппо [5]. Побывав в разных странах Западной Европы, живя в Франкфурте, Остенде, Бадене, Вене, Париже, Риме, Неаполе, Ницце и др., Н. В. Гоголь описал один только Рим в одноименной повести. В путешествиях проявилась особая любовь писателя к Италии: «Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлещы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине» [4].

Николай Васильевич не составлял путевых записок, в отличие от многих отечественных писателей, оказывавшихся за границей. В книге В. А. Воропаева «О Гоголе и не только» описаны паломнические поездки Н. В. Гоголя. Интересно, что особое место занимает поездка в Иерусалим. В статье «Путешествие ко Гробу Господню» даются сведения о маршруте Н. В. Гоголя, говорится, что во время паломничества должно было произойти нравственное преображение души, которое писатель считал необходимым условием для написания второго тома «Мертвых душ» [2; 64].

Нужно отметить, что, имея множество зарисовок различных городов (например, Неаполя, Рима, Петербурга), в своих главных произведениях – поэме «Мертвые души» и комедии «Ревизор» – писатель выводит город N*, которому дано представлять всю Россию. В них автор характеризует город через людей, а не описывает улицы, дома или окрестности. Персонажи дают полное представление о городской среде, становятся отражением места, в котором живут.

Г. М. Лаппо выделяет самые частые маршруты гоголевских поездок, которые представляют собой треугольник: Петербург – Москва – Васильевка. Из Васильевки ездил в Киев. Будучи в Москве, посещал подмосковные имения друзей: Абрамцево – Аксаковых, Спасское (Бронницкого уезда) – Смирновой, Остафьево – Вяземского, Большие Вяземы – Шевырева. Бывал в Троице-Сергиевой лавре, в Хотьковском монастыре, трижды посетил Калугу. По пути к ней побывал в Малоярославце. В статье «Петербургские записки 1836 года» Н. В. Гоголь писал о двух столицах России: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия...» [5; 411].

Сам писатель обозначил место города в своем творчестве, назвав свои сборники «Миргород» и «Рим». А шесть повестей, действие в которых происходит в Санкт-Петербурге, закрепили в критике за собой название «петербургские». Следовательно, особое значение в творчестве писателя играют Миргород, Петербург и Рим.

С тремя городами традиционно связывают три этапа жизни Н. В. Гоголя. Данные этапы сменяют друг друга: сборники «Вечера» и «Миргород» с их патриархальным строем сменяет изображение цивилизованного общества в повести «Рим» и «Петербургских повестях». Отсюда можно сделать вывод, что творчество писателя накладывается на его жизнь. Данной концепции противостоит мнение А. Белого, который считает, что Н. В. Гоголь не замыкается в продукте своего творчества, а обрастает им. Получается, что Миргород, Петербург и Рим всегда присутствовали в авторском сознании, проявлялись в определенные периоды жизни писателя и принимали разные значения на страницах его книг [1].

Мы можем выделить оппозицию между городами: Миргород – Петербург, Миргород – Рим, Рим – Петербург. Говоря о первой оппозиции, то с читательской точки зрения, столица противопоставлена провинциальному городу. Но нельзя упускать авторскую позицию. Важно, что слово «Миргород» писалось через современную букву «и», в орфографии слово «мир» было синонимом лада, гармонии, отсутствия ссор и войны, то есть синонимом «счастья». Получается, что Миргород для Николая Васильевича счастливый город, в котором даже описание лужи приносит автору эстетическое удовлетворение. Отражением образа высокого идеала для писателя становится Рим – воплощение мира (римский адрес

Н. В. Гоголя переводится как «счастье»). Миргород и Рим похожи в глазах автора между собой: «что сказать тебе об Италии?... Мне кажется, будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам... Все на старинный манер...». Петербург – Рим выступают антитезой Север – Юг. Как мы уже упоминали выше, Италия становится образцом для писателя, местом, где душа избавляется от страданий. Петербург же представлен в образе «злого города», «немецкого», чужого для писателя [3; 110].

Итак, жизнь Н. В. Гоголя тесно связана с путешествиями, в которых он знакомился и изучал историю, архитектуру и культуру разных городов, но основное место в его творчестве занимают Петербург, Рим и Миргород. Важно помнить, что отношение Н. В. Гоголя к городам, которые он описывает, отличается от их реального облика, восприятие каждого у писателя остро субъективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый, А. Мастерство Гоголя. Исследование / А. Белый; авт. предисл. Л. Каменева. – М. ; Л. : Гос. изд-во художеств. литературы, 1934. – 324 с.
2. Воропаев, В. А. Нет другой двери...О Гоголе и не только / В. А. Воропаев. – М. : Белый город, 2019. – 448 с.
3. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах / Н. В. Гоголь. – М. : АН СССР, 1937-1952. –Т. 11. – С. 110.
4. Золотусский, И. П. По следам Гоголя: очерки / И. П. Золотусский. – М. : Дет. лит., 1984. – 191 с.
5. Лаппо, Г. М. Города России. Взгляд географа / Г. М. Лаппо. – М. : Новый хронограф, 2012. – 504 с.
6. Самойленко, В. Г. Николай Гоголь и Нежин / В. Г. Самойленко. – Нежин : Аспект-Поліграф, 2008. – 314 с. : ил., портр.

SUMMARY

Daria Korotenko. The city in the life and work of N. V. Gogol

The author gives a generalized description of the city in the life and work of Nikolai Vasilyevich Gogol. The geography of N. V. Gogol's travels and the influence of key cities on his work are considered. Analyses of articles on this topic are given.

Keywords: N. V. Gogol, city, life, creativity.

**Кошелева Софья,
Садыкова Алина,
Чумакова Варвара**

*Научный руководитель –
доц. Мартыанова В.Н.*

*ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-
педагогический университет им. В.Г. Короленко»,
г. Глазов, РФ*

ВСЁ В ЧЕЛОВЕКЕ ОТ РОДИНЫ

В статье представлен материал, полученный от информантов д.Киришонки в период диалектологической практики. Раскрывается значение лингвистических данных в воспитании патриотических чувств школьников и описывается лингвокраеведческий потенциал содержания рассказов, собранных Т. Л. Сабуровой, в книге «Всё в человеке от родины».

Ключевые слова: патриотизм, лингвокраеведение, русский говор, диалектизмы, оканье, чоканье.

Актуальность статьи заключается в том, что в последнее время, как выяснилось, снизился интерес учеников, молодёжи к прошлому нашей истории, некоторые её страницы преднамеренно, либо случайно «стираются», переписываются.

Цель статьи: демонстрация потенциала лингвокраеведческого материала для воспитания бережного отношения к родному краю, малой родине; а также воспитание чувства гордости за своих земляков, за их самоотверженный труд, за их стойкость, поскольку жизнь почти каждого из них была сопряжена с тяготами, лишениями, выпавшими на их долю в период коллективизации, Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

В работе называются разделы книги, а так же наименования текстов Т.Л. Сабуровой, как предполагаемые источники для работы на уроках русского языка, литературы, истории в школе.

Жители деревни Киришонки, где проходила летняя диалектологическая практика, являются потомками старообрядцев. Это место славится не только ценным и значимым диалектным материалом, но и интересными, талантливыми людьми, готовыми поделиться уникальной информацией о своём быте, традициях и своей малой Родине [1,142]. Такой человек Татьяна Леонтьевна Сабурова. Татьяна Леонтьевна уже более 30 лет работает в Киришонской библиотеке и является автором книги «Всё в человеке от родины», в которой описана история д. Сосновка. Она находится в трёх километрах от д. Киришонки. Автор собрала архивные материалы, записала воспоминания односельчан, дополнила

автобиографическими заметками, проиллюстрировала сборник фотографиями и предоставила читателям возможность найти здесь истории своих друзей, родных и близких.

Кроме того, в книгу включены описания некоторых местных обрядов. Т.Л. Сабурова, проявив лингвистические знания, составила словарь местного говора, представила информацию об участниках Великой Отечественной войны и детях войны. Эта книга может послужить дополнительным материалом при изучении жизни наших предков, истории края, а также на многих уроках в школе. Не говоря уже о словнике, включающем не менее 200 слов и словосочетаний.

В книге представлены следующие разделы, которые можно объединить по общим темам, такие как: история населённого пункта, быт и обустройство дома, воспоминания из жизни, обычаи, участники Великой Отечественной войны.

Отдельные фрагменты текста написаны курсивом и передают речь местных жителей, эти тексты будут рассмотрены далее.

«Робёнок закашлял, мать нальёт в кружку квас, поставит на маленьку, печушку, нагреется квас до горяча, ложкой робёнок хлебает, прогревает горло-то» [5,33].

В окончаниях глаголов и прилагательных наблюдается утрата интервокального йота с последующим стяжением гласных [3,40].

Литературное произношение	Произношение в говоре
закашл[ʲъ]т	закашл[а]т
хлеб[ʲъ]т	хлеб[а]т
маленьк[ују]	маленьк[у]

В центре нашего внимания оказались и прозвищные наименования женщин, не относящиеся к сфере официального имени, бытующие в диалектной среде д. Сосновка Балезинского района и содержащие отсылку к имени родственника, в нашем случае к имени мужа. Процесс словообразования происходит при помощи суффиксации. Так женские прозвища, входящие в эту группу в данной местности, возникают при помощи суффикса – их [4, 213].

Например, от мужских имён Семён, Алексей, Степан, образовывались следующие прозвища Семёниха, Алёшиха (от краткой формы имени Алексей- Алёша), Степаниха [5, 48].

Кроме того, представлены тексты, в которых содержатся описания местных обрядов прошлых лет. Так, например обряд о сватовстве.

«Раньше-то жених с невестой друг друга не знали. А выбирали невесту когда через родню, через знакомых. Вот придёт Новый год, в новый год варят свиные ножки, телячьи. Тогда скажет сын отцу: «Ножки съели, завтра свататься ступай». Отец «А куды»? Сын: «Хоть куды, в любую деревню». Отецот и пойдёт искать. Придёт

в каку-ко деревню, спрашивают: «У кого девки есть хорошие и каки у её родители?» Скажут ему, где девки на выданье живут, о родителях расскажут. Отец и поедет туды. Расспросит всё, о себе расскажет. Потом спросит у девки – «Пойдёшь?». Она подумает и ответит. Если она согласна, на другой день отец ужю приезжает с женихом и роднёй. Это называлось «чай пить». Чай пить приедут-невеста наряжается. Садятся за стол. Если невеста не понравилась жениху, он одну чашку пьёт и накрывает чашку вверх дном. Если нравится- пьёт две, три и больше» [5, 62].

Этот пример записан от жительницы д. Сосновка Сабуровой Федоры Петровны.

В данном отрывке отмечается неразличение аффрикат [ц], [ч'] и совпадение их в звуке [ч']. Например, слово *отец, отечот, чай, чашка*. Данное диалектическое явление называется чоканье и распространено в говорах северного наречия.

Как мы видим, Т.Сабурова, не будучи диалектологом, очень точно передает особенности Киришонской речи, отражая все те явления, которые свойственны говору. В этом проявляется любовь и бережное отношение автора книги к родному говору, а следовательно, и малой родине. Кроме о любви к малой родине пишет поэт В.И.Лузянин, его стихотворения про родной Балединский район можно найти в сборнике «На семи ветрах» [2, 84].

Также содержание книги «Все в человеке от Родины» поражает нас обилием диалектизмов, которые встречаются в речи жителей деревни Киришонки. Так, например:

Мама Вихарева Ирина Андреевна рассказывала: пеленали робёнка на ногах-сядет мать на лавку, подымет ноги, постелёт сперва поясок, потом тряпку каку-то , от дубаса подол, платки старые, потом по мягче тряпочку под голову робёнка и пеленат [5, 27].

В отрывке мы видим собственно лексический диалектизм, бытующий на территории Балединского района. Дубас- косоклиный сарафан на узких лямках, сшитый изо льна. Это считается повседневной одеждой женщин-старообрядок. Спереди при крое дубаса вшивают прямые полотна, сзади вставляют клинья, скроенные «по косой». Данный диалектизм до сих пор бытует на территории Балединского района.

Итак, для нас как для филологов данная книга представляет особую значимость, так как она наполнена большим количеством ценного и уникального диалектного материала, который можно использовать на уроках русского языка при объяснении диалектной лексики, исторических явлений русского языка. Кроме того, книгу можно использовать в качестве учебного пособия для патриотического воспитания школьников, так как Сабурова ставит перед собой задачи: прославить свою малую Родину, её язык, а также передать память следующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Администрация Балез. р-на. Между Чеппой и Камой. Взгляд сквозь годы и века. Балезинский район. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 383 с.
2. Лузянин, В. И. На семи ветрах/ В. И. Лузянин «На семи ветрах». – Глазов, 2022. – 105 с.
3. Мартянова, В. Н. Слово в русских говорах Удмуртии / В. Н. Мартянова // Учеб. пособие по спецкурсу «Лингвокраеведение Прикамья». – Глазов : ГГПИ, 2004. – 87 с.
4. Пирожкова, Е. А. Релятивные прозвища женщин в диалектной среде / Е. А. Пирожкова, Н. В. Галинова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8-12 сент. 2009 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 213-214.
5. Сабурова, Т. Л. Все в человеке от родины / Т. Л. Сабурова. – Балезино : Балезинская районная библиотека, 2022. – 86 с.

SUMMARY

Sofia Kosheleva, Alina Sadykova, Varvara Chumakova.

Everything in a person is from the motherland

The article presents material obtained from informants in the village of Kirshonki during the period of dialectological practice. The importance of linguistic research in the education of patriotic feelings in schoolchildren is revealed and the linguistic potential of the content of the stories collected by T. L. Saburova in the book “Everything in a Man from the Motherland” is described.

Keywords: patriotism, linguocraevology, Russian dialect, dialectisms, okanye, chokanie.

Краморенко Мария

Научный руководитель –

доц. Мартянова В. Н.

ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко»,

г. Глазов, РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В РАБОТЕ СО ШКОЛЬНИКАМИ 7-9 КЛАССОВ

В статье представлена возможность организации занятия по лингвокраеведению с обучающимися 7-9 классов с использованием

научного раздела диалектологии и краеведения – лингвокраеведение. Лингвокраеведение связано с изучением истории родного населенного пункта через факты языка.

Ключевые слова: лингвокраеведение, этимология, формы обучения, *костёр*, этимологический анализ, этимологический словарь, «СПГ».

Отечественная система образования претерпевает изменения, которые, в первую очередь, касаются образовательных программ. С 1 сентября 2023 года вступили в силу федеральные основные общеобразовательные программы. Федеральная программа определяет единые для Российской Федерации базовые объем и содержание образования, осваиваемые обучающимися по всем предметам. Сегодня в условиях унификации системы обучения крайне важно не забывать о региональном компоненте. Совместная с обучающимися лингвокраеведческая работа способствует их знакомству с родным языком и культурой, традициями и обычаями через языковые факты.

Актуальность лингвокраеведческой работы заключается в том, что ученики становятся более внимательными к слову, используемому в данной местности, ученикам становится понятно, что окружающая их речь имеет большую ценность, потому что в ней отражается история их предков и вместе с тем история их родного говора, на который иногда не обращается внимания как на средство наследования духовных ценностей.

Цель работы – продемонстрировать языковые факты, имеющиеся в русском говоре села Сергино Удмуртской Республики, на примере которых следует формировать патриотизм, как одну из семнадцати традиционных ценностей, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[5].

Задачи:

- изучить этимологию слова «**костёр**» в русском говоре села Сергино Удмуртской Республики и в русских говорах Пермского края;
- установить и проанализировать происхождение значений слова, приведенных в словаре В. И. Даля и в «Словаре пермских говоров».

На занятии с обучающимися выясняется этимология слова **костёр**, определяется его значение в говоре села Сергино, сравнивается со значением в пермских говорах. Сопоставление лексического значения лексемы **костёр** в русском говоре села Сергино и в пермских говорах обусловлено тем, что село Сергино Удмуртской Республики располагается на границе с Пермским краем. Для выполнения работы школьники делятся на 4 группы.

Первая группа выполняет работу со словарем В. И. Даля. Школьники знакомятся со словарной статьей, в которой приведены следующие значения слова **костёр**:

1. Поленница, сложенные в клетку дрова;
2. Рубка, высокий сруб, или выступ площадкой городской стены, раскат, даже башню;
3. Большая груда, куча; ворох лесу или других вещей;
4. Вят. подопечье, подопечник, дощатый срубец под печь, сверху набитый глиною;
5. Местами костер шуточно, знач. город, с офенск [1, 175].

Обучающиеся сообщают сведения из словаря другим группам и делают вывод о многозначности данного слова.

Вторая группа знакомится со «Словарем пермских говоров», сравнивает значения, приведенные в этом словаре, со значениями, перечисленными в словаре В. И. Даля и приходят к выводу о том, что значения совпадают [3, 425-426].

Третья группа выясняет этимологию слова, пользуясь словарем М. Фасмера, где отмечено, что слово **костёр** отлично по происхождению от древнерусского **кошьрь** «башня, крепость», которое через среднегреческий **кастрон** «крепость» восходит к латинскому **castrum**. Притом важно отметить, что слово имеет праславянский корень ***kostr** со значением «поленница, куча дров», что соответствует одному из определений значений в толковом словаре В. И. Даля (1). Следовательно, данное значение, используемое в народе, имеет этимологическое объяснение. В формулировании выводов школьникам помогает учитель. Выводы озвучиваются для всех групп [4, 347].

Сравнение словарной статьи, посвященной лексеме **костёр** в словарях М. Фасмера, В. И. Даля, «Словаре пермских говоров» оказалось невозможным из-за разного количества приводимых лексических значений. Вопрос о том, как происходило развитие значений слова **костёр**, остается нерешенным, поэтому четвертая группа изучает научную работу А. В. Ефимовой [2, 69-71]. В результате исследовательской работы над статьей А. В. Ефимовой обучающиеся приходят к выводу о том, что развитие лексического значения слова **костёр** шло по пути утраты семы «упорядоченность», поэтому в русском говоре села Сергино Удмуртии и говорах Пермского края слово **костёр** приобрело значение «в беспорядке что-либо лежащее: большая груда, куча; ворох лесу или других вещей» [3].

В рамках внеучебной лингвокраеведческой работы используются такие формы, как групповая работа, работа в парах, индивидуальная исследовательская работа. В учебной практике диалектный материал используется на уроках при изучении темы «Диалектная лексика».

Итак, лингвокраеведческий материал, используемый как в учебной, так и во внеучебной деятельности способствует, во-первых, активизации познавательной деятельности обучающихся, во-вторых, разнообразие форм работы с данным лингвистическим материалом и словарями воспитывает у обучающихся любовь к учебному предмету «Русский язык», а самое главное – формирует чувство патриотизма, как одной из «...традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [5]

Перспектива дальнейшего развития видится в выявлении диалектных лексем русского говора села Сергино, изменивших или сохранивших свое лексическое значение в сравнении со значениями, отмеченными в словарях В. И. Даля, М. Фасмера и в современных диалектных словарях. Названная перспектива предполагает разработку инновационных форм внеучебной деятельности школьников в исследовании языкового материала родного говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь: В 4 т. / В. И. Даль. – Т. 2. – С. 175. – М., 1981.
2. Ефимова, А. В. Слово костёр в пермских говорах / А. В. Ефимова // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Часть 1. – С. 69-71.
3. СПГ – Словарь пермских говоров. – Пермь, 2000. – Вып. 1. – С. 425-426.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. - Т. 2. - С. 347. – М., 2004.
5. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

Логунов Николай

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузённая Т.Ф.

Балтийский федеральный университет

им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

СПЕЦИФИКА МУЛЬТИКОДОВОГО ТЕКСТА В СЕТЕВЫХ МЕДИАСЕРВИСАХ (НА ПРИМЕРЕ ЮТУБ-КАНАЛА SNDK)

В настоящей статье рассматриваются выпуски видеоподкаста «Литературные кликбейты» с точки зрения мультимедийного сообщения. Анализируются приемы автора подкаста,

объединяющего новостные заголовки с сюжетами классических литературных произведений, выделяются языковые особенности, связанные с литературной основой и со спецификой кликбейтного заголовка.

Ключевые слова: мультикодовый текст, медиасервисы, инфотеймент, эдьютеймент

В современном обществе нельзя отрицать значимость Интернет-дискурса в целом и явления видеоподкастинга в частности. В. А. Лущиков отмечает, что «в погоне за свободным контентом молодежь все чаще обращается к Интернету, на *ютуб*-платформу, где находит необходимую информацию в удобной форме»: здесь развлекательный контент соединяется с передачей информации [3, 69], используются приемы инфотеймента (информация + развлечение) и эдьютеймента (образование + развлечение), направленные «на повышение мотивации к получению новых знаний с помощью развлечения» [Там же].

Под термином «видеоподкаст» мы понимаем информационный видеофайл, размещенный на специальной платформе, являющийся доступным для скачивания, просмотра на любых устройствах, главной особенностью которого является сочетание вербальной и визуальной составляющих. Это позволяет назвать его мультикодовым сообщением, ценностью которого становится не столько наличие отдельного текста или отдельного видеоряда, сколько их синтез, впечатление, которое возникает от их соположения.

Блогеры становятся «лидерами мнений», влиянию которых подвержена значительная часть молодого поколения. Это и отметил проект ЮФ, целью которого является популяризация чтения среди молодёжи. Достижение цели осуществляется и путем обращения к популярным блогерам, аудиторией которых являются потенциально не читающие молодые люди. Одним из таких видеоблогеров является Сыендук.

30 июля и 6 декабря 2019 на его канале вышли два выпуска подкаста «Литературные кликбейты», в которых популярный блогер рассказал о нескольких классических произведениях, каждое из которых предварял оригинальной аннотацией и своим вариантом обложки книги. Некоторые книги с этими обложками можно было выиграть или купить. Все это он сделал в своем фирменном стиле «с мультиками и смешнявками». О.В. Баландина отмечает, что «такая подача не выглядит как прямая реклама и не раздражает подписчиков и в то же время решает задачи рекламодателя: повышение узнаваемости продукта, заинтересованности потребителей и стимулирование продаж» [1, 13].

Материал исследования может быть рассмотрен с разных сторон. Могут быть проанализированы аннотации книг и сама подача автора с позиции сторителлинга и законов маркетинга. В данной же работе мы сосредоточим внимание на вербально-визуальном плане, проанализируем сами «литературные кликбейты».

На данный момент в научной литературе не существует единого определения термина «кликбейт», но большинство исследователей подразумевает под ним «новостные заголовки, апеллирующие к любопытству читателя; контент, цель которого – заманить читателя на необходимую страницу» [2, 343].

В видеоподкасте присутствуют некоторые элементы игры. Так, блогер объединяет новостные заголовки с сюжетами литературных произведений. Сыендук берет за основу обычные кликбейтные баннеры, для которых характерно деление на две составляющие: кричащий заголовок и изображение, которым могут быть кадры из фильмов, стоковые изображения и фото знаменитостей. Основные функции изображения выражаются в привлечении внимания и иллюстрировании сказанного в заголовке. Иногда используется и подзаголовок.

Можно предположить, что использование кликбейтов связано с надписью *Читать далее...*, которая присутствует на многих кликбейтных баннерах. Действуя по принципу аналогии, автор призывает молодежь к чтению, чтобы они «попались на удочку» сюжета и пошли «читать далее» уже само произведение. Стоит оговориться, что использование кликбейтных баннеров имеет и другую функцию. Блогер отсылает свою аудиторию к уже знакомому им формату «Хроник АДблока», в рамках которого Сыендук озвучивал кликбейтные заголовки, давая свои юмористические комментарии.

Из литературного источника блогер может взять завязку действия произведения и интерпретировать её. Так, на кликбейтном баннере может быть трансформирована фраза из произведения, например, *Нищий студент зарубил топором старуху! Эта бессовестная тварь дрожала от страха*. Это кликбейт к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В заголовке находим каламбуры, связанные с сюжетом произведения: *Старый хрыч строит глазки молодой практикантке, дед совсем потерял голову* (А. Р. Беляев «Голова профессора Доуэля»).

Присутствуют также и элементы, характерные только для кликбейтных баннеров. К ним относится неоправданно частое использование восклицательных знаков: *На зоне обнаружены следы НЛО!!! Находка шокировала местных арестантов*; используются эмотивы со значением шока и потрясения: *Родители услышали топот маленьких ножек, и обалдели*. Используются в баннерах и элементы

интриги: *Коммунисты вопили как бешенные, когда увидели это...*, есть и обращение к публике: *Такого будущего для своих детей вы бы не хотели... В XXVI веке всех ждёт секс по талончикам*. Стоит сказать об использовании реальных заголовков, которые знакомы подписчикам канала по рубрике «Хроники АДблока» и к которым присоединяется подзаголовок, связанный с литературным произведением, например: *Даже конченный дебил зарабатывает!!! На войне, продавая собак...* (Гашек Я. «Похождения бравого солдата Швейка»).

Проанализировав примеры литературных кликбейтов, мы можем разделить позицию Ж. Р. Сладкевич, которая утверждает: «Кликбейт-заголовки – мощный инструмент захвата, пролонгации внимания реципиента и манипуляции его мировоззрением и поведением» [4, 364]. Их применение вызывает интерес, имеет игровой характер, что чрезвычайно важно для современного молодого читателя «эпохи Цукерберга».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина, О. В. Роль блогеров в современных медиакоммуникациях / О. В. Баландина // Конкурентоспособность территорий: Материалы XX Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. / Ответственные за выпуск Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина. Т. 1 Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2017. – С. 13–155.
2. Есакова, М. Н. «Кликбейт» как Новая форма привлечения внимания читателя / М. Н. Есакова, Ю. Н. Кольцова // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1. – С. 340–348.
3. Лущиков, В. А. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов / В. А. Лущиков, М. В. Терских // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. – Т. 4. – № 14. – С. 57–75.
4. Сладкевич, Ж. Р. Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом, / Ж. Р. Сладкевич // Медиалингвистика. – №6(3) – С. 353–368.

SUMMARY

Nikolay Logunov. Specifics of multi-code text in network media services (using the example of the SNDK YouTube channel)

This article considers the episodes of the video podcast “Literary Clickbait” from the viewpoint of multicode message. The author’s techniques of combining news headlines with the plots of classical literary works are considered. The linguistic specificities on the literary basis and with the specificity of the clickbait headline are identified.

Keywords: multicode text, media services, infotainment, edutainment.

Малахов Руслан
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

СУГГЕСТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТАРИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Актуальность данного исследования обусловлена возникновением новых социальных сетей и нового функционала. Цель исследования – рассмотреть суггестивный аспект метаязыкового комментария. В работе были проанализированы публикации на предмет метаязыкового комментария в различных социальных сетях. По итогам исследования были выявлены 3 уровня метаязыкового комментария.

Ключевые слова: метаязык, манипуляция, комментарий, знак.

Актуальность данного исследования связана с возникновением новых социальных сетей, которые предполагают появление различного функционала. Данные нововведения, с одной стороны, упрощают коммуникацию для пользователей, а с другой стороны, дают возможность авторам контента смещать метаязыковой комментарий на различные уровни для достижения манипулятивного эффекта. Как мы знаем, главной целью информационных каналов в социальных сетях является обеспечение передачи актуальной и достоверной информации. Данная задача является эксплицитной интенцией (либо же явным намерением) автора. Однако, кроме информирования есть также имплицитная интенция (скрытое намерение) автора. В данном случае скрытым намерением автора, согласно теме исследования, мы можем назвать внушение читателю каких-либо мыслей. Существует множество инструментов внушения в социальных сетях, однако в данной работе мы затронем такой инструмент как метаязык.

Говоря о метаязыке, невозможно не упомянуть таких учёных, как Ролан Барт («Литература и метаязык»), Богачанова Татьяна Дмитриевна («Метаязыковой потенциал интернет-комментариев политического характера»), Луи Ельмслев («Прологомены к теории языка»). В данном исследовании мы будем придерживаться теории датского лингвиста Луи Ельмслева о метаязыке и его книге «Прологомены к теории языка», в которой было дано определение метаязыку. Согласно Ельмслеву, «метаязык – это семиотическая система, планом содержания которой является

другая семиотическая система (естественный язык)» [4, 97]. Как мы знаем, семиотическая система – это знаковая система, а знаки – это не только буквы. Знаки – это все то, что передаёт интерпретатору знака значение, которое не является самим знаком, сюда мы можем отнести, например, дорожные знаки, которые информируют нас не только с помощью слов, жест «большой палец вверх», жест «окей» и другие. Соответственно, к такой знаковой системе мы также можем отнести графическую составляющую публикаций в социальных сетях, например, кавычки, эмодзи.

Когда мы говорим о публикациях, мы не можем не вспомнить такое понятие как комментарий. Согласно словарю Ожегова, комментарий – это «разъяснительные примечания к какому-либо тексту либо же рассуждения» [6, 703]. В публикациях в социальных сетях автор может использовать 3 уровня метаязыкового комментария:

- 1) комментарий самого автора (то, что заложено в публикации);
- 2) комментарий пользователей с использованием графики (различные эмодзи как реакция на публикацию);
- 3) метаязыковое поле для обратной связи в публикации (там, где пользователи оставляют письменный, либо же графический комментарий).

Комментарий самого автора, как правило, располагается в конце публикации, если он состоит из слов и графики, либо же вначале, если состоит исключительно из графики. Связано это с тем, что словесный комментарий автора в начале публикации станет в первую позицию, то есть будет главенствующим, а основной текст публикации перейдёт во вторую позицию. Соответственно, велика вероятность запутать реципиента, какой из фрагментов публикации является метаязыковым комментарием. Если же словесный комментарий автора будет находиться в конце, он будет усиливать суггестивный эффект от публикации. В качестве примера мы можем провести публикацию telegram-канала «ИнсайдерUA» и telegram-канала «Новый канал»:

«На Камчатке руснявый лейтенант на своем драндулете въехал в толпу срочников, переходящих дорогу в тёмное время суток. Их с различными травмами доставили в больницу.

Хорошая работа 🍷» [1].

Здесь мы видим пример первой ситуации, когда метаязыковой комментарий, состоящий из текста и эмодзи, находится в конце. В следующем же примере мы видим обратную ситуацию, однако без текста, а только с графикой.

«на росії горить другий ринок за добу. Після згорілого вчора ростовського речевого ринку сьогодні спалахнув московський» / «в россии горит ещё один рынок за сутки. После сгоревшего вчера

ростовского вещевого рынка сегодня вспыхнул московский» [3] (перевод наш – Р. М.).

Как мы можем заметить, использование графики в начале публикации не мешает прочтению текста, кроме того, графика намерена вызвать определенные чувства к ситуации. Например, у гражданина Российской Федерации данная публикация вызовет чувство грусти, а у гражданина Украины, вероятно, чувство радости. В первом же случае, графика будет неуместной, а во втором случае графика позволит усилить эмоциональный аспект воздействия.

Комментарий пользователей с использованием графики мы можем видеть в социальной сети Telegram. Это так называемые «эмоции», которыми пользователь может отмечать публикацию для того, чтобы показать свою реакцию. Как мы знаем, в данной социальной сети создатель telegram-канала может регулировать наличие «эмоций». Например, владелец канала может либо оставить только «эмоции» с положительной коннотацией, либо только с отрицательной, либо выбрать уместные для канала. Данная возможность позволяет авторам манипулятивных публикаций исключать «нежелательную» реакцию от реципиентов.

Мы выделяем метаязыковое поле как средство рефлексии для выявления определенных тенденций, которые сложились после прочтения публикаций. Автор публикации может прочесть и проанализировать как реагируют пользователи на эту публикацию для того, чтобы выбрать правильную стратегию взаимодействия с пользователями. Кроме того, с помощью метаязыкового поля для обратной связи автор может создавать иллюзию правды. Человек может сомневаться, прав ли он, до тех пор, пока не увидит своих сторонников. Наиболее эффективно данное правило работает, когда количество сторонников превалирует над количеством инакомыслящих.

После всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что социальные сети позволяют авторам суггестивных публикаций использовать разные уровни метаязыкового комментария как средство суггестивного воздействия. Данные уровни взаимосвязаны и вместе они усиливают манипулятивный эффект от основного текста публикации. Кроме того, метаязыковой комментарий позволяет направлять поток сознания реципиента в нужном автору направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИнсайдерUA. – Текст : электронный // telegram.org : [сайт]. – URL: <https://t.me/insiderUKR/65646> (дата обращения : 26.11.2023).

2. Немыка, А. А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление. – 10.02.01. Русский язык. – автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Немыка. – М., 2017. – 39 с.
3. Новый канал. – Текст : электронный // telegram.org : [сайт]. – URL: <https://t.me/novytv/59280> (дата обращения : 26.11.2023).
4. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев ; пер. с англ. [В. А. Звегинцев и др.]. – М. : URSS : Ленанд, 2005. – 243 с.
5. Савельева, И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текstopорождения // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. № 3. – С. 839–849.
6. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.

SUMMARY

Ruslan Malakhov. Suggestive aspect of meta-linguistic commentary on the example of social networks

The relevance of this study is due to the emergence of new social networks and new functionalities. The aim of the study is to examine the suggestive aspect of meta-language commenting. The paper analyses publications on the subject of meta-language commentary in different social networks. Based on the results of the study, 3 levels of meta-language commenting were identified.

Keywords: meta-language, manipulation, commentary, sign.

Малахова Любава

*к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ*

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОБРАЗНЫХ СЛОВ

Данное исследование определяется необходимостью углубления современной теории образа, определения места образа в структуре значения слова, а также особенностей его репрезентации в лексической единице. При работе использовались методы описания и синтеза. В тезисах описываются денотатив, ассоциатив и символ как компоненты образного значения слова.

Ключевые слова: образные слова, семантика, образные значения, лингвистика, метафоризация.

Лишь к концу XX – началу XXI века теория языковой образности была сформирована в отечественной лингвистике. Понимание образного значения слова и дальнейшее его объяснение носителем языка обусловлено коммуникативными целями и реализуется путем соотношения мотивационного значения и предметно-понятийного содержания слова.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью углубления современной теории образа, определения места образа в структуре значения слова, а также особенностей его репрезентации в лексической единице.

Цель исследования – описание особенностей семантики образных слов в современной лингвистике.

Мотивационный аспект значения образных слов обусловлен тем, что внутренняя форма слова, выражающая лексическую мотивацию, вносит в семантическую структуру содержание, отражающее представление о предмете образной номинации, т.е. это содержание наследуется от мотивирующей единицы. В образных словах мотивационное значение является идиоматичным. Мотивационные значения, образованные от семантических категорий, выделенных на основе лексико-структурных корреляций, ассоциативно соотносятся с лексическими значениями. Мотивационные признаки выражаются в образных словах метафорически. Например, мотивационное значение образных и необразных слов: *черника* – «черная ягода» (необразное слово), *сердцеед* – «человек, который “якобы” ест сердце» (данное слово является образным).

Понимание образного значения слова и дальнейшее его объяснение носителем языка обусловлено коммуникативными целями и реализуется путем соотношения мотивационного значения и предметно-понятийного содержания слова.

Образное значение отражает языковую интерпретацию характерных признаков явления, способ его метафорического переосмысления. Образные значения раскрывают характер ассоциативных связей между приводимыми в пример явлениями и передают метафорические выражения, закрепленные за ключевыми сегментами звуковой оболочки слова.

В случае семантически мотивированных образных слов в качестве сегмента выступает вся звуковая оболочка, а структурные корреляты опираются на закрепленную в языке модель метафоризации. Например, *змея* – «о коварном, хитром, злом человеке» [3, 615] (модель метафоризации: конкретное–конкретное).

Мотивационное значение включает в себя представление о категориальной области номинации метафоры через соотнесение со структурным мотивом – метафорой. Наличие метафорической модели, реализуемой на лексическом уровне, позволяет носителям

языка понимать мотивационное значение данной языковой метафоры и ее метафорический смысл, выраженный через ее внутреннюю форму в минимальном контексте. Так, внутренней формой слов признается их этимология. Например: *змея* происходит от корня *зм-*, то есть «ползающая по земле».

Образное значение слов вербально выражено через взаимосвязь толкования предметно-понятийного содержания слова, его мотивационного значения и передачи смысловой связи между этими компонентами. Так, в слове *буквоед* выделяются следующие значения:

- лексическое – «педант, тот, кто сверяет все до буквы»,
- мотивационное – «тот, кто “якобы” ест буквы»,
- образное – «взедливый, педант, кто проверяет все, как бы въедаясь в каждую букву».

В основе образного слова лежит двуплановая содержательная структура языковой единицы, в которой передается конкретно-чувственное представление о называемом объекте через метафорическое воплощение его признаков. Характер образного слова и его значения определяется особенностями внутренней формы слова (его мотивационное значение), благодаря которой мы можем рассматривать образное значение как аспект семантики, реализуемый внутренней формой образного слова.

Структура значения образного слова схожа со структурой метафоры. Традиционно в метафорической структуре выделяют три структурных компонента: «субъект» метафоры; «вспомогательный субъект метафоры»; «основание образа», то есть общие свойства субъекта метафоры и вспомогательного субъекта метафоры, с помощью которых и происходит сближение (изложено по [1, 147]).

Благодаря этому в структуре образного значения ученые выделяют три составляющих семантических компонента:

1) денотатив образного значения. К данному компоненту относятся отраженные в семантике слова объекты, признаки и процессы, которые являются объектами образной номинации. Из лексических значений образных слов формируется номинативный аспект их семантики. Например, денотативами образных значений следующих образных слов являются *мягкосердечный* – «добрый, отзывчивый» [3, 319]; *остолбенеть* – «стать неподвижным» [3, 656];

2) ассоциатив образного значения. Он включает в себя представления о тех предметах, процессах и признаках, которые обладают характерным признаком денотатива и служат его обозначением. Ассоциативы дают нам представление образной номинации. *Мягкосердечный* – «мягкое сердце»; *остолбенеть* – «толстый брус, вертикально укрепленный».

В семантически мотивированных образных словах ассоциатив – понятие, которое выражено метафорическим значением слова,

денотатив же – это первоначальное значение. В морфологически мотивированных образных словах ассоциатив формирует прямое значение слова, а денотатив – исходное значение мотивирующих лексических единиц;

3) символ переносного значения. Этот структурный элемент соединяет денотатив и ассоциатив, это своего рода семантический центр, т.е. семантическое ядро образного значения слова, к которому направлена «смысловая линия», организующая иерархию семантических микрокомпонентов идейно-ассоциативного плана значения. Символ отражает сходство между ассоциативом и денотативом, их ощущениями, впечатлениями, которые возникают у субъекта во время восприятия ассоциируемых объектов: *мягкосердечный* – «мягкий/добрый»; *остолбенеть* – «неподвижный/пораженный».

Символы образного значения имеют разную степень конкретности в образных словах, относящихся к разным структурно-семантическим категориям и лексико-грамматическим классам. Чем содержательнее и конкретнее значение метафорического ассоциатива и денотатива, тем яснее и отчетливее символ метафорического значения, тем ярче и живее образ, заключенный в слове; символ образного значения легко выделяется и формирует тот семантический план содержания, который отражает представление о приводимом в пример явлении. Он может обозначать специфические признаки, которые связывают воедино два компонента структуры образного значения: *ершистый* – «колючий как ерш». Это особенность образного слова, в котором ассоциативы и денотативы образного значения отражают представления о конкретном предмете, действительно сходном с ним по многим признакам, воспринимаемым органами чувств. Например: «*Ершистый* – торчащий кверху (о волосах); *колючий как ерш (перен. Неуступчивый, задорный)*» [3, 466].

Образное значение понимается как двуплановая семантическая структура слов: предметно-понятийное содержание («денотатив»); ассоциативно-образный план («ассоциатив» образного значения); признак, ассоциативно связывающий два компонента («символ образного значения»). Выделение этих трех компонентов и рассмотрение семантики образных слов позволяет анализировать образные единицы как самостоятельные классы слов или лексических и фразеологических единиц в лексической системе языка на единой семантической основе.

Наряду с денотативным и метафорическим планами выделяют аксиологический план значения, который связан с выражением образным словом оценки называемых или сходных явлений или ситуаций с точки зрения общепринятых социальных норм, по различным шкалам оценки. Можно выделить общую рациональную

оценку (хорошо – плохо), этическую оценку (порядочно – беспорядочно), утилитарную (благоприятно – неблагоприятно, полезно – вредно), эстетическую оценку (нравится – не нравится) и т.д. Аксиологический план связан с сознанием коллективного языкового субъекта.

Особенность семантики образных слов заключается в специфике внутренней формы слова (его мотивационная форма и мотивационное значение), благодаря чему образное значение слова рассматривается в современной лингвистике как аспект семантики. Перспективой дальнейшего исследования является анализ образных значений слов и выражений, вербализирующих образ дома в прозе С.А. Есенина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (Синтаксис и лексика) : Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – 147-174 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Полиграф-ресурсы, 1999. – 702 с.
4. Стернин, И. А. Слово и образ : моногр. / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.
5. Юрина, Е. А. Образная лексика русского языка. Часть I: Семантика : учеб. пособие / Е. А. Юрина. – Томск, 2007. – 130 с.
6. Юрина, Е. А. Образная лексика русского языка. Часть II: Пищевой код культуры в образном строе языка : учеб. пособие / Е. А. Юрина. – Томск : Изд. дом Томского гос. ун-та, 2015. – 132 с.

SUMMARY

Malakhova Lubava. Features of semantics of figurative words

This research is determined by the need to deepen the modern theory of image, to determine its place in the structure of word meaning, as well as the peculiarities of its representation in a lexical unit. The methods of description and synthesis were used in the work. The work considers the figurative meaning of words as a two-dimensional semantic structure of words.

Keywords: figurative words, semantics, figurative meanings, linguistics, metaphorization.

Малова Елена
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Димитриева О. А.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»,
г. Чебоксары, РФ

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ
КУЛИНАРНОГО РЕЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ РЕЦЕПТОВ
А. О. ЗИМИНА В ЖУРНАЛЕ «КОММЕРСАНТЬ WEEKEND»)**

Статья посвящена исследованию концепции времени в массмедийном кулинарном рецепте. В работе отмечаются характерные «временные» особенности рекомендаций по приготовлению, опубликованных в журнале «Коммерсантъ Weekend». Автором выделяются несколько видов времени, представленных в кулинарном рецепте, а также обосновываются причины включения информационно-вставок, которые связаны с историческими отсылками.

Ключевые слова: *кулинарный рецепт, концепция времени, виды времени, семантика, функции.*

Понятие «время» достаточно сложное и многозначное. На протяжении многих столетий человечество пытается постичь сущность данного объекта изучения. Особенностью понятия является прежде всего то, что имеются несколько сфер функционирования времени, а следовательно, и несколько вариантов его трактовок. Например, как отмечает К. С. Покидько, можно говорить о наличии временного показателя в рамках социальных, экономических, биологических, экологических, географических, геологических, физико-математических и других наук [4, 148].

Время как философскую концепцию можно определить через отсылку на свойство бытия, которое находит свое воплощение в «движении, изменении и развитии сущего из прошлого, через настоящее в будущее» [4, 148]. Представленная абстрактная формулировка демонстрирует включение в концепцию времени более конкретные аспекты: последовательность, длительность и направленность, а также включение представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Актуальность нашей работы заключается в рассмотрении организации времени в кулинарных рецептах в зависимости от видов, что ранее недостаточно было изучено.

Кулинарный рецепт определяется А. Ю. Волковой следующим образом: «это набор отдельно стоящих предложений-указаний, как приготовить блюдо, а также это связный текст, обладающий

определенными признаками и выполняющий определенные функции, а именно: коммуникативную, социальную, системную, когнитивную, историческую, дидактическую, эмоциональную и др.» [1, 210]. Рекомендации по приготовлению Алексея Зимина существенно отличаются от традиционного рецепта, во-первых, включением прецедентных текстов, которые функционируют не только в содержании, но и в названиях рецептов [3], во-вторых, наличием в подобных текстах научной терминологии и других фактов из разных областей знания, и, наконец, различными видами представлений и демонстраций концепции времени.

Реальное время как организующая основа создания рецепта. Довольно часто в качестве предпосылок написания той или иной кулинарной рекомендации выступают праздники, для которых характерно приготовление определенного традиционно устоявшегося блюда. Например, рецепт А. Зимина «Красная пасха» опубликован в марте, и автор намеренно пишет в данном месяце о таком гастрономическом продукте, который вызвал бы интерес и потребность у читателей. Создатель рецепта во вступлении обращается к таким философским понятиям как свобода и смерть. Далее через их определения А. Зимин объясняет библейскую основу праздника Пасхи и пишет: «Христиане празднуют воскрешение Сына Человеческого после физической смерти». Описание реального времени автор дополняет и отсылкой к событиям из прошлого, которые имеют отношение к празднику. В данном случае это упоминание о Великом посте: *«Пасхе предшествует Великий пост, но даже если бы его не было, то пасхальное меню все равно было бы раблезианским пиршеством»* (Красная пасха: Алексей Зимин о диалектике горячего и холодного творога // KW. №10 от 31.03.2023). В основной части кулинарной заметки изложены этапы приготовления пасхи, особого блюда из творога, которое по русской традиции употребляется в пищу только на христианский праздник.

Как известно, масленица — восточнославянское веселье, которое принято проводить в течение недели перед Великим постом. А. Зимин не оставляет без внимания угощения, принятые к употреблению в данное время, и создает рецепт с нехарактерным для автора простым и понятным названием «Тонкие блины». В рассматриваемом тексте акцентируется внимание на форме блюда: «блин — символ солнца, но он же эмблема бога, версия совершенного шара, в котором бог как центр находится везде» (Тонкие блины: Еда с Алексеем Зиминим // KW. №5 от 25.02.2022). Также составитель рецепта демонстрирует свою ориентированность на предпочтения аудитории, ведь на масленицу не все привыкли готовить тонкие ажурные блины, поэтому А. Зимин включает способ-подсказку для тех, кто предпочтет пышные оладушки.

Рецепт может быть продиктован не только приближающимися событиями, но и обыкновенной сменой сезонов года. «Гениальный весенний салат» – последовательность к созданию блюда из овощей и зелени (редиска, укроп, кинза, зеленый лук и др.). Кулинарный совет вышел на странице журнала в мае, когда многие задумываются о том, чтобы привести тело в подтянутую форму. А. Зимин предлагает в качестве заправки к салату выбор между майонезом и сметаной

Историческое время в качестве дополнительных информационных вставок. Помимо функционирования реального времени, в рецептах автора присутствует большое количество фактов из прошлого, которые связаны с различными сферами жизнедеятельности человека. Такие отсылки могут быть представлены: а) через описание определенного исторического процесса; б) посредством упоминания конкретного деятеля.

Например, когда составитель рекомендации к приготовлению блинного пудинга пишет о собственном отношении к этому блюду, то говорит об аграрной революции: *«С тех пор как случилась аграрная революция, а это то ли сорок, то ли 10 тысяч лет назад, большая часть происходящего на продовольственной карте мира – это та или иная форма зерновой сделки»* (Блинный пудинг с ягодами: Еда с Алексеем Зиминым // KW. от 30.06.2023).

В данном контексте подобного вида отсылка к истории выполняет функцию определения положительного отношения А. Зимина к продуктам из пшеницы. Далее автор дополняет: *«Никакие трюфели, ни ваниль с корицей не сравнятся по обаянию с запахом свежеевыпеченной хлебной корочки. Да и вообще всего, что сделано из муки. Тех же блинов»*.

А. Зимин во многих рецептах конкретизирует создателей блюда, т.е. тех, кто способствовал распространению или видоизменению кулинарного совета. Когда в рецепте «Царь-горох» подробно описывается зарождение такого блюда как сахарный горошек, автор рубрики упоминает французского короля Людовика XIV, ведь именно он «изменил диетический вектор» данного продукта, предложив консервировать его в сахаре: *«В Версале Людовик разбил огород и приучил придворных к сахарному горошку»* (Царь-горох: Еда с Алексеем Зиминым // KW. №18 от 02.06.2023).

Таким образом, концепция времени широко функционирует в кулинарном рецепте. Время в гастрономических заметках может быть представлено как реальное, непосредственно связанное с моментом создания текста. Такая основа продиктована приближающимися праздниками или сменой времени года. Историческое время обычно выполняет информационную, дидактическую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, А. Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. / . – 2011. – №8. – С. 2019-212.
2. Коммерсантъ Weekend // [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.kommersant.ru/weekend> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Малова, Е. Н. Прецедентные тексты в кулинарном рецепте (на материале рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой в журнале «Коммерсантъ Weekend») / Е. Н. Малова // Язык. Культура. Личность : Материалы Всероссийской с международным участием науч. конф. молодых ученых, / тв. ред. Т. Е. Баженова. – Т. 1 Вып. 1. – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2023. – С. 37-47.
4. Покидько, К. С. Понятие времени в науке и философии / К. С. Покидько // Современные образовательные технологии в условиях глобализации : сборник научных трудов. – Казань : ИП Д. А. Барышов, 2022. – С. 148-151.

SUMMARY

Elena Malova. The organization of time in the space of a culinary recipe (using the example of A.Zimin's recipes in the Kommersant Weekend magazine)

The article is devoted to the study of the concept of time in a mass media culinary recipe. The paper highlights the characteristic features of the cooking recommendations published in the Kommersant Weekend magazine. The author identifies several types of time represented in the culinary recipe, and also substantiates the reasons for the inclusion of information inserts that are associated with historical references.

Keywords: culinary recipe, concept of time, types of time, semantics, functions.

Марфина Жанна

к. филол. н., доц.

*ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»,*

г. Луганск, ЛНР, РФ

К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОСТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В научном дискурсе, в том числе лингвистическом, для изучения особенностей мировосприятия представителями различных культур используется понятие «ментальность». Неоднозначность

интерпретации данной категории обосновала необходимость обобщения представлений о ментальности, о соотношении понятий «ментальность» и «менталитет».

Ключевые слова: архетип, лингвокультурология, менталитет, ментальность, языковая картина мира.

Одним из наиболее важных направлений в современной лингвистической науке является изучение языковых явлений, отражающих мировоззрение, культуру представителей того или иного народа. В связи с этим актуальным является обращение к понятию «ментальность» как категории науки о языке.

Впервые понятие «ментальность» употребляется в работах представителей французской исторической школы «Анналов» – Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Ф. Бродель, которые пытались определить особенности психологического склада людей прошлого, оказывающие влияние на их образ мысли, чувства и модели коллективного поведения. По мнению учёных, для целостного изучения истории народа необходимо понять его внутреннее восприятие окружающего мира, т. е. скрытые структуры психики и сознания, влияющие на деятельность людей [8; 10].

Позже ментальность становится объектом исследования социальных психологов. В концепции К. Г. Юнга, повлиявшей на понимание ментальности как языкового феномена, данная категория отождествляется с понятием «архетип». Согласно К. Г. Юнгу, архетип представляет собой «древнее психическое начало, которое образует основу нашего разума...» [11, 64]. В этом контексте ментальность представляет собой глубинный уровень коллективного бессознательного, который определяет мировидение, ценностные ориентиры и образцы поведения людей конкретной культуры. Причем ментальные архетипические установки, определяющие мысли, чувства, действия человека, наглядно проявляются в типовых ситуациях, когда люди действуют преимущественно неосознанно, по определенному интуитивному алгоритму, заложенному в структуре их психики. То есть, когда возникает стандартная ситуация, то именно архетипы как ментальные структуры общества, формирующиеся в недрах его культуры, побуждают человека действовать определенным образом.

В рамках философского знания сущность понятия «ментальность» раскрывается через его социальную природу (А. Я. Гуревич, Р. А. Додонов, А. П. Огурцов и др.). Понимая под ментальностью проявления не отрефлексированного и не систематизированного восприятия человеком окружающего мира, философы указывают на то, что этот уровень сознания определяется исключительно

социальной средой, формирующей коллективные установки действовать, мыслить и чувствовать определенным образом [1].

Культурологический подход к проблеме ментальности основывается на понимании ментальности как отражении коллективных духовных основ жизни людей, сложившихся в определенных социокультурных условиях. Исследователи считают, что ментальность не может выступать в качестве равноценного духовной сфере явления, поскольку она «являет собой, скорее, информационный хаотический субстрат, из которого черпают свое содержание элементы духовной сферы» [5, 8].

Наряду с понятием «ментальность» в историческом познании используется термин «менталитет». В настоящее время ряд авторов осуществляют попытки развести данные понятия (А. Н. Захарова, Н. С. Южалина, Л. Р. Хомкова и др.), зачастую рассматривая ментальность как составляющий элемент менталитета.

Несмотря на сложности в интерпретации данных понятий, исследователи солидарны в том, что именно ментальные конструкции наиболее явно проявляются в языке. В связи с этим учёные обращаются к вопросу проявления ментальности в речевой деятельности. Язык любого народа является воплощением его исторической памяти, которая отражается не только в письменных источниках, но и в символических формах культуры – мифе, религии, искусстве, философии. По сути, язык представляет собой объективированную форму сознания, отображающую мировоззренческие установки человека определенной культуры.

Одним из первых глубокие исследования в области влияния языка на картину мира начал В. фон Гумбольдт [3], обосновывавший идею о связи языка с «национальным духом» народов, поскольку именно посредством языка конструируется картина мира.

В тоже время в концепции немецкого учёного прослеживается противоречие в понимании взаимовлияния языка и культуры. С одной стороны, он указывает на автономность языка, его самодостаточность и независимость от социальных форм жизни, а с другой стороны, подчеркивает зависимость языка от национальной ментальности народа: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык есть дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой... Только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее» [2, 68].

Противоречивость концепции В. фон. Гумбольдта не помешала его идее о языке как выражении «духа народа», как форме вербализации национальной культуры обогатить философию и

лингвистику XIX и XX вв. и получить развитие в концепциях его последователей Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. А. Потебни, Г. Шпета. Представители лингвофилософского подхода разделяют позицию о том, что каждый язык уникален, поскольку является, с одной стороны, производным от ментальных оснований культуры, а с другой стороны, посредством языка формируется способ мышления народа, конструируется и транслируется национальный образ мира.

К исследованию ментальности сквозь призму языка обращаются и отечественные исследователи (В. А. Маслова, В. В. Колесов, Н. Ф. Алефиренко, Ю. В. Сухарева, Л. И. Жуковская, Т. Б. Радбиль, Н. М. Дмитриева и др.).

Сравнительный анализ понятий ментальности и менталитета позволил исследователям установить их особенности. С точки зрения В. А. Масловой, «ментальность есть способ видения мира, базирующийся на синкретическом уровне коллективного сознания, это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [9, 51]. Понятие «менталитет», по мнению автора, отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, представляя собой глубинные структуры сознания, детерминированные географическими, социокультурными, и языковыми факторами [9, 49].

Исследователи указывают на то, что язык как система культуры содержит в себе комплекс «моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами» [4, 58]. Таким образом, языковая картина мира вбирает в себя как рациональные, так и иррациональные установки сознания, формирующиеся в недрах национального культур.

В этой связи В. В. Колесов предлагает рассматривать ментальность как «миросозерцание в категориях и формах языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [7, 55].

По мнению Л. И. Жуковской, различия между ментальностью и менталитетом лежит в плоскости лексико-семантического анализа данных терминов. В этом аспекте понятие менталитет тяготеет к значению «определенная категория сознания», а понятие ментальность к значению «способ реализации менталитета, совокупность определенных свойств указанной категории» [6, 328], а их содержательное наполнение, зависит от смыслового контекста, в котором они употребляются учеными.

В целом, лингвисты считают, что в изучении менталитета и ментальности важную роль играет язык, который является не только средством вербализации духовных основ культуры, но и способом моделирования сознания и формирования образа мира.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в научном дискурсе сложился междисциплинарный подход к понятиям менталитета и ментальности, которые отражают совокупность социально-психологических установок, детерминированных спецификой исторического и социокультурного развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, А. Я. Ментальность как пласт социальной целостности // А. Я. Гуревич // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993. – С. 49–50.
2. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.
3. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : перевод с немецкого языка. / В. фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
4. Дмитриева, Н. М. Языковые особенности этических категорий русского менталитета / Н. М. Дмитриева // Вестник ОГУ. – 2011. – №11 (130). – С. 57–61.
5. Додонов, Р. А. Теория ментальности: учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. / Р. А. Додонов. – Запорожье: Изд-во «Тандем-У», 1999. – 264 с.
6. Жуковская, Л. И. Менталитет vs ментальность: особенности языковой экспликации концепта в современной русской речи / Л. И. Жуковская // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 326–328.
7. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 237 с.
8. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С. К. Цатуровой. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
10. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 629 с.
11. Юнг, К. Сознание и бессознательное К. Юнг. – СПб.; М.: Университетская книга; АСТ, 1997. – 536 с.

SUMMARY

Zhanna Marfina. On the issue of mentality as a linguistic category

In scientific discourse, including linguistic discourse, the notion of “mentality” is used to study the peculiarities of world perception by representatives of different cultures. The ambiguity of this category interpretation stated the need to generalize the ideas about mentality, about the relationship between the notions of “mentality” and “mindset”.

Keywords: archetype, cultural linguistics, mindset, mentality, linguistic world-image.

Марченко Виктория

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. КузЁнная Т.Ф.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИИ АНТРОПНЫХ И АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В СЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ

В настоящее время ономастика является важным источником изучения картины мира человека определенной временной рамки. Анализ принципов номинации существ низшей славянской демонологии в фольклорных жанрах помогает обозначить мотивацию имён, выделить доминанты ценностного пространства эпохи.

Ключевые слова: культурная семантика, социолингвистика, заговор, этимологическая реконструкция, лексикология, ономастика, мифологические персонажи.

В современных исследованиях, по словам М. Л. Ковшовой, «субъектом языка выступает человек – индивид, языковое сообщество, народ; основным объектом становится миропонимание, отражённое в языке, языковая картина мира» [5]. В связи с этим особый научный интерес представляет область оносемантики, занимающая весомое место в этнолингвистических, лингвокультурологических исследованиях [3].

Изучение специфики наименования антропных и антропоморфных существ, относящихся к низшей славянской демонологии и встречающихся в русских заговорах, лежит в русле исследований данного направления. Именно «ономастика дает важнейший материал для истории, указывая пути миграции народов, рассказывая о семейных традициях, отношениях, характеризуя типы

поселений, языковые контакты, диалекты и языковую ситуацию предшествующих периодов» [6, 124]. Цель реализуемого в настоящей статье научного исследования состоит в культурно-семантическом анализе корпуса наименований добрых духов в Древней Руси. Задачи предполагают подбор соответствующих лексем, анализ их этимона с помощью этимологических и диалектных словарей, выявление возможных причин номинации славянских духов с ролью защитника. Для этого нами был привлечен материал диалектных и этимологических словарей [1; 2; 4; 8; 9].

Вербальная форма заговора представляет собой проговаривание имени помощника, комментирующее действие. Следовательно, в его структуре основным элементом является наименование духа. В словаре Русских народных говоров находим следующие наименования: *Баканушка* (добрый дух, живущий в доме), *Овинушко* (обитает в овине), *Одежник* и *Соблюдитель* (духи домашнего очага), *Белоланко* (морской дух) [8].¹ Перечисленные духи подразделяются Э. В. Померанцевой на «домашних» и «природных», как правило, они амбивалентны [7]. Отношения потусторонних сил с людьми основываются на мотивах поведения, связанных, по мнению древних славян, с основной функцией духа.

Баканушка (это прозвище зафиксировано в северно-русских говорах) принадлежит пространству дома. К нему обращается солдат, отправляющийся на службу: *суседушка-баканушка, пойдём со мной*. Корень *бакан-* близок диалектному *баган* «какой-то добрый и злой дух, покровитель скота» [4]. Наши предки считали, что *Багана* и *клопы* боятся. У белорусов *буган*, по старинному верованию, был духом-покровителем домашнего скота, охраняющим скот от болезней и в особенности помогающий при скотских родах [4, 216]. Словари относят имя *Бакан* (*Баган*) к производному с суффиксом *-ань* от праславянского корня **bag-* со значением «хотеть, желать» [1, 49]. При этом имя *Баканушка* образовано с помощью уменьшительно-ласкательного деривационного форманта *-ушк-*, что позволяет выделить и другие коннотации. Возможно, это указывает на особое почитание, уважение духа со стороны обитателей дома. Можно предположить, что *Баканушка* был желанным в доме, являлся его хранителем.

Овинушко, *Овинный дух*, *Овинник* является частым актором новгородских и олонечких заговоров: *Хозяинушко, батюшко, подсоби помолотить!; Царь овинный, подсоби сушить овины и обмолотиться!; Овинный батюшко, побереги, постереги от всякого супостата!* Кроме того, Овинник упоминается в святочных гаданиях: *Овинные, речные, водяные, банные! Скажите, не утаите – выдадут ли замуж?* Мы зафиксировали это имя и в поговорках: *Овинушко*

¹ Здесь и далее используются имена из Словаря русских народных говоров

под покров день отдыхает: огня не раскладывай. Е. В. Померанцева указывает на природу духа: он носит по ночам хозяину зерно, борется с мертвецом, банником, защищая хозяина, наказывает за работу по праздникам и неугодное ему действие [7]. Словообразовательная модель «корень+ушк» повторяется. Подобное обращение продуктивно, потому что является формой задабривания духа. Отметим, что в анализируемых текстах оно имеет рифмованную пару: *суседушка-баканушка, хозяйнушко, батюшко*. В «Толковом словаре великорусского языка В. И. Даля» находим: *овин*, а встарь *евин* и *евья* производным от литовского *евой* – «строенье, для сушки хлеба в снопах топкою» [4]. Так тип номинации данного антропоморфного существа мог быть мотивирован в данном случае его бытованием в определенном пространстве, его защитой. В ценностной картине мира крестьян овин как место хранения съестных запасов обладал особым значением и должен был тщательно охраняться.

Интересны и названия других духов-покровителей домашнего очага, встречающиеся в северных говорах: Одежник: *В доме том три ангела: первый Исаак, второй – Ияков, третий ангел шестикрылый, денный помощник, теплый одежник, превеликий сохранитель*; Модель использует высокопродуктивный суффикс со значением лица, оживляя и очеловечивая желаемую доминантную черту защитника. Существительное *Одежник* находим в словаре В. И. Даля со значением «гардероб, шкаф или целая комната для одежды» с ядерной семьей большого размера, символизирующего достаток [4]. Именно поэтому, возможно, в наименование заложена семантика сохранения благополучия в доме.

Кроме «домашних» добрых духов в славянской демонологии представлены «природные». Например, зафиксированное в говорах Беломорья, *Белоланко: Беля, Беля, Беля, белоланко!* В данном наименовании семантика и мотивация не так очевидны. Предположительно, заговор относится к промысловым и направлен на помощь в морской торговле или долгом плаваньи. Буквально *Белоланко* – это существо с белыми лапами. При обращении к этимологическим словарям находим следующее: корень *бел-* восходит к общеиндоевропейскому *«bhe»* – «сиять, блеск» [2; 9]. Символика белого цвета у славян имела лишь положительные коннотации. Они отразились в наименовании *Белбога* с тем же корнем. Согласно поверьям поморов, при произнесении заговора в штиль поднимется ветер, на море появятся волны с белыми гребешками. Название духа мотивировано внешним обликом его самого, места, в котором он становится помощником.

Мы рассмотрели только часть антропонимов, отраженных в заговорах. В то время как образы духов закономерно часто используются и в текстах пословиц, поговорок, сказок, плачей

и других фольклорных жанрах. Наделяя их антропоморфными чертами, наивное сознание создаёт адресата и верит в его помощь.

В качестве перспектив исследования мы рассматриваем расширение круга жанров, включающих анализируемые лексемы, а также диалектной базы антропонимов с дальнейшим регионоведческим обзором особенностей различия языкового материала, отраженных в говорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь / А. А. Аникин. – Вып. 2 (б – бдынь). – М. : Языки славянских культур, 2008. – 336 с.
2. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – Вып. 3 (бе – болдыхать). – М. : Языки славянских культур, 2008. – 339 с.
3. Березович, Е. Л., Сурикова О. Д. Названия болезней в русских проклятиях / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 378 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982. – Т. I–IV. – (Репринт с изд.: М., 1880–1882). – С. 154.
5. Ковшова, М. Л. Три источника и три составных части интегративного подхода в исследовании паремий и фразеологизмов // Научная конференция «Векторы и перспективы описания культурной семантики»: [официальный сайт]. – URL: <https://kostomarovforum.ru/programma/25-maya/nauchnaya-konferentsiya-vektory-i-perspektivy-opisaniya-kulturnoy-semantiki/> (дата обращения: 21.11.2023).
6. Кузенная, Т. Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности / Т. Ф. Кузенная // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 124–132.
7. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М. : Наука, 1975. – 194 с.
8. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. – вып. 1–51. М.–Л. – СПб : Наука.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель: АСТ, 2007.

SUMMARY

Victoria Marchenko. Specifics of the nomination of anthropic and anthropomorphic images in Slavic spells

Nowadays, onomastics is a relevant source of studying and understanding a person's picture of the world of a certain time frame. Analysis of the principles of nomination of creatures Slavic's lower demonology in folklore genres helps to identify the motivation of names and highlight the dominants of the value space of the era.

Keywords: cultural semantics, sociolinguistics, etymological reconstruction, lexicology, onomastics, mythological characters.

Медведева Марина

к. филол.н.,

доц. кафедры иностранных языков

ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОГО И ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматривается вопрос о культуре научного и делового текста. Автор подчеркивает, что для того, чтобы создать качественный и понятный текст, необходимо учитывать особенности аудитории, использовать понятный и точный язык, избегать ненужной информации и повторов. Также важно следить за структурой текста, правильным употреблением терминов и соблюдением грамматических правил. Культура научного и делового текста является ключевым фактором успешной коммуникации и взаимопонимания между автором и читателем.

Ключевые слова: научный и деловой текст, терминология, культура речи, структура текста, коммуникация.

Культура научного и делового текста является важным аспектом эффективной коммуникации в современном мире. Научный и деловой текст должен быть написан четко, безошибочно и логично, чтобы донести информацию до читателя без искажений и недопонимания. Кроме того, такой текст должен соответствовать определенным стандартам и требованиям, которые установлены в научном и деловом сообществе. Знание культуры научного и делового текста является необходимым навыком для ученых, предпринимателей, менеджеров и всех, кто работает с информацией и общается с другими людьми в профессиональной сфере.

Научный текст – это особый вид письменного сообщения, который используется для описания результатов исследований, анализа данных и представления научных выводов. Он должен быть точным, ясным и логичным, что позволяет читателю понять суть проблемы и получить необходимую информацию.

Одной из особенностей научного текста является использование специальной терминологии, которая может быть непонятна широкой аудитории. Поэтому автору следует использовать термины, которые будут понятны читателю, но не изменят значения выражения.

Еще одной важной особенностью научного текста является его структура. Текст должен быть организован логически и последовательно, что позволяет читателю легко ориентироваться в информации. Кроме того, научный текст должен содержать введение, основную часть и заключение, которые помогут читателю понять основные идеи и выводы.

Научный текст должен иметь четкую структуру, которая обычно включает в себя следующие элементы:

1. Введение: Здесь вы должны описать тему и цели вашего исследования. Познакомьте читателя с контекстом предмета исследования и объясните, почему эта тема важна.

2. Обзор литературы: Здесь вы должны представить существующую литературу по вашей теме. Это поможет читателю понять, что уже известно в той области, на которой вы фокусируетесь.

3. Методология: Здесь необходимо описать, как вы проводили свое исследование. Это должно быть понятно и ограничено, чтобы другие могли воспроизвести ваши результаты.

4. Результаты: результаты исследования должны быть презентабельными и четко оформленными. Они должны быть отправлены в удобоваримом формате, который отображает полученные данные и выражает выводы.

5. Обсуждение: Здесь необходимо интерпретировать результаты исследования, объясняя здесь практические, теоретические и методологические вопросы, связанные с ними, а также устанавливая связь с достоверностью полученных данных.

6. Выводы: Заключение должно подводить итог всему исследованию и включать варианты динамики, последующие рассуждения, обсуждения и продолжение.

7. Список литературы: Используйте этот список, чтобы указать все источники, на которые вы ссылаетесь в своем тексте. Вы должны указать все публикации и источники, которые были использованы в вашей работе [4, 58].

Конкретное содержание каждого из этих элементов может варьироваться в зависимости от конкретной области науки и типа исследования, проводимого авторами. Культура делового текста

также имеет свои особенности. Он используется для создания текстов, связанных с деловой деятельностью, таких как письма, отчеты, презентации и т.д. Деловой текст должен быть четким, лаконичным и информативным, что поможет читателю быстро понять суть сообщения.

Одной из особенностей делового текста является его ориентация на конкретного читателя или аудиторию. Автор должен учитывать интересы и потребности читателя, чтобы создать текст, который будет ему понятен и полезен.

Кроме того, деловой текст должен быть структурирован и иметь четкую логическую последовательность. Он должно содержать введение, основную часть и заключение, которые позволят читателю быстро понять суть сообщения и принять необходимые меры.

Деловой текст обычно состоит из следующих элементов: заголовок – краткое, но информативное название текста; введение – краткое описание темы, цели и задач текста; основная часть – это основная часть текста, содержащая аргументы, факты, данные и другую информацию, подтверждающую тезисы автора; заключение – краткое изложение результатов и выводов по теме текста; список использованных источников – список литературы и других источников, на которые ссылается автор в своем тексте [3, 111].

Кроме того, деловой текст может содержать дополнительные элементы, такие как аннотация, резюме, приложения и т.д., в зависимости от его назначения и формата.

Ошибки при написании научного текста: *неуместное-использование- сложных- терминов- без- их- определения- или- объяснения*. Например: «Квантовый эффект лежит в основе работы этого устройства». В этом случае, если читатель не знаком с понятием «квантовый эффект», он не сможет понять суть сообщения; *необходимость- использования- ясной- и- точной- лексики*. Например: «Экспериментальные данные были собраны в условиях, которые могли исказить результаты». В этом случае слово «искажать» можно заменить более точным «искажать»; необходимость правильного использования временных форм. Например: «Результаты исследования показывают, что эта гипотеза была неверной». В данном случае правильнее было бы использовать прошедшее время: «Результаты исследования показали, что эта гипотеза была неверной» [5, 64].

Ошибки при написании делового текста: *использование- сложных- и- малопонятных- фраз*. Например: «Мы просим вас рассмотреть возможность реализации этого проекта в ближайшем будущем». В этом случае фразу можно упростить до «Мы предлагаем реализовать проект в ближайшем будущем»; *необходимость- правильного- использования- знаков- препинания*.

Например: «Уважаемый партнер, мы рады сообщить вам о нашем новом продукте». В этом случае запятая после обращения «уважаемый партнер» необязательна; необходимость использования активного залогового обеспечения. Например: «Было принято решение сократить количество сотрудников». В этом случае лучше использовать активное обещание: «Мы решили сократить количество сотрудников».

Написание научного и делового текста – сложный и ответственный процесс, требующий определенных знаний и навыков. Вот некоторые из наиболее распространенных ошибок, которые допускают авторы при написании научных и деловых текстов, а также примеры этих ошибок:

1. Использование сложных и длинных предложений: это очень распространенная ошибка в научных и деловых текстах. Очень длинные и запутанные предложения могут затруднить чтение текста.

Пример: «Основываясь на проведенном исследовании, в соответствии с нашей методологией, можно с уверенностью сказать, что эта идея может претендовать на реализацию не только в текущей практике, но и в ближайшем будущем». Поправка: «Мы убедились, что наша идея может быть реализована».

2. Использование технических и специфических терминов: Некоторые авторы слишком часто используют терминологию, которую может не знать каждый читатель, или, по крайней мере, игнорируется ее интерпретация [2, 53].

Пример: «Чтобы определить уровень корреляции между переменными, мы использовали коэффициент Пирсона». Поправка: «Мы проанализировали взаимосвязь между переменными, используя коэффициент корреляции».

3. Неправильный выбор стиля и авторы деловых и научных текстов часто используют слишком формальный и нейтральный тон, что может сделать текст скучным и неинтересным.

Пример: «Есть некоторые замечания по качеству работы, которые представляют интерес для дальнейшего обсуждения».

Исправление: «У нас есть несколько предложений по улучшению качества работы, которые мы хотели бы обсудить с вами».

4. Игнорирование потенциальных вопросов и возражений: В текстах научных статей и деловых документов часто возникают возражения и вопросы, которые необходимо рассмотреть и объяснить.

Пример: «Наш продукт – лучший на рынке, и нет других продуктов, которые могли бы с ним конкурировать».

Поправка: «Хотя наш продукт предоставляет уникальные возможности, мы понимаем, что на рынке есть и другие продукты, с которыми необходимо конкурировать».

5. Отсутствие четких выводов: Важно дать четкий ответ на вопрос в начале текста, показав последствия и области применения нашей работы [1, 34].

Пример: «В ходе этого исследования были проанализированы данные, относящиеся к рынку. В целом, результаты были положительными».

Поправка: «Наше исследование показало, что наша компания может расширить свой рынок на 30% благодаря внедрению новой маркетинговой стратегии».

Кроме того, существует ряд других ошибок, которые могут возникнуть при написании научных и деловых текстов, поэтому важно тщательно проверить свою работу перед публикацией.

Таким образом, культура научного и делового текста является важным фактором успешного общения и взаимопонимания между автором и читателем. Это помогает создавать тексты, которые будут понятны и полезны широкой аудитории, что является ключевым условием успешного общения в научной и деловой сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушин Б. А., Капшук И. М. Культура научного общения: учебное пособие. – М. : Юрайт, 2016. – 200 с.
2. Краснова Е. С. Культура научного текста: учебное пособие. – СПб. : Лань, 2014. – 208 с.
3. Куликова О. В. Культура дипломатического письма: учебно-методическое пособие. – М. : Флинта, 2012. – 128 с.
4. Фролова Н. В. Культура делового письма: лексико-грамматические нормы русского языка: учебное пособие. – М. : Юрайт, 2015. – 172 с.
5. Шипилова Н. А. Культура делового общения: учебное пособие. – М. : Юрайт, 2017. – 208 с.

SUMMARY

M.S. Medvedeva. Features of the culture of scientific and business text

This article discusses the issue of the culture of scientific and business text. The author emphasizes that in order to create a high-quality and understandable text, it is necessary to take into account the characteristics of the audience, use a clear and accurate language, avoid unnecessary information and repetitions. It is also important to monitor the structure of the text, the correct use of terms and compliance with grammatical rules. The author emphasizes that the culture of scientific and business text is a key factor in successful communication and mutual understanding between the author and the reader.

Keywords: scientific and business text, terminology, speech culture, text structure, communication.

Меживая Виолетта
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Соснина Л.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются проблемы употребления сложных слов русского происхождения, а также заимствованных из иностранных языков.

Ключевые слова: *композит, сложное слово, заимствование, лексические единицы, словообразование.*

Цель исследования заключается в классификации сложных слов, которые имеют в своем составе компоненты русского, английского, немецкого и французского происхождения.

Н.В. Габдреева утверждает, что «современный этап развития языка характеризуется многоконтактностью, в отличие от предшествующих периодов» [1, с. 3]. По мнению автора, «русский язык испытывает влияние иностранных языков, что приводит к появлению новых сложных слов» [1, там же].

На наш взгляд, одним из способов пополнения современного русского языка неологизмами является словосложение. Это обусловлено необходимостью давать названия и определения новым предметам и явлениям. По мнению М.Т. Гурчиани, «при сложениях соединяются в одной лексеме некорневая морфема с аффиксами, а корневая морфема с корневой же, в результате чего возникает единое новое слово» [2, 69-70].

Методом сплошной выборки нами были отобраны композиты, заимствованные из иностранных языков. М.Т. Гурчиани считает, что «в современном русском языке, который испытывал сильное влияние французской лексической системы с XVIII века, сегодня выделяются не только лексические однослова, но и композиты французского происхождения, полностью являющиеся заимствованными» [2, 61]. Например, **авансцена, премьер-министр, пресс-атташе, гала-концерт**: *Завтра вечером в клубе скотоводов состоится гала-концерт в поддержку ликвидации последствий наводнения.* (Джоанна Рок, Лучший способ влюбиться, 2019). *Моя задача упрощалась тем, что, будучи пресс-атташе советского посольства, я имел уже билет в кармане.* (Е. П. Рымко, М.А. Шолохов на родине Альфреда Нобеля, 2007).

В современном русском языке наблюдается употребление композитов, в составе которых содержится компонент немецкого происхождения.

Так, например, слово **блиц** (молниеносный) идентифицируется в 14 словах: **блицкриг, блицтурнир, блиц-интервью, блиц-опрос, блиц-перевод, блиц-персона, блиц-покупки, блиц-рецепт, блиц-тест, блиц-вояж, блиц-анкета, блиц-вопрос, блиц-конкурс, блиц-решение**, например, *Впрочем, он успел дать блиц-интервью, не преминув отметить свои заслуги в этом деле, и надеялся, что по радио прозвучала уже в дневных дежурных новостях его динамичная фамилия.* (Олег Горайнов, Джентльмены чужих писем не читают).

Слово **генерал** – в 20 словах, таких как, **генералитет, генерал-адмирал, генерал-адъютант, генерал-анишеф, генерал-фельдмаршал** и т.д.; Например: *Таким образом, данная модель корабля служила учебным пособием для юного генерал-адмирала.* (Е. И. Юркевич, Военный Петербург эпохи Павла I, 2007).

Слово **ланд** (земля): **ландминен, ландшафт, ландшаг, ландвер, ландграф, ландскнехт, ландшартм, Дойчланд.** *Но с ещё большей скоростью природные ландшафты меняли живые существа, обладающие разумом.* (Александр Никонов, Экономика на пальцах: научно и увлекательно, 2019).

Как отмечает Т.К. Иванова, «для немецкого языка вопрос статуса композита вполне определен, однако подходы к анализу семантики и структуры его спорны и неоднозначны, а для русского языка статус сложного слова, его виды сами по себе полемичны» [3, 96].

По мнению Р.Р. Шайхутдиновой, «к иноязычным английским новообразованиям относятся лексемы, которые обладают явно выраженным этнокультурным компонентом и семантические заимствования, которые в русском языке стали обозначать уже не только английские понятия, но и реалии русской действительности» [4, 1].

Существует ряд моделей, по которым образуются сложные слова с английским компонентом. Приведем эти способы и обозначим каждый из них примерами:

1. Номинатив + вербум (N+V): *фейс-контроль, кофе-брейк.*

2. Адъектив + номинатив (Ad+N): *блэк бокс, блэк-джек, бэк-вокал, бэкграунд, бестселлер, мегасэйл, компакт-диск, хайлайтер, мегахит.*

3. Номинатив + номинатив (N+N): *джаз-рок; интернет-кафе, интернет-офис; шоу-бизнес, шоумен; чизбургер, гамбургер, фишбургер; бизнесвумен, бизнесмен, спортсмен, шоумен; фейс-контроль; сити-центр; футбол, волейбол, баскетбол; бодибилдинг; имиджмейкер; видеоплеер, видеомагнитофон; рок-н-рок-тусовка, рок-музыка.*

4. Вербум + вербум (V+V): *стриптиз, ленд-лиз, краш-контроль.*

5. Вербум + предлог + вербум (У+предлог+V): *кэш-энд-кэри.*

Проанализировав композиты английского происхождения, мы пришли к выводу, что новообразования по модели *существительное + существительное* доминируют. Рассмотренная нами тенденция связана с необходимостью номинации новых явлений, терминов и понятий в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдреева Н. В. Особенности процесса языкового заимствования на современном этапе / Н. В. Габдреева // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. – Т. 2. – Казань : КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 3–5.
2. Гурчиани М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Т. Гурчиани. – Казань, 2009. – 215 с.
3. Иванова Т. К. Современные тенденции развития словосложения в русском и немецком языках / Т. К. Иванова // Языковая семантика и образ мира. Материалы Международной научной конференции (г. Казань, 20-22 мая 2008 г.) / Казан. гос. ун-т. Филол. фак. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 96–98.
4. Шайхутдинова, Р. Р., Габдреева, Н. В. Семантическое освоение новых иностранных слов (на материале англоязычной лексики) / Р.Р. Шайхутдинова, Н.В. Габдреева // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2007. – № 4. – С. 232–235.

SUMMARY

Mezhivaya Violetta Sergeevna. Classification and use of attributive composites in texts of different styles

The article deals with the problems of using composites of Russian origin, as well as those borrowed from foreign languages.

Keywords: composites, compound word, phrase, lexical units, word formation.

Миленина Екатерина
Научный руководитель –
старший преподаватель кафедры
СФФПЛ Могила Н.Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»,
г. Донецк, ДНР, РФ

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ономастика – это одна из самых интересных и богатых сфер изучения в плане культуроведческого потенциала. Здесь сочетаются аспекты языка, культуры и общества, предоставляется возможность более глубокого понимания и анализа мира названий, их значения и функциональности. В работе раскрываются ее потенциальные возможности и применения; особенности ознакомления студентов с ее значимостью и значением при изучении лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: ономастика, онимы, лингвокультурология, прагматика, лексикология, лингвистика.

Ономастика – это широкое понятие, которое имеет два значения. Во-первых, ономастика – это комплексная наука об именах собственных. В рамках этой науки исследуются различные аспекты имен, их происхождение, использование и значение. Ономастика рассматривает имена собственные из разных культур и языков, анализирует их структуру и специфику. С помощью этой науки мы можем получить глубокое понимание о том, как имена собственные отражают культурные особенности и исторический контекст. Во-вторых, ономастика – это сами имена собственные. В этом контексте используется также термин «онимия». Имена собственные являются частью языка и приносят с собой некоторые парадоксальные ситуации, которые требуют внимательного анализа и понимания.

Цель исследования – рассмотреть основные культурологические и прагматические аспекты ономастики.

Выделение специальных ономастических вопросов из общего круга лингвистических проблем обусловлено особым положением имен собственных в языке. Имена собственные представляют собой особый вид языковых единиц, которые могут отличаться от общих лингвистических правил и норм. Именно поэтому ономастика так важна – она позволяет нам разобраться в этих особенностях и обогатить наши знания в области языка и культуры.

Проблеме посвятили свои исследования О. В. Тугузбаева, Г. Ю. Сызранова, О. А. Васильева, П. А. Флоренский, Ю. С. Степанова, И.А. Мельчук, Д. И. Руденко, А. Ф. Лосев, А. Д. Шмелева, Т. В. Хвесько, В.Д. Бондалетов, Н. Ф. Алефиренко, Д. С. Горбаневский и мн. др.

Как утверждает Г. Ю. Сызранова, анализ и исследование имен собственных помогают возникновению новых, более глубоких концепций в лингвистике, способствуют лучше понять многообразие языков и культур мира, а также пролить свет на историю и социальный контекст, в котором эти имена существуют. Без сомнения, ономастика открывает перед нами увлекательный мир имен и языковых особенностей, поэтому исследования в этой области никогда не прекратятся. В этом и видим её актуальность.

Структура собственных имён имеет свою особенность, которая включает базовые и вспомогательные смысловые зоны. Если рассматривать топонимы, то базовый смысл связан с представлением об окружающем ландшафте. Например, имя «Александр» ассоциируется с мужественностью и величием, благодаря историческим личностям, таким как Александр Македонский или Александр Невский. Однако, помимо базового смысла, собственные имена также содержат в себе вторичную информацию, которая является значимой и связана с социальной структурой общества, культурными и идеологическими процессами. Например, имя «Мария» может ассоциироваться с религиозными ценностями, так как это одно из наиболее распространенных имен среди православных христиан.

Следует отметить, что собственное имя в лингвокультурной сфере воспринимается через определенные ассоциации, которые основаны на характеристиках обозначаемого объекта. Эти ассоциации могут быть различными по объему и содержанию, аналогично прагматике топонимов. Например, в арабской культуре собственные имена могут содержать информацию о родословной и принадлежности к определенному клану.

Таким образом, собственные имена несут в себе не только информацию о конкретном объекте, но и отражают социальные, культурные и исторические аспекты общества. Они имеют большую значимость и помогают нам лучше понять и интерпретировать мир вокруг нас.

Ономастические реалии являются особой знаковой подсистемой, которая динамично проявляется в различных лингвоэстетических и лингвостилистических подсистемах. Основным параметром данной подсистемы заключается в ее сильной зависимости от социокультурных обстоятельств, превышающей зависимость от нарицательной лексики. Ономастика, в свою очередь, соотносится

с системой культурно маркированных ценностей и представлений, которые усваиваются в процессе приобщения к соответствующей лингвокультуре.

В аспектах лингвокультурологической и прагматической информации, ономастика изучена совершенно недостаточно. По нашему мнению, не достаточно просто утверждать факт культурно-исторической ценности имени собственного, но необходимо разработать методологию извлечения культурно-исторической информации из ономастического, а также методологию описания и толкования этой информации.

Лингвокультурология изучает взаимодействие онимов (имен) с культурной семантикой и культурным кодом. Она исследует механизмы, посредством которых эти имена функционируют как знаки культуры, представляя культурную семантику. Люди, говорящие на определенном языке, способны отразить культурные концепции и ассоциации в языковых единицах, распознавать культурно значимые и национально специфические аспекты в именах.

Наряду со способностью передавать значимую информацию для получателя, онимы также имеют способность делать эту информацию закрытой для «непосвященных» или представителей других культур, так как имена собственные всегда относятся к фоновой лексике. Поэтому актуальность данной темы определяется постоянным интересом к феномену собственного имени, а также тем, что ономастические реалии являются важным языковым источником информации о духовной культуре.

Использование дидактического материала на ономастической основе при изучении студентами лексикологии позволяет работать с лингвокультурологической и прагматической информацией, которая до сих пор мало освещена в научном обращении, что во многом связано с представлениями об ономастической единице как этикетке – знаке, передающем только энциклопедическое значение.

Основная цель словесных знаков заключается в том, чтобы отображать окружающий мир и иметь первостепенное значение в понимании и описании прагматики слова. В современной лингвопрагматике укрепилось мнение ученых о том, что прагматическое значение присуще не только текстовым единицам. Прагматика слова представляет собой реальность, которая не противоречит идее о коммуникативных параметрах, определяющих семантическое содержание слова. Известны лексические группы, которые по своей природе являются яркими прагмемами. С одной стороны, это «ключевые слова эпохи», а с другой – неологизмы, окказионализмы, сознательные девиации и другие. Ономастические единицы также обладают яркой прагматикой, способной передавать

эмоциональные (от отрицательных до положительных) и интеллектуальные оценки, наряду социокультурной информацией.

В целом, контуры культурологического и прагматического изучения ономастического не могут быть считаны полностью разработанными с теоретической и методологической точек зрения, хотя продуктивность такого анализа несомненна. Результатом усилий исследователей ономастической лексики является серия лингвокультурологических (прагматилингвистических) словарных описаний, содержащих оном в его прямом значении, культурологические и прагматические дополнения, коннотации, ассоциативные реакции на название и, возможно, полный лексикографический портрет. Помимо этого, важно отметить, что прагматическое значение слова может изменяться в зависимости от контекста и ситуации общения. В частности, одно и то же слово может иметь различные оттенки значения в разных социокультурных группах или в разных временных периодах:

Например, социокультурная группа: дворяне – Баннер (от кельт. band – знамя) знамя феодалов, около которого должны были собираться их вассалы (середина XIX). Социокультурная группа: профессиональная – Баннер – часть Web-страницы, содержащая рекламу (XXI век).

Это связано с тем, что язык является живым и динамичным явлением, отражающим изменения в обществе и культуре. Поэтому важно при изучении студентами раздела «Лексикология», учитывать контекстуальные факторы при анализе прагматического значения слова. Более того, в современной эпохе информационных технологий и интернета прагматическое значение слова может быть изменено с помощью массовых коммуникационных средств. Социальные сети, блоги, форумы и другие онлайн-платформы играют важную роль в формировании и изменении прагматического значения слова. Например, определенное слово или фраза может стать „мемом“ приобретая новые значения и ассоциации в онлайн-сообществах. Это свидетельствует о том, что прагматика слова не ограничивается только лингвистическими параметрами, но также зависит от социокультурного контекста и взаимодействия в сети.

Таким образом, прагматическое значение слова является сложным и многогранным понятием, которое требует учета различных факторов, таких как контекст, ситуация общения, социокультурный контекст и влияние средств массовой коммуникации.

Использование различных ономастических и этимологических словарей, дидактического материала на ономастической основе для формирования у студентов лингвокультуроведческой компетенции при изучении лингвистических и прикладных дисциплин мы рассмотрим в следующей публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. О природе ономастической семантики / Н. Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья: тезисы докладов VIII Междунар. конф. 8–11 сент. 1998 г. / отв. ред. В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 165–168.
2. Ражина В. А. Ономастические реалии в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах // Язык в контексте социально-правовых отношений современной России/ Ростов-на-Дону, РГЭУ «РИНХ» 2006 г. – С. 317– 320.
3. Сызранова Г. Ю. Ономастика: учеб. пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.
4. Гумбольдт В. Ф. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В.Ф //Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 124 –129.
5. Карасик В. И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт // Концептуальное пространство языка: сб. научных трудов / Под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов, 2005. – С. 184–203.
6. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А. Н., 1910.

SUMMARY

Milenina Ekaterina. Onomastic reality: basic linguocultural and pragmatic aspects

Onomastics is one of the most interesting and rich fields of study in terms of cultural potential. It combines aspects of language, culture and society, provides an opportunity for a deeper understanding and analysis of the world of names, their meaning and functionality. The paper reveals its potential possibilities and applications; the peculiarities of familiarizing students with its significance and significance in the study of linguistic disciplines.

Keywords: onomastics, onyms, linguoculturology, pragmatics.

Мокренцова Аделина

Научный руководитель –

д. филол. н., проф. Герасименко И. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ЭРГОУРБОНИМОВ Г. ЯЛТЫ

Статья посвящена изучению лингвокультурологических особенностей семантики эргоурбонимов г. Ялты. Обращается

внимание на то, что система языковых кодов эргоурбонимов имеет многоступенчатую структуру и включает в свой состав графические, культурологические, стилистические и грамматические компоненты. Задача лингвокультурологического анализа эргоурбонимов – вычленив и интерпретировать культурный компонент из общей семантики анализируемых языковых знаков.

Ключевые слова: эргоурбания, эргоурбоним, лингвокультурология, культурная семантика.

Структурализм в традиционном языкознании сосредоточил фокус внимания на изучении и описании системно-структурных связей языка. Данной парадигме противопоставлено изучение языка как социального и культурного феномена, поскольку в центре научного знания находится человек.

Антропоцентрический подход в лингвистике исследует фундаментальные вопросы взаимодействия языка и культуры, языка и человека. Н. Д. Арутюнова утверждает, что «присутствие человека даёт о себе знать на всём пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе» [1, 3].

Лексический ярус системы русского языка включает в себя ряд составляющих, в число которых входит ономастика как наука, занимающаяся проблемами номинации имён собственных. Ю. В. Казарин определяет номинацию как «процесс кодификации информации, семантики, смысла, знания» [4, 82].

В настоящее время существует необходимость в комплексном изучении ономастикона, в частности эргоурбонимов, поскольку их исследование помогает раскрыть и интерпретировать культурную информацию, заложенную в данном пласте лексики, изучить языковую картину мира конкретного региона.

Цель работы – рассмотреть лингвокультурную составляющую семантики эргоурбонимов г. Ялты.

Цель исследования обуславливает выполнение следующих **задач**:

1. Уточнить лингвистический статус эргоурбонимов.
2. Описать культурную семантику ряда эргоурбонимов г. Ялты.

Вслед за Р. И. Козловым под эргоурбонимом мы понимаем «объект номинации, который представляет, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется эргоним), а с другой – объект городского пространства (именуемый урбонимом / урбанонимом)» [5, 26]. Другими словами, эргоурбоним – это объект внутригородской номинации, которым может быть любое коммерческое и муниципальное учреждение. Как утверждает И. А. Герасименко, «принципы номинации обусловлены неязыковыми факторами» [3, 151], к числу которых принято

относить сущностные характеристики коммерческого объекта, географическое расположение, социально-экономические условия развития, идеологическую среду местности или государства.

К неязыковым факторам, оказавшим влияние на внутригородскую номинацию г. Ялты, относятся курортный тип города, культурное и историческое прошлое крымского полуострова, экономически-выгодные условия ведения «сезонного» бизнеса, смена государственности и рост народного самосознания.

Так, можно выделить две основные функции, которые реализуют эргоурбонимы г. Ялты, – это перлокутивная и культурная. Перлокутивную функцию прежде всего реализуют наименования коммерческих предприятий, что обусловлено их прагматическими установками, в то же время культурная функция присуща наименованиям учреждений муниципального типа. Несмотря на то, что номинативные единицы призваны выполнять различные функции, в них принято различать семантику и культурную семантику. По мнению В. А. Масловой «культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер» [6, 24]. То есть, если значение слова находится на поверхности языкового знака, то культурная семантика находится в глубинах его содержания, поэтому обнаружить её становится возможным только при осуществлении лингвокультурологического анализа.

Рассмотрим следующие эргоурбонимы: *Мир, дружба котлета* (название кафе) и *Ялтинский театр им. А. П. Чехова*. В первом случае мы имеем дело с эргоурбонимом коммерческого типа, т. е., с наименованием предприятия, предоставляющего коммерческие услуги. В основе данного наименования лежит фразеологическая единица, претерпевшая структурную трансформацию. К числу приёмов структурной трансформации принято относить замену одного лексического компонента другим, в результате чего, по мнению И. Ф. Гайнановой, «появляется единица с новым семантическим ядром...» [2, 160].

Трансформированная фразеологизм *Мир, дружба, котлета* является производной единицей от выражения *Мир, дружба, жвачка*, которое закрепилось в разговорной речи после Фестиваля дружбы 1957 года и имеет следующее лексическое значение: «иронично-шутливая фраза о предложении мира» [8]. Семантика рассмотренного эргоурбонима содержит лингвокультурный компонент, так как, по мнению В. А. Масловой, «отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах...» [6, 11].

Трансформация фразеологизма, входящего в основу эргоурбонима *Мир, дружба, котлета*, может быть мотивирована следующими факторами: указанием на род деятельности

называемого объекта (кафе), актуализацией лингвокультурного компонента отечественного гастрономического имени и, как следствие, заменой американской лингвокультурной единицы на единицу отечественного гастрономического дискурса.

В результате было образовано новое семантическое ядро посредством изменения структуры фразеологизма: использованное слова *котлета*, согласно толковому словарю С. А. Кузнецова, имеет следующее значение: «кушанье из рубленного или молотого мяса или рыбы в виде лепешки круглой или продолговатой формы» [7]. В данном случае имеет место корреляция между именем объекта и его деятельностной направленностью, поскольку семантическая мотивированность эргоурбонима прогнозирует назначение коммерческого предприятия (в нашем случае – кафе).

В свою очередь, эргоурбоним *Ялтинский театр им. А. П. Чехова* реализует культурную функцию, создает аллюзию на культурное прошлое города. Известно, что А. П. Чехов переехал в Ялту в 1899 году ввиду критического состояния здоровья. Переезд Чехова ознаменовал начало плодотворной работы над рядом произведений. Известно также, что Антон Павлович любил Ялту, восхищался местными пейзажами и занимался садоводством. На сцене ялтинского театра за последние десятилетия неоднократно ставились пьесы А. Чехова, а на набережной увековечены в виде памятника чеховская дама с собачкой и сам писатель.

Исторические контекст определил имя театра в Ялте, и в 1944 году он получил своё официальное название, актуальное и на сегодняшний день.

Эргоурбоним – это наименование объекта внутригородской среды. В состав эргоурбанимии города входят и номинации деловых объединений людей, и объектов муниципального (некоммерческого) типа. Часто в структуре внутригородских наименований заложена информация, содержащая культурную семантику.

Лингвокультурный компонент в семантике эргоурбонимов г. Ялты раскрывает особенности языковой картины мира ялтинцев, фиксирует культурные и исторические события жизни города и народа, что является предметом нашего рассмотрения и требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – I–XV. – 896 с.
2. Гайнанова, И. Ф. Трансформация фразеологических единиц в современных газетных текстах / И. Ф. Гайнанова // Вестник ЧГПУ, 2008. – № 10. – С. 154–161.

3. Герасименко, И. А. Микротопонимы города Горловки сквозь призму принципов номинации / И. А. Герасименко, У. Р. Алексеенкова // Донецкие чтения 2022: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета (27-28 октября). – Донецк, 2022. – С. 151–154.
4. Казарин, Ю. В. Лингвистический анализ текста: учебное пособие для вузов / Ю. В. Казарин ; под науч. ред. Л. Г. Бабенко. – 2-е изд. – М. : Изд-во Юрайт, 2022. – 132 с.
5. Козлов, Р. И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе: [На примере г. Екатеринбурга] / Р. И. Козлов // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 25–35.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова ; ответственный редактор У. М. Бахтиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2023. – 208 с.
7. Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 15.11.2023 г.).
8. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-mostitsky-universal-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

SUMMARY

Mokrentsova Adelina. Linguoculturoal component of semantics of ergourbonyms of Yalta

The article is devoted to the study of the peculiarities of linguoculturological meanings of the ergourbonyms of Yalta. It is known that the system of ergourbanonyms language codes has a multi-stage structure and includes graphic, cultural, stylistic and grammatical components. The task of linguocultural analysis of ergourbonyms is to isolate and interpret the cultural component from the general semantics.

Keywords: ergourbonymicon, ergourbonym, linguoculturology, cultural semantics.

Мохнарыло Ксения
Научный руководитель –
д. филол. н., доц. Рабенко Т.Г.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ГРИНА)

В статье описываются национально-культурные характеристики русских устойчивых сравнений в произведениях А.С. Грина. Материалом исследования послужили художественные тексты писателя «Бегущая по волнам» и «Джесси и Моргиана», а также данные словарей сравнений русского языка. Изучение устойчивых сравнений в произведениях А.С. Грина позволило провести лингвокультурологический анализ устойчивых сравнений с эталоном «собака». Кроме того, предпринята попытка описания устойчивых сравнений в произведениях писателя, а также их классификация.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, эталон сравнения, символ, номинация, лексема.

Устойчивые сравнения в русском языке являются одним из самых ярких и выразительных языковых средств, добавляющих красок и оттенков в словарный запас носителя языка. Кроме того, они имеют собственное, присущее только им значение. Специфика устойчивых сравнений (далее – УС) проявляется прежде всего в особенности их языковой структуры, неотъемлемым компонентом которой являются сравнительные союзы *как*, *словно*, *точно* или *будто* (*летит как стрела*, *стоит как столб*), или же выступающая в той же роли падежная форма имени существительного (*летит стрелой*, *согнутая в дугу*, *стоит столбом*). Отметим, что Н.Ф. Алефиренко такие формы считает синонимичными УС с союзом *как*. Наше внимание данная тема привлекала в контексте творчества выдающегося русского писателя А.С. Грина высокой частотностью их использования в речи, литературе и публицистике, а также тем, что вследствие своей национально-культурной обусловленности данные единицы нередко представляют собой определённую сложность при идентификации и трактовании. Так, они могут быть как включены в словарные статьи толковых словарей, так и содержаться в специальных словарях. Кроме того, актуальна проблема различия УС и индивидуально-авторских сравнений.

Материалом для исследования послужили произведения А.С. Грина «Бегущая по волнам» и «Джесси и Моргиана», а также данные словарей сравнений русского языка [3; 4]. В результате сплошной выборки мы выделили в данных романах 38 конструкций с союзом *как* с разными эталонами сравнений, которые разделили на три группы:

а) УС с номинациями явлений природы. Такие УС представляют собой языковые конструкции, в которых номинации природных явлений используются для сравнения с другими объектами или сущностями. Данные сравнения помогают создать более образное и выразительное описание предметов или явлений, а также могут использоваться для передачи эмоциональных состояний или характеристик. В данную группу входят следующие сравнения: *как лед, как луна, как вода, как ветер, как гром* и т.д. Ср. такие УС: *Холодных, как лед рук* – «1. О чём-л. (воде, жидкой пище и т. п.) очень холодном, застывшем, замёрзшем от холода, заледеневшем. 2. О застывших от холода, мороза, стуж и частей тела (чаще конечностях)» [4, 216]; *Потрясти, как гром* – «Об известии, сообщении, событии, неожиданно и глубоко поразившем, ошеломившем кого-л.» [4, 90];

б) УС с названиями элементов окружающей среды. УС данной группы используются в романах А.С. Грина. Автор сравнивает своих героев с элементами окружающей среды, такими, как предметы, цвета, архитектурные сооружения и прочее. Так, в произведениях «Бегущая по волнам» и «Джесси и Моргиана» употребляются УС со следующими компонентами: *волчок, перо, магнит, струна* и др. Например: *Детрей ударил так сильно, что шары, стукнувшись два раза, разошлись, крутятся, как волчки, биток пополз прочь, а семерка, вращаясь по направлению к лузе, остановилась на самом ее краю, и оттого, что шар, хотя слабее, но все еще крутился, он покачнулся и упал в сетку* [2, 263]; *Не знаю, кажется мне это или я где-то слышал действительно, - я вспомнил странные слова: «Он получит пулю в лоб ...» – и мою руку, без прицела, вместе с движением и выстрелом, повело куда надо, как магнитом* [2, 146];

в) УС с номинациями животных. Практически все эти сравнения закреплены в нашем сознании ещё с детства. В произведениях А.С. Грина в данную группу входят УС с такими эталонами сравнения, как *собака, рыба, кошка, змея, заяц, волк*. Например: *Как вяленая рыба* – «О вялом, апатичном человеке (особенно женщине)» [4, 373]; *Он ринулся за мной, как собака* [2, 125].

Наше внимание также привлекли УС с компонентом «*собака*», поэтому обратимся к «Энциклопедии знаков и символов» О.В. Вовка, чтобы выяснить, какое значение имеет данный эталон сравнения в нашей культуре и с чем он ассоциируется. Итак, О.В. Вовк акцентирует внимание на том, что собака с древних времен была

преданным другом человека: она помогала ему охотиться, охраняла скот от хищников и жилище от воров, играла с детьми, а народы Севера с давних времен использовали собак и в качестве ездовых животных. Таким образом, за собакой закрепились позитивная символика преданности и верности. В мифологии собаку часто связывали с богами загробного мира, где она исполняла либо роль проводника душ умерших, либо охраняла ворота ада. Русская православная церковь же воспринимала собаку как существо, полное и полное греха. Слова *пес*, *собака* и словосочетание *сукин сын* употреблялись на Руси в качестве бранных. При известии о внезапной гибели вора, подлеца или негодяя русские обычно приговаривали с холодным презрением: «Собаке собачья смерть!» (подробнее см. [1, 227–231]). Отметим, что УС с похожим значением мы встречаем в романе А.С. Грина «Бегущая по волнам»: *Убью как собаку!* [2, 146]. В современной же языковой картине мира лексема *собака* имеет значение только преданного животного, товарища.

Отметим, что помимо выше приведенной классификации УС в романах А.С. Грина можно также рассмотреть с точки зрения образов и символов, которые использует автор для сравнения. Так, УС из романов «Бегущая по волнам» и «Джесси и Моргиана» согласно «Энциклопедии образов и символов» О.В. Вовка можно разделить на такие три группы, как:

а) оружие. Так, А.С. Грин сравнивает умения, поступки и эмоции своих героев с оружием, тем самым подчеркивая их значимость и заостряя на этом внимание. Например: *Улыбка утоленного зла сощурила глаза Моргианы, как нож, пробивший протянутую шалить детскую руку* [2, 219]; *Мерседес ушла, размахивая веером, как мечом* [2, 248];

б) человек. В произведениях А.С. Грина часто можно встретить сравнения героев с какими-либо явлениями человеческой жизни, понятными каждому читателю, например, *душой, храбростью, глазами* и т.д. Данный прием позволяет автору передавать читателям не только внешние черты персонажей, но и их внутренний мир, эмоции, психологию и отношения, используя метафорические ассоциации. Например: *Лишь странное чувство операции сопровождало движение ее холодных, как лед, рук* [2, 345]; *С содроганием видела она свою руку, согнутую, как клюв, безмолвное мелькание капель, – побледнела и встrepенулась* [2, 246];

в) предметы. Частым явлением в произведениях А.С. Грина являются сравнения героев с предметами быта и окружающей среды. Данный прием помогает писателю создать особый образ реальности в своих произведениях. Такие сравнения могут помочь читателям лучше понять внутренний мир персонажей, их отношения и даже социокультурный контекст произведения. Например: *Это*

его револьвер, – сказал Бутлер. – Он мне знаком, как кофейник – повару [2, 136]; *С одной стороны, они естественно терпимы в силу необходимости: терпимы условно, как ассигнация, за которую следует получить золотом, но с ними нет соглашения, так как мы видим и чувствуем их возможное преобразование* [2, 5].

Таким образом, анализ русских УС, использованных в произведениях А.С. Грина, показал, что спектр использования данных выражений в творчестве автора достаточно многогранен и включает в себя УС с такими компонентами, как *собака, рыба, рука, нож, магнит, душа* и т.д. Подчеркнем, что данные УС также составляют значительное по количеству фразеологическое объединение, входящее в ядерную часть концептосферы русского языка. Таким образом, они не только обогащают литературный текст, но и представляют собой важный элемент языковой картины мира, углубляя смысловое восприятие произведений автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов / О.В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
2. Грин, А. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5 / А.С. Грин; ред. В. Росселье. – М. : Правда, 1980. – 508 с
3. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : краткий тематический словарь / Л.А. Лебедева – 3-е изд., стер. – М. : Флинта, 2017. – 283 с.
4. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб., 2003. – 608 с.

SUMMARY

Ksenia Mokhnarylo. National-cultural characteristics of Russian stable comparisons (based on the works of A.S. Green)

The article is devoted to the description of the national and cultural characteristics of Russian stable comparisons in the works of A.S. Green. The research material was the works of A.S. Green “Running on the Waves” and “Jesse and Morgiana”, as well as data from dictionaries of comparisons of the Russian language. The study of stable comparisons in the works of A.S. Green made it possible to conduct a linguocultural analysis of stable comparisons with the standard “dog”, as well as to conclude about the general composition and classification of stable comparisons in the works of the writer.

Keywords: stable comparison, comparison standard, symbol, nomination, lexeme.

Мырина Анна
Научный руководитель – доц. Мартыанова В.Н.
ФГБОУ ВО ГИПУ «Глазовский государственный
инженерно-педагогический университет
имени В. Г. Короленко»,
г. Глазов, ДНР, РФ

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
В РУССКОМ ГОВОРЕ
Д. КИРШОНКИ БАЛЕЗИНСКОГО РАЙОНА
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье рассматриваются отрицательные конструкции с именительным падежом в роли дополнения, а также конструкции с именительным падежом при инфинитиве. Они записаны в июле 2023 в русском говоре д. Киршонки Удмуртской республики. В статье делается попытка выяснения причин появления подобных конструкций.

Ключевые слова: *винительный падеж, говор, именительный падеж, инфинитив, коми язык, родительный падеж, синтаксическая конструкция, удмуртский язык, финно-угорская языковая группа.*

Актуальность темы объясняется слабой изученностью названных синтаксических конструкций. Источники указывают, что употребление таких конструкций возможно в говорах северного наречия. Причины появления подобных конструкций объясняются по-разному [1;3;5].

Поэтому целью работы является выявление причин существования перечисленных синтаксических конструкций в русском говоре деревни Киршонки Бalezинского района Удмуртской республики.

В задачи работы входят сбор материала, анализ с точки зрения выявления причин употребления таких конструкций, определение частотности их употребления, оформление гипотез, указывающих на причины появления подобных конструкций, и изучение ареала конструкций.

Материалом для исследования послужили записи, выполненные нами в период диалектологической экспедиции, осуществлённой в июле 2023 года. Записывалась речь людей разных возрастных групп и профессий. Всего опрошено 13 информантов. Среди них: люди в возрасте от 50 до 70 лет – 7 человек, от 30 до 50 – 4 человека, кроме того 2 школьника в возрасте от 7 до 9 лет. Описываемые конструкции нами были услышаны, как правило, в речи людей старшей возрастной группы. В речи школьников и жителей средней возрастной группы подобных конструкций нам записать не удалось.

Как известно, отрицательные конструкции с именительным падежом в роли дополнения, а также конструкции с именительным падежом в роли дополнения при инфинитиве употребляются во многих говорах северного наречия. Например, в говорах Ленинградской области, на территории республики Карелия, западной части Архангельской территории, а также в Новгородской области [4]. Употребление таких синтаксических конструкций является нехарактерным для говоров южного наречия. Таким образом, отрицательные конструкции в именительном падеже, а также конструкции с именительным падежом при инфинитиве распространились только на территории северного наречия. Причем, активное использование их в речи характерно для людей старшей возрастной группы.

Уже было сказано, что данные конструкции являются слабоизученными, однако существуют работы, в которых утверждается, что подобные конструкции возможны в говорах северного наречия.

Среди исследователей, изучавших подобные конструкции в середине XX века, следует, в первую очередь, назвать В.Ф. Барашкова [1]. В его научной статье «О русском говоре Северной части Карсвайского района Удмуртской АССР» говорится о том, что такие конструкции получили распространение в говоре деревни Киришки в результате его развития в тесном взаимодействии русского говора с языками угро-финской семьи, в частности, во взаимодействии с коми языком и удмуртским языком.

Однако новых публикаций на эту тему не наблюдается. На наш взгляд наиболее достоверной является гипотеза, утверждающая то, что подобные конструкции стали использоваться в результате образования слова «нет» из «не есть». Есть – ведущее слово, сказуемое. Как известно, подлежащее при сказуемом употребляется в форме именительного падежа. Следовательно, в предложении с отрицанием существительные используются в форме именительного падежа вследствие образования слова «нет» из частицы «не» и сказуемого «есть». Например, в д. Киришки была записана конструкция «нет палка». Если «нет» образовалось из «не есть», то первоначальный вид конструкции «не есть палка», в которой подлежащее при сказуемом употреблено в именительном падеже. Далее словосочетание «не есть» преобразуется в слово «нет», но для подлежащего характерной остается форма именительного падежа. Следовательно, при «не есть» закрепляется форма именительного падежа имени существительного. Но слияние отрицательной частицы «не» и сказуемого «есть» не способствует изменению функции подлежащего в смысловом отношении, потому именительный падеж закрепляется при слове «нет». Так образуется

конструкция «нет палка», в которой дополнение употребляется не в форме косвенного падежа, а в форме именительного падежа, так как это бывшие подлежащие при сказуемом «есть» (нѢ + есть > нет).

Дальнейшие исследования будут способствовать расширению ареала бытования подобных конструкций в русских говорах Удмуртии. Предполагается решение следующих задач: выявление влияния финно-угорских языков на формирование подобных конструкций; выявление частотности употребления изучаемых синтаксических конструкций в древнерусских текстах. Например, в «Повести временных лет», «Московских приказах» и Новгородской летописи по новгородской Кормчей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашков, Венедикт Федорович. Русский говор северной части Карсавайского района Удмуртской АССР [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / М-во просвещения РСФСР. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. - Москва: [б. и.], 1958. - 19с.
2. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник/Н. С. Валгина. — 4-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 2003 — 416 с.
3. Демидова, К.И. Русская диалектология. [Электронный ресурс]: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. 10 изд., испр. и доп. - Уральский гос. пед. университет. Екатеринбург, 2015
4. Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. - Москва: Высш. школа, 1972. - 302 с.
5. Шапиро, А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения / А. Б. Шапиро; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. — 317 с.

SUMMARY

Anna Mymrina. Syntactic constructions in the Russian dialect of Kirshonki village of Balezinsky district of the Udmurt republic

The article discusses negative constructions with the nominative case as a complement, as well as constructions with the nominative case with the infinitive. They were recorded in July 2023 in the Russian dialect of the village of Kirshonki of the Udmurt Republic. The article attempts to clarify the reasons for the appearance of such structures.

Keywords: accusative case, dialect, nominative case, infinitive, Komi language, genitive case, syntactic construction, Udmurt language, Finno-Ugric language group.

Никитин Тимофей
Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Кузенная Т.Ф.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград

ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПЕСЕН

В статье проводится исследование лексем, передающих эмоциональное состояние лирического героя духовных песен, выявляются основные типы семантических переходов, заложенных в основе номинации эмоций. Эмотивы делятся на две группы: условно позитивные и условно негативные. Лексемы обеих групп и составляют «эмоциональный каркас» исследуемых текстов.

Ключевые слова: эмотивы, религиозная литература, духовные песни, семантический переход.

Опыт интеракции текста Священного Писания и творческой личности представляет собой результат эстетического восприятия идей христианского учения, основы которого подразумевают общение Бога с обычным человеком, диалог между Творцом и творением. Это общение глубоко духовно, но при этом имеет и душевное (эмоциональное) выражение, что особенным образом прослеживается, например, в одной из поэтических книг Библии – Псалтири, каждый из псалмов которой наполнен эмотивами: ***Возрадовался** я, когда сказали мне: «пойдём в дом Господень»;* на мгновение ***гнев** Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется **плач**, а наутро **радость***. Свойственная Псалтири глубокая психологичность и исповедальность передалась и таким литературным жанрам религиозной литературы, как: переложения псалмов, духовные песни, духовные стихи, различные виды хоралов. В эпоху социальной и нравственной трансформации нашего общества изучение данных текстов, «воплощающих принципы общечеловеческой нравственности», является актуальным [1, 48].

Наименее изученной сферой русской религиозной литературы являются духовные евангельские песни (гимны), известные также как протестантские хоралы, получившие свое распространение с 1927 года. Одним из главных основоположников данного жанра в России был И.С. Проханов. Главным плодом его деятельности стали сборники духовных песен – опусы, в которых он соединил написанные или переведенные им стихи-гимны [5]. Всего Прохановым было выпущено десять песенных книг, объединенных

в три тома. Е. С. Гончаренко писал, что Проханов определял роль духовной песни как основополагающего компонента в формировании евангельской общины и церковного богослужения. Этим объясняется важная черта песен данного жанра – понятность каждому субъекту, принадлежащему к христианской Церкви.

В.И. Шаховский утверждал, что одним из основных участников процесса формирования языковой картины мира являются человеческие эмоции. По мнению Н.А. Красавского, «эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность перцептивных образов, восприятий, ощущений, оязыковленных понятий, эмоционально проработанных, и проецирующих наш внутренний мир» [4, 169]. Исходя из сказанного, можно сделать следующий вывод: через вербализацию эмоции внутренний мир человека становится видимым другим, более открытым для понимания его духовных, душевных устремлений и исканий.

Задачей нашего исследования является построение «эмоционального каркаса», по терминологии М.Л. Ковшовой, [3, 37] духовных евангельских песен из сборника «Духовные песни» И.С. Проханова. Нами для анализа были отобраны гимны «Радуйся, душа живая» и «Да, воскрес Спаситель, мир весь торжествуй» из сборника «Кимвалы», «Лейтесь, слезы сокрушенья» из сборника «Чувства веры».

Эмоция как внешнее отображение внутреннего состояния не может проявляться без какой-либо активации, для появления конкретной эмоциональной реакции необходимо определенное условие. По мнению В.И. Шаховского, эмоция – это референция к одной из множества обобщенных конструкций. Е.Р. Иоанесян предлагает следующую схему эмоционального перехода: субъект + раздражитель = вербальное выражение эмоции, где субъект – сам лирический герой гимна, а раздражитель – активатор, вызывающий итоговую ситуацию реагирования [2].

В текстах духовных песен доминирующей положительной эмоцией является радость. Так, в сборнике 2009 года, состоящего из 800 песен, мы можем встретить 714 слов с радикалом рад. Для сравнения: див зафиксирован 127 раз, счаст – 212 раз, лик – 40 раз. Можем предположить, что это обусловлено одним из христианских принципов, на котором строится авторское мировоззрение – «всегда радуйтесь». Стоит заметить, что предпосылки для возникновения данной эмоции весьма многообразны. Так, в гимне «Радуйся, душа живая» раздражителем является целый ряд приятных для души субъекта ситуаций, которые точно произойдут в будущем: 1. Душа будет избавлена от скорбей: Всем скорбям конец грядет, Ты якорь избавления Скоро сбросишь, Там забудешь тьму и горе. 2. Она скоро доберется до дома; причем пространство дома = место отрад: Скоро ты войдешь в покой, Приплывешь к стране прекрасной.

Особый интерес вызывает семантический переход «уверенность → радость», отображенный в припеве. Припев – это та часть песни, в которой сокрыт доминирующий смысл, связывающий части куплетов в единое полотно. Истинным активатором такого эмоционального реагирования является, как и в тексте Псалтири, уверенность в Господе, следовательно, центральный эмоциональный переход мы можем записать как «Господь → радость», а все остальные переходы стоит обозначить как вытекающие из центрального.

Еще одной отчетливо заметной особенностью эмотивного каркаса евангельских песен является отсутствие отрицательной эмоции злости у лирического героя гимнов, зло существует вне его как отдельный герой. Из всех 65 упоминаний лексемы зло все связаны либо с понятием греха: *Я знаю, Ты не любишь злое, Греху не хочешь место дать*, либо с грешным миром, либо с искушениями, зачастую представленными в виде стихий: *Я счастлив средь бури злой, среди волненья*.

Другой условно негативной эмоцией является гнев. Специфика текстов духовных песен такова, что, как и в Псалтири, гнев может быть праведным, а гневаться может только Бог. Схема такого эмоционального перехода выглядит следующим образом: Бог + человеческий грех = праведный гнев.

В рамках статьи мы рассмотрели лишь часть эмоций, зафиксированных в текстах духовных песен, в эмоциональном состоянии лирического героя которых можно заметить преобладание условно положительных эмоций радости, восторга, удивления и отсутствие скуки, страдания, скорби, испуга, страха и раздражения, что можно объяснить содержанием самих духовных песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доссэ Т. Г. Субъектно мотивированная специфика жанра стихотворных переложений псалмов / Т. Г. Доссэ // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1(32). – С. 48-55. – DOI 10.20323/2499_9679_2023_1_32_48.
2. Иоанесян Е. Р. Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций / Е.Р. Иоанесян//Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков: Коллективная монография / Е. Р. Иоанесян, Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова [и др.]. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. – 244 с.
3. Ковшова М. Л. Эмоциональная лексика и ремарки эмоций в пьесе А. П. Чехова «Иванов» / М. Л. Ковшова // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2020: Материалы международной конференции, Москва, 27

октября 2020 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. – С. 37-56

4. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский; Министерство образования РФ, Волгоградский государственный педагогический университет, Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2001. – 495 с.
5. Проханов И. С. Евангельские песни (для призывных собраний) избранные из сборников: «Гусли», «Песни Христианина», «Тимпаны» и «Кимвалы». Петербургъ и Гальбштадтъ, Товарищество «Радуга», 1912 г. – 80 с.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

SUMMARY

Timofey Nikitin. The emotional space of the spiritual gospel songs

The present article looks into the lexemes which convey the emotional state of the lyrical hero in spiritual songs. It identifies the main types of the semantic models applied to name emotions. The emotives fall into two groups: relatively positive and relatively negative ones. The lexemes in both groups form the so-called emotional framework of the texts in question.

Keywords: emotives, religious literature, spiritual songs, semantic model.

Пальчик Арина

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Шишкина И. Е.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический

университет»,

г. Горловка, ДНР, РФ

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕРТ ГОТИЧЕСКОГО КАНОНА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XIX ВЕКОВ

Готический канон в мировой литературе характеризуется суммарным объемом целого ряда признаков, образов и мотивов. Исследователи готических произведений имеют различные точки зрения на определение «готического» канона ввиду вариантности традиционных готических образов в более поздних произведениях готики. На данный момент выявить черты готического канона

позволяет рассмотрение текстов готических романов, написанных в Европе во второй половине XVIII и начале XIX века – в период формирования и расцвета жанра готического романа.

Ключевые слова: *готический канон, готика, готический роман, готическая литература.*

Проблема изучения путей формирования готического канона в мировой литературе является актуальной в наши дни. В Советской России в литературоведении доминировала установка на «реалистический» метод, что не благоприятствовало изучению готических произведений. Готические романы в большинстве случаев не переиздавались, готика была не востребована и мало изучалась. Более того, в русской литературе готическая традиция представлялась тождеством фантастике, что, таким образом, долгое время не способствовало развитию интереса к готике для отечественных исследователей.

Ввиду сказанного, следует обозначить цель нашей работы – описать основные составляющие готического канона в мировой литературе.

Прежде всего, необходимо рассмотреть происхождение самого термина «готический» и что является «готическим» в литературе. Термин «готика» появился в эпоху Возрождения как пренебрежительное обозначение всего средневекового искусства, которое считалось «варварским». Слово «готический» происходит от названия германского племени готов. Поскольку готы разрушили Рим, уничтожив и его художественную классику как образец совершенства, долгое время термин «готика» и «готический» являлись синонимами дикого и варварского. Только с середины XVIII века суть термина меняется. Это связано с тем, что в это время в Англии возникает особый интерес к старине, далекому прошлому, и в этой связи начинается ренессанс готики. Теперь Средневековые привлекает как нечто романтическое, загадочное, ассоциируясь с «чем-то старинным, причудливо-неправильным и притягательно-загадочным, связанным с нравами прошедших времён, с "молодостью" европейских народов» [3, с. 5]. Средневековые интригует своей угрюмой жуткостью и таинственностью. Эстетизируется страшное, неистовое, демоническое – все ужасное. Эстетика ужаса импонирует подсознательной склонности человека к мистике. Так возникает новый жанр – готический роман, первооткрывателем которого справедливо считается Г. Уолпол, автор канонического «Замка Отранто» (1764).

Рассмотрим непосредственно значение «канона» – наиболее точным нам представляется определение А.Ф. Лосева в статье «О художественном каноне». Философ определяет канон

как «количественно-структурную модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определённым социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений» [6, 15]. Сходную формулировку представляет и Д. С. Лихачёв [5]. Таким образом, готический канон – это комплекс обязательных параметров готического романа.

Готический роман как жанр имеет достаточно выразительные структурные признаки. И в первую очередь, это его триединые жанрообразующие атрибуты – тайна, мистика, культ зла. Как отмечает М. Леви, главными особенностями готического романа является «использование средневековой архитектуры, присутствие потустороннего мира, особая атмосфера, полная ужаса и тайн» [11, 542]. «Фантастический, овеванный исторической и географической романтикой сюжет, мрачный, трагический колорит, зловещая, колдовская атмосфера, вмешательство в судьбу персонажей неведомых, зачастую сверхъестественных сил», – вот что становится характерными приметами нового жанра по мнению А. Чамеева [10, 6].

Специфика готического канона заключается в особой системе образов и набора определенных мотивов. В готических произведениях центральным образом выступает образ злодея, который обычно является двигателем сюжета. Важно заметить, что образы героев готической литературы лишены индивидуальных черт, клишированы, и, в целом, каждый образ похож на предыдущий [8, 353]. Готический злодей может быть представлен не только персонажем-человеком, который становится мучителем ввиду собственной неспособности совладать с безумством страсти (Манфред из «Замка Отранто» Г. Уолпола, Амбросио из «Монаха» М. Льюиса, королева Елизавета из «Убежища» С. Ли и др.), но и сверхъестественным легендарным персонажем, развращающим души других героев (суккуб и Дьявол из «Монаха», Демон и Гяур из «Ватека» У. Бекфорда, Дьявол из «Мельмота скитальца» Ч. Р. Метьюрина и др.).

Образу злодея противопоставлен добродетельный герой, важную роль играет Провидение – высшее правосудие, искоряющее несправедливость за самого героя. Женщины в готических романах зачастую исполняют роль жертвы, изображаются авторами как нежные, добродетельные существа (Изабелла и Матильда из «Замка Отранто», Эллена из «Итальянца» А. Рэдклифф, Эмилия из «Удольфских тайн» А. Рэдклифф и т. д.). Также женский образ может выполнять более активные функции – быть вдохновителем главного героя (леди Эмма из «Старого английского барона» К. Рив). Отправной точкой в начале истории женского персонажа писатели-

готики используют мотив смерти или утраты родственника, лишая героиню защиты от тёмных сил.

Важную роль играет сформированный в готической литературе образ преданного, суеверного слуги (Бьянка из «Замка Отранто», Аннета из «Удольфских тайн» и др.). Гораций Уолпол в предисловии к первому изданию «Замка Отранто» замечал, что такие персонажи «открывают многие существенные для сюжета обстоятельства, которые никаким иным путём не могли бы быть удачно введены в него» [9, 3].

Для готического сюжета важна мрачная и зловещая сцена действия, которая поддерживает общую атмосферу таинственности и страха. В готических романах значительная роль отводится замку или аббатству. В более поздних произведениях их может заменить усадьба или современный город, однако функция образа едина – изображение проклятого чуждого места, противопоставляемого привычному внешнему миру героев [4, 419]. Замок, как правило, труднодоступен – он или затерян в тёмном лесу, или окружён горами. Писатели-готики изображают его таковым намеренно, т. к. противопоставляют цивилизацию природе, и создают кумулятивную цепочку эпизодов, соответствующую циклической схеме развития сюжета. Писатели задействуют мотив путешествия, ввиду которого герой оказывается в переходной зоне леса или гор, преодолевает её, попадает в замок, где происходят основные события, возвращается домой.

Важной особенностью готического романа является то, что его сюжет строится вокруг какой-либо тайны, например, чьего-то исчезновения, неизвестного происхождения, нераскрытого преступления, лишения наследства. Кроме того, характерной чертой готической литературы становится представление нескольких временных пластов, поэтому важна не просто тайна, а тайна, скрывающаяся во времени: «...в готическом произведении, как правило, присутствует несколько временных пластов, разделенных между собой несколькими десятилетиями или даже веками» [2, 28].

Ввести «таинственное» в произведение помогает мотив портрета или мотив рукописи – герои узнают о сути злодеяния прошлого, прочитав старинную рукопись, или встретив призрак с портрета (Альфонсо Добрый из «Замка Отранто).

Традиционным является мотив двойничества – борьба героя с его вторым «тёмным» Я, сопутствующим грехопадению персонажа (продажа души Дьяволу Амбросио из «Монаха», поддавшийся искушению Медард из «Эликсиров Сатаны»).

Широко распространён в готической литературе мотив сна как способ показа сложного баланса между реальным и фантастическим. Часто сон вводится для предсказания будущего, например, сон о вечных мучениях в романе Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец».

Составляющие готического канона статичны и фиксированы, что позволяет считать готический роман определённой и достаточно жёсткой структурой. Вне зависимости от вариативности представленных тем, сюжетов, мотивов и образов, в произведениях готической литературы выполняются предписанные готическим каноном функции и роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, С. А. Анна Радклиф и ее роман «Итальянец» / С. А. Антонов, А.А. Чамеев // Итальянец, или Исповедальня кающихся, облаченных в черное / А. Радклиф ; пер. с англ. Л. Ю. Бриловой. – М. : Ладомир : Наука, 2000. – 481 с.
2. Готическая традиция в русской литературе / [авт. коллектив Н. Д. Тamarченко (отв. ред.) и др.] ; Российский гос. гуманитарный ун-т. – М. : РГГУ, 2008. – 345 с.
3. Зыкова, Е. П. Джозеф Шеридан Ле Фаню и готическая традиция в английской литературе // Дядя Сайлас : роман ; В зеркале туманном : сб. рассказов / Дж. Шеридан Ле Фаню. – М. : Ладомир, 2004. – С. 5–16.
4. Лавкрафт, Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе / Г. Ф. Лавкрафт. – Текст : электронный // Origin: «Запретная книга» – русский фэн-сайт Г.Ф. Лавкрафта: сайт. – URL: http://lib.ru/INOFAnt/LAWKRAFT/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt. – (Дата обращения: 20.11.23).
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
6. Лосев, А. Ф. О понятии художественного канона / А. Ф. Лосев // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 6–15.
7. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра / В. Я. Малкина. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2002. – 140 с.
8. Скотт, В. Миссис Анна Радклиф / В. Скотт // Радклиф А. Итальянец, или тайна одной исповеди. – М.: Эксмо, 2007. – С. 4–11.
9. Уолпол, Г. Замок Отранто : пер. с англ. В. Шор / Гораций Уолпол. – М. : Азбука Азбука-Аттикус, 2011. – 218 с.
10. Чамеев, А. В традициях «старого доброго страха», или Об одном несерьезном жанре британской литературы // Дом с призраками : англ. готические рассказы / [ред. С. Антонов, А. Чамеев ; пер. с англ. Л. Бриловой [и др.]]. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 5–18.
11. Levy M. Le roman “gothique” anglais (1764-1824) / M. Levy. – Toulouse : Imprimerie M. Espic, 1968. – 750 p.

SUMMARY

Arina Palchik. Reflection of the features of the Gothic canon in the European literature of the XVIII-XIX centuries

The Gothic canon in world literature is characterized by the total volume of a number of signs, images and motives. Researchers of Gothic works have different points of view on the definition of the “Gothic” canon due to the variation of traditional Gothic images in later Gothic works. At the moment, it is possible to identify the features of the Gothic canon by examining the texts of Gothic novels written in Europe in the second half of the XVIII and the beginning of the XIX century – during the formation and heyday of the Gothic novel genre.

Keywords: Gothic canon, Gothic, Gothic novel, Gothic literature.

Перепелица Анастасия

Научный руководитель –

старший преподаватель Могила Н. Н.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

г. Донецк, ДНР, РФ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Процесс преподавания лингвистических дисциплин в вузе предполагает поэтапную и систематическую передачу знаний, освоение навыков и развитие умений обучающихся. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей сосуществования традиционных и инновационных подходов обучения, применяемых при изучении лингвистических и прикладных дисциплин в высшей школе.

Ключевые слова: *методы обучения, лингвистических дисциплин, методика преподавания.*

На протяжении многих лет преподавание лингвистических дисциплин в ВШ является важной составляющей образовательного процесса.

Цель работы: раскрыть особенности сочетания традиционных и инновационных подходов в обучении студентов гуманитарного профиля.

Задача: проанализировать особенности гармоничного сочетания традиционных и инновационных подходов при изучении лингвистических, лингводидактических и прикладных дисциплин.

Эти дисциплины охватывают широкий спектр знаний, связанных с изучением языка и его структуры, влияют на формирование у студентов профессиональных умений и навыков, способствуют применять в профессиональной деятельности основные понятия и категории современной лингвистики.

Изучая лингвистические дисциплины в вузе, студенты гуманитарных направлений учатся мыслить широко, анализировать и находить связь между различными событиями, принимать нестандартные решения.

Актуальность. Исследуемая проблема чрезвычайно актуальна в последние десятилетия. В современном образовательном процессе растущая необходимость в постоянном развитии и адаптации к новым вызовам, требует от педагогов и исследователей образования постоянного поиска эффективных методов, средств и подходов обучения. Традиционные методы обучения давно стали основой педагогической практики, однако их эффективность постепенно уступает место передовым инновационным подходам.

В течение многих десятилетий ученые из разных областей (Е.Н. Воронова, Е.С. Кузнецова, А.В. Текучев, Е.Г. Кашина, Е.И. Пассов и др.) исследовали особенности использования традиционных и инновационных технологий в образовании.

Без всякого сомнения, методика преподавания лингвистических, лингводидактических и прикладных дисциплин охватывает как традиционные, проверенные временем подходы, так и инновационные методы, которые стремятся соответствовать современным образовательным требованиям. Основными принципами инновационной методики являются технологизация, интерактивность и аутентичность обучения.

Мы разделяем точку зрения лингводидактов, что переход от классических подходов в учебно-воспитательном процессе к современным информационным технологиям позволяет создать максимально эффективную образовательную среду. Использование специализированных программ, мультимедийных материалов, онлайн ресурсов и коммуникационных платформ значительно расширяет возможности преподавателя и студента.

Однако, важно отметить, что технологический аспект не является основополагающим в инновационной методике преподавания лингвистических дисциплин. Главная задача – создание интерактивной образовательной среды, в которой студент становится бы активным участником обучения, а преподаватель выступает в роли наставника и проводителя. Такой подход способствует развитию коммуникативных навыков, критического мышления, творчества и самостоятельности студентов.

Аутентичность обучения в рамках инновационных педагогических технологий, основана на использовании реальных языковых ситуаций, аутентичных текстов и аудио-материалов. Студенты имеют возможность погружаться в языковую среду, взаимодействовать с носителями языка, анализировать и интерпретировать реальные коммуникативные ситуации. Это позволяет формировать не только навыки понимания и воспроизведения языка, но и вырабатывать культуру межкультурного общения.

Одной из главных преимуществ использования инновационной методики преподавания лингвистических дисциплин, по нашему мнению, является возможность индивидуализации образовательного процесса. Каждый обучающийся может самостоятельно выбирать траекторию обучения, персонализировать задания и контроль успеваемости.

Нельзя не согласиться с мнениями ученых (Е.Г. Кашина, Е.И. Пассов) [3];[5], что гармоническое сочетание традиционного и инновационного подходов позволяет учитывать уровень языковой подготовки, познавательные предпочтения и потребности каждого студента.

Следует помнить, что традиционная методика преподавания лингвистических дисциплин – это систематический подход к изучению языков и связанных с ними дисциплин, основанный на долголетнем опыте и передаче знаний от поколения к поколению. Этот тип обучения нацелен на развитие языковых навыков и глубокое понимание языка как системы искусства, коммуникации и культуры.

Важной составляющей традиционной методики является непосредственное общение с преподавателем. В рамках аудиторных занятий происходит активное взаимодействие между преподавателем и студентами, что способствует лучшему усвоению знаний и развитию навыков общения на иностранном языке. Преподаватели регулярно проверяют прогресс обучающихся и предоставляют индивидуальную помощь и рекомендации для их улучшения. Традиционная методика преподавания лингвистических дисциплин также включает использование учебных пособий, учебников и дополнительных материалов. Студентам предоставляется широкий выбор ресурсов, которые помогают им углубить свои знания и практические навыки. Такие материалы могут быть представлены в различных форматах – от печатных учебников до интерактивных онлайн-курсов, делая обучение более привлекательным и удобным для обучающихся.

Лингвисты отмечают, что одной из важных традиционных методик преподавания является грамматический подход, который основан на изучении языка через анализ его структуры, правил и

грамматических конструкций. Такой подход помогает студентам усвоить основы языка и научиться применять его правильно. Этот подход активно используется в изучении таких разделов лингвистических дисциплин, как грамматика, синтаксис и морфология.

Сегодня учеными и преподавателями-практиками разрабатываются новые подходы, методы, приемы и средства в образовании, которые становятся все популярнее как в средних учебных заведениях, так и в высшей школе.

В рамках исследуемой проблемы необходимо отметить, что с появлением новых педагогических технологий, в частности развития критического мышления, у студентов на различных этапах обучения развиваются профессиональные умения и навыки к преподаванию лингвистических и прикладных дисциплин. Интерактивные методы обучения позволяют обучающимся активно взаимодействовать с материалом и применять полученные знания на практике, включают использование компьютерных программ, онлайн ресурсов, а также мультимедийных материалов. Это позволяет сделать процесс обучения более интересным и эффективным, обогатить учебный опыт студентов и привлечь их к изучению лингвистических дисциплин.

Мы разделяем точку зрения российского лингвиста Е. И. Пассова. Как отмечает ученый в своих исследованиях, «...еще одной инновационной методикой преподавания лингвистических дисциплин являются информационно-коммуникативные технологии, которые реализуют коммуникативный подход. Основным целевым навыком при изучении любого языка является способность говорить и понимать на нем» [5].

В научных трудах автор рекомендует учитывать важность коммуникативных навыков обучающихся в повседневной жизни и профессиональной сфере деятельности. Преподаватель-словесник, по мнению учёного, должен активно использовать на занятиях такие формы работы, как разговорная практика и перевод.

Из всего вышеизложенного можем без сомнения утверждать: для того чтобы современные методики преподавания лингвистических и прикладных дисциплин были успешными, необходимо целесообразно использовать и традиционные подходы. Не секрет, что они являются основой для формирования языковой грамотности студентов и усвоения ими элементарных понятий в лингвистике.

Традиционные и новые методики преподавания, как фактор оптимизации обучения в вузе, должны быть взаимосвязаны и взаимодополняемы, чтобы максимально эффективно научить студентов языковой и лингвистической компетенции.

Таким образом, методика преподавания лингвистических дисциплин включает и традиционные, проверенные временем

подходы, и инновационные методы, стремящиеся соответствовать современным образовательным требованиям. Грамматический подход и интерактивные методы обучения позволяют студентам усвоить основы языка и научиться применять его правильно, а коммуникативный подход развивает навыки говорения и понимания языка.

Сочетание традиционных и инновационных подходов к формированию лингвистических знаний у студентов вуза – стимул и основа модернизации обучения в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронова, Е. Н. Современные технологии и методы обучения иностранному языку в вузе / Е. Н. Воронова // Перспективы науки и образования. – №1. – 2014. – С. 189–194.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М. : АРКТИ, 2003. – С. 175–177.
3. Кашина, Е. Г. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка: учеб. пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Самара : Изд-во «Университет-Груп», 2006. – 75 с.
4. Пальтов, А. Е. Инновационные образовательные технологии: Учебное пособие. – Владим. гос. ун-т им. А. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2018. – 119 с.
5. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.
6. Современные направления в методике обучения иностранных языков / Е. И. Пассов Е. И., Е. С. Кузнецова. – Воронеж, 2002.
7. Текучев, А. В. Очерки по методике обучения русскому языку. М. : Педагогика, 1980. – 227 с.

SUMMARY

Anastasia Perepelitsa. Interrelation of traditional and innovative pedagogical technologies as a factor in optimizing student learning

The process of teaching linguistic disciplines involves a gradual and systematic transfer of knowledge, the development of skills and the development of skills. The present research is aimed at studying traditional and innovative teaching methods used in the study of linguistic disciplines in secondary educational institutions and in higher education.

Keywords: teaching methods, linguistic disciplines, teaching methods.

Понкратенкова Анастасия
Научный руководитель –
д. филол. н., проф. Герасименко И.А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА

В работе рассматриваются особенности информативных речевых жанров, критерии их определения и функции в семейном дискурсе.

Ключевые слова: *речевой жанр, типология речевых жанров, семейный дискурс, фатическое общение, информативное общение.*

На данном этапе изучения лингвистики одним из актуальных направлений является учение о речевых жанрах (далее – РЖ). В частности, многие ученые обращаются к исследованию РЖ в определенной сфере коммуникации. В. В. Дементьев отмечает: «Речевые жанры, как и функционирование языка, зависят от сфер функционирования, то есть сфер речевой коммуникации. Как разным сферам соответствуют разные варианты языка (во многих концепциях понимаемые как функциональные стили) (а в языках, где отсутствует та или иная сфера, отсутствуют и средства, то есть функциональные варианты языка), так и в разных национальных языках, речевых культурах существуют разные жанры. Связь эта очень существенна» [4, 631]. Семейный дискурс – это часть бытового (обиходного) дискурса (согласно классификации В.И. Карасика), который, принадлежа к неофициальной сфере устной спонтанной коммуникации, является недостаточно изученным. Соответственно, исследование РЖ семейного дискурса относится к числу востребованных аспектов современной лингвистики.

Многие российские и зарубежные языковеды, основываясь на концепции речевых жанров М. М. Бахтина, изучали различные вопросы теории РЖ; см. работы А. Вежбицкой, Т. Г. Винокур, В. В. Дементьева, Е.А. Земской, Т. В. Шмельовой и других. К изучению семейной речи обращались также А. Н. Байкулова, А. В. Занодворова, Я.Т. Рытникова и др.

Целью данной работы является определение информативных РЖ семейного дискурса. Задачи нашего исследования – описание особенностей информативных РЖ, анализ их реализации и места в семейном дискурсе.

Изучая жанры семейного дискурса, мы опираемся на

модель речевых жанров, разработанную Т.В. Шмелёвой. Среди параметров выделения РЖ (образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание) главным жанрообразующим признаком исследователь называет коммуникативную цель (установка, с которой говорящий вступает в процесс коммуникации). Так, Т.В. Шмелёва в зависимости от задач, которые ставят перед собой коммуниканты, выделяет следующие четыре типа коммуникативных целей: **информативную** (предъявление или запрос, подтверждение или опровержение информации); **императивную** (провоцирование осуществления / неосуществления событий необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения); **оценочную** (изменение самочувствия участников общения на основе соотношения их поступков, качеств и других манифестаций с принятой в данном обществе шкалой ценностей); **этикетную** (осуществление особенных событий, поступков в социальной сфере, предусмотренных этикетом данного социума: извинение, благодарность, поздравление, соблазнение и т. д.). Исследователь подчеркивает, что существуют также фатические задачи (под фатикой подразумевается «общение ни о чем») [6, 34].

На современном этапе развития теории РЖ больше внимания уделяется «монографическому» описанию РЖ, в то время как типологизация вызывает определенную сложность из-за большого количества РЖ, а также отсутствия их «универсализма» по отношению к различным сферам, в которых жанры функционируют [4, 632]. Так, Н.Д. Арутюнова предлагает такую «очень общую схему жанров общения: 1) информативный диалог (make-know discourse); 2) прескриптивный диалог (make-do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); 5) праздноречевые жанры (fatic discourses): а) эмоциональный, б) артистический, в) интеллектуальный» [1, 52- 53]. Как видим, в данной схеме первые пункты (1-3) соответствуют информативному общению, а 4 и 5 – фатическому.

Противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи является одним из центральных (или центральным) принципов большинства существующих типологий РЖ (А. Вежбицкая, К. Кожевникова, Г. Браун и Г. Гюль и др.).

Б. Малиновский, который ввёл термин «фатическое общение» (англ. phatic communion), утверждал, что если рассматривать функции речи как удовлетворение потребности, то фатическая функция удовлетворяет прежде всего потребность в социальном контакте. Таким образом, язык используется не для передачи

какой-либо существенной информации, а лишь для установления психосоциальной связи между людьми. Именно в фатической функции проявляется основное назначение языка – быть средством общения, вовлекать в приятную атмосферу вежливого речевого взаимодействия, создавать дружеские связи, при этом не преследуя цели передачи мыслей, идей, информативных сообщений [7].

Следуя за теорией Т.В. Винокур об оппозиции фатики и информатики, мы определяем семейную коммуникацию как фатическую: её целью является именно общение, обусловленное близкими отношениями коммуникантов. Безусловно, адресант (член семьи) может вступать в процесс коммуникации с целью сообщения информации, что, однако, не отменяет, а зачастую даже укрепляет эмоциональную связь говорящих [2, 136].

Основываясь на параметре коммуникативной цели (Т. В. Шмелёва), а также на теории фатических речевых жанров В.В. Дементьева, нами разработана типология речевых жанров семейного дискурса [5].

Как сказано выше, мы рассматриваем семейную коммуникацию как такую, в которой всегда присутствует эмоциональная связь, однако в зависимости от цели коммуникантов и, соответственно, выбранного РЖ меняется уровень эмоциональной связи между говорящими. Так, нами выделены в группе информативных следующие РЖ: 1) общение, улучшающее отношения коммуникантов (разговор по душам, семейная беседа, воспоминание, сплетни, пересказ, чтение ребенку); 2) общение, поддерживающее отношения коммуникантов (бытовой разговор); 3) общение, ухудшающее отношения коммуникантов (ссора).

Безусловно, основным критерием для выделения РЖ, относящихся к информативным в семейном дискурсе, является коммуникативная цель, с которой говорящий вступает в процесс коммуникации. В названных РЖ это, соответственно, обмен различной информацией.

Ученые также отмечают, что разграничить фатику и информатику в речевом потоке практически невозможно: они образуют сложное взаимодействие. Это же можно сказать и о самих речевых жанрах, которые как бы «проникают», перетекая друг в друга, оставляя «осколки речевых жанров» (термин А.Н. Байкуловой). Например, РЖ разговор по душам часто перетекает в РЖ воспоминания, а РЖ чтение ребенку может иметь элементы РЖ пересказ или семейная беседа.

Анализ РЖ семейного дискурса показал, что для достижения основной цели – передачи информации (общей, бытовой, семейной, личной) говорящие используют различные коммуникативные стратегии (кооперативные или конфронтационные) и тактики (констатация, вопрос, вербальная поддержка). Важно отметить,

что именно информативные РЖ являются средством передачи внутрисемейных ценностей, жизненного опыта, семейных традиций между поколениями.

Таким образом, мы определили общие и отличные признаки фатических и информативных РЖ, а также на основе критерия коммуникативной цели выделили РЖ, относящиеся к информативным в семейном дискурсе, и определили их функции в семейной коммуникации. Перспективным для дальнейшего исследования является анализ названных РЖ с позиции коммуникативных стратегий и тактик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 52–56.
2. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
3. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 34–44.
4. Дементьев, В. В. О типологии речевых жанров в связи со сферами речевой коммуникации и без такой связи / В. В. Дементьев // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 630–644.
5. Понкратенкова, А. В. Типология речевых жанров семейного дискурса / А. В. Понкратенкова // Вестник ДонНУ. Сер. Д : Филология и психология. – Донецк. – 2022. – №2. – С. 40–44.
6. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88–97.
7. Malinowski, B. Phatic Communion / B. Malinowski // Communication in face-to-face interaction: textbook / ed. by edited by J. Laver, S. Hutcheson. Harmondsworth : Penguin Books, 1972. – P. 146.

SUMMARY

Anastasia Ponkratenkova. Informative speech genres of the family discourse

The paper examines the features of informative speech genres, criteria for their definition and functions in family discourse.

Keywords: speech genre, typology of speech genres, family discourse, phatic communication, informative communication.

Постовит Елизавета
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Дмитриева Ю.Л.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ СЛОВ *ГРУСТЬ*, *БОЛЬ*, *СЧАСТЬЕ*, *ЛЮБОВЬ* И *РАДОСТЬ* В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе описывается этимологический аспект как один из элементов анализа лексем ЛСГ чувство. Автор приводит примеры лексикографического описания слов грусть, любовь, радость, счастье, боль в этимологических словарях.

Ключевые слова: лексема, ЛСГ чувство, этимология, анализ, алгоритм.

Анализ слов ЛСГ с точки зрения происхождения используется для выявления исходной формы лексем, их особенностей, свойств, установления всех значений, которые были присущи до исторических изменений и зафиксированы на данный момент. Этимологический анализ слов помогает сформировать и описать целостную, точную картину мира в разные периоды жизни человечества. Отметим, что в современной лексикологии до сих пор остаётся актуальным исследование ЛСГ, включая этимологический анализ лексем. Это обуславливает **актуальность данного исследования.**

Отметим, что описание языковых единиц, входящих в ЛСГ *чувство*, производится по разработанному нами алгоритму:

1. Выделение имён существительных с общей категориально-лексической семой 'чувство'.
2. Определение значения с помощью толкового словаря.
3. Представление синонимического ряда.
4. Представление антонимического ряда.
5. Определение внутренней формы слова (этимология).
6. Выделение дифференциальных сем.
7. Определение подпарадигмы.
8. Особенности использования данной лексемы в тексте стихотворения.

Цель работы – этимологическое описание слов ЛСГ *чувство: грусть, любовь, радость, страх, зло, боль, счастье.*

Этимология – особый раздел лингвистики. Однако в настоящее время нет единого определения данного раздела. Так, в словаре лингвистических терминов Д. Э. Розенталя даётся следующее

толкование: «Этимология (греч. *etymologia* из *etymon* – истина, основное значение слова + *logos* – понятие, учение). 1. Раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов и морфем». 2. Происхождение и история слов и морфем. *Этимология слова «грамматика»*. [4, 354]. В словаре лингвистических терминов Т. В. Матвеевой этимология трактуется как «происхождение слова и наука о происхождении слов. Наука этимология устанавливает первичную форму и значение слова, прослеживая весь путь его преобразований во времени» [3, 547]. Наконец, в словаре Т. В. Жеребило находим следующее определение: «Этимология¹ [др.-греч. *ἐτυμός* истинный, правдивый]. 1) Происхождение слова или морфемы; 2) раздел языкознания, исследующий первоначальное строение и значение слов, морфем. Этимология² [гр. *ἐτυμολογία* < *ἐτυμον* истина, основное значение слова + *λόγος* понятие, учение]» [2, 469].

Согласно дошедшим до нас сведениям, одним из первых ученых, который интересовался вопросами происхождения слов, был древнегреческий философ Платон (427–347 гг. до н. э.), стремившийся в своих сочинениях связать этимологию с проблемами происхождения языка и с общими вопросами теории познания. В своем диалоге «Кратил» он первым определил направление и цели этимологических изысканий и наметил круг вопросов для обсуждения.

В Древнем Риме вопросами этимологии занимался Варрон (116–27 гг. до н.э.). Этот известный ученый и грамматик написал работу под названием «Латинский язык», в которой определил этимологию как часть грамматики, изучающую «почему и откуда явились слова».

Основными вехами в развитии русской грамматической мысли и одними из первых опытов кодификации русского литературного языка явились три грамматики XVIII века: грамматика В. Е. Адогурова (1738–1740 гг.), грамматика М. В. Ломоносова (1757 г.) и грамматика А. А. Барсова (1783–1788 гг.). Отметим, что термин *этимология* использует в своей работе А. А. Барсов, объясняя его как «словопроизведение».

Первопроходцем в науке этимологии современные исследователи считают А. Х. Востокова [1, 12], который пытался изменить методику анализа языкового материала и определял назначение науки. А. Х. Востоков (1781–1864 гг.) в своих трудах писал о необходимости сопоставления слов в нескольких языках, близких и далеких по родству, современных и древних. Сравнивая материалы разных языков и устанавливая их родство, исследователь разрабатывал новый для науки того времени метод, который называли сравнительно-историческим.

В. Г. Белинский в своих «Основаниях русской грамматики для первоначального обучения» (1837 г.) рассматривал этимологию

как науку, которая изучает слова в качестве выражения понятий. При этом грамматику автор делит на разделы: этимология (словопроизведение, или аналитика), синтаксис, орфография и просодия (словопроизношение).

Изучение русского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками последовательно проводилось в трудах Г. П. Павского, Ф. И. Буслаева, А. И. Соболевского, Г. И. Ильинского.

Известный итальянский лингвист В. Пизани в своей книге «Этимология» (русский перевод – М., 1956) писал о том, что основная задача этимолога состоит в определении исконно значения слова в момент его изначального продуцирования. Иногда в работах по этимологии это «исконное значение» слова называется «исходным» или «первоначальным» значением. Задачи, стоящие перед этимологом, значительно шире: он должен восстановить полностью (насколько это возможно) всю «биографию» исследуемого слова, то есть выяснить, какие фонетические и семантические изменения претерпело слово за всю историю своего существования, а также установить, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано.

В ходе этимологического анализа большое значение имеют фонетические законы, по которым строится языковая единица. Также необходимо помнить о словообразовательном принципе. Н. М. Шанский считает, что «при научном этимологизировании слово обязательно должно быть поставлено в какой-либо словообразовательный ряд» [1, 29]. Наиболее сложным для этимологического анализа считается семантический принцип. Однако при построении семантических рядов вносятся элементы системности, что позволяет провести более комплексный анализ лексемы.

Так, в этимологическом словаре Н. М. Шанского зафиксирована лексема *грусть*. Ср.: «*Грусть*. Общеслав. Суф. производное от той же основы, что и *грудити* “грызть, мучить”, в др. слав. яз. известного; dt > tt > ст.» [6].

Более полно представлена языковая единица *грусть* в этимологическом словаре П. Я. Черных. В словарной статье указанного лексикографического издания даётся лексическое значение, род, описываются изменения грамматических признаков, а также приведены этимологически родственные слова украинского, белорусского, болгарского, хорватского, чешского, польского, древнерусского, старославянского языков. Ср.: «*Грусть*, -и, ж. – “легкая щемящая печаль, уныние”. Прил. *Грустный*, -ая, -ое. Глаг. *Грустить*. Только русское. В украинском и белорусском отс. (укр. и блр. *Сум, смуток* (блр. *Смута*), *журба*). Ср. в том же знач.: болг. *тъга*; с.-хорв. *туга*; чеш., польск. *smutek*. Др.-рус. (с XI в.) и ст.-сл. *грущение* – “печаль”, *грустость* – “горе”,

“бедствие”, позже *съгруститиси* – “опечалиться”, “вознегодовать”; ср. (XV в.) *грузский* – “грустный”, “тяжелый” [Срезневский, I, 600, 601; III, 692]. Вероятно, связано с *грызть*, *грыжа*; ср. болг. *Грижа* – “забота”, “тревога”. Ср. рус. *забота* из *зобота* (сохранилось в серно-русских говорах (см. Чичагов, 117)), от *зобати* – “есть”, “клевать” “грызть” [см. Срезневский, I, 994; также Даль, I, 619, Куликовский, 30]. След., *грусть* из **grnzь* (ср. о.-с. **mastь* из **mazь*). Относительно вокализма см. *грызть*» [5, 223].

Итак, рассматриваемая лексема родственна представлению о ком-, чём-либо, что грызет, клует, т.е. абстрактное понятие о чувстве (грусти) соотносится с физическими ощущениями от воздействия: и то, и другое в представлении носителей русской лингвокультуры вызывают одинаковую реакцию.

Менее полно даётся толкование лексемы *счастье* в словаре Н. М. Шанского. Ср.: «*Счастье*. Общеслав. Суф.-преф. производное (с помощью приставки *съ-* в значении “хороший” (см. *сдоба*) и суф. *(-и)ь-*) от *часть* (через “юс”) малый). Буквально – “хорошая часть, доля”. См. *часть*» [6]. В словаре П. Я. Черныха данное слово не зафиксировано, однако даётся развернутое описание лексемы *боль*, которая не зафиксирована в этимологическом словаре Н. М. Шанского. Ср.: «*Боль*, -и, ж. – “ощущение физического или нравственного страдания”. Сюда же *болеть*, *больной*. Укр. *біль*, род. *бою*, *боліти*, *болочий*, -а, -е – “больной”; блр. *боль*, *балець*, *балючы*, -ая, -ае; болг. *болка*, *боли*, *беал*. – “болит”, *болея* – “болею”, “хвораю”; с.-хорв. *бол*, *болети*, *болан*, -лна, -лно: *боли*, -а, -о; словен. *bol*, *boleti*, *bolan*, -lna, -lno; чеш. *bol* – “скорбь”, “печаль” (“боль” – *bolest*, *boleni*), *boleti* (“больной” – *netocny*, -а, -е); словац. *bol’*, *boliet’*, *bol’ny*, -а, -е – “болезненный”; польск. *bol* (чаще *bolesc*), *bolec* (“больной” – *chory*, -а, -е); н.-луж. *bol*, *bolosc*, *boles*, *bolosciu*, -а, -е – “больной”. Др.-рус. (с XI в.) *боль* – “больной”, несколько позже “болезнь”, *болѣти*, *больный*, *больнь* (Срезневский I, 146, 147, 159). От ст.-сл. *БОЛЬ* – “больной”, *БОЛЬНЫИ*, (чаще) *БОЛЬНЬ*, *БОЛЬТИ* (SJS, I : 4, 135, 136). О.-с. **bolь*. В этимологическом отношении неясное слово. Ср. гот. *balwa-wesei* – “злость”, “ехидство”; др.-в.-нем. *balō* : *bql* – “зло”, “вред”, “бедствие”, “несчастье”; др.-англ. *b(e)alu* (англ. устар. *hale*) – “бедствие”, “несчастье”; др.-вал. (кимр.) *bal* – “болезнь”. И.-е. база **bhel-eu-* (Pokorny, I, 125). Другие сопоставления и сближения [вроде странного сопоставления с латин. *doleo* – “болею”, “скорблю”, *dolor* – “боль”, “страдание”, “скорбь” и пр. (Machek ES, 37) или с о.-с. **bolьъ* – “больший” (Vaillant, RES, XXII, 40)] нельзя считать убедительными» [5, 102].

Следовательно, этимология лексемы *боль* не выявлена до конца, т.е. нет однозначного определения круга родственных слов. Однако представление о данном чувстве у славян (и не только) соотносится со злом, бедой, бедствием, иногда болезнью.

В словаре Н. М. Шанского в лексикографической статье языковой единицы *любовь* описываются изменения грамматических признаков. Ср.: «*Любовь*. Общеслав. Суф. производное (суф. -ы < -й) от той же основы, что *любить, любой*. Исходное *любы* > *любовь* – под влиянием форм косв. падежей (род. п. *любвѣе*, вин. п. *любвѣь* и т. д.), аналогично *свекровь, морковь*» [6]. Отметим, что в этимологическом словаре П. Я. Черных данная лексема отсутствует. Также в указанных словарях отсутствует языковая единица *радость*.

Итак, в этимологическом словаре П. Я. Черных были зафиксированы словарные статьи лексем *грусть, боль*, входящих в ЛСГ *чувство*. В словаре Н. М. Шанского описаны 3 языковые единицы, также входящие в анализируемую ЛСГ, а именно: *грусть, любовь, счастье*. Отметим, что слово *радость* не выявлено ни в одном из указанных изданий.

Этимологию лексем считаем целесообразным включить в алгоритм анализа слов для отнесения к определенной ЛСГ в связи с тем, что она помогает выявить круг родственных слов, их общие семы, а также проясняет их «исконное» значение. Однако данное исследование не является исчерпывающим. Перспективу дальнейшей работы составит этимологический анализ выявленных в произведениях С.А. Есенина слов ЛСГ *чувство*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров, А. А. Этимология русского языка : учебник и практикум для вузов / А. А. Буров, В. Г. Лебединская. – 3-е изд., доп. – М. : Юрайт, 2023. – 136 с.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2005. – 376 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 99 с.
5. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1 : А – Пантомима / П. Я. Черных. – 9-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2009. – 621 с.
6. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. Текст : электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/shansky?ysclid=lpauandpzuy44119810> (дата обращения: 02.11.2023).

SUMMARY

Elizabeth Postivit. Features of codification of the words *sadness, pain, happiness, love and joy* in etymological dictionaries of the Russian language

The paper describes the etymological aspect as one of the parts of the analysis of the lexemes of LSG feeling. The author gives examples of lexicographic description of the words LSG feeling: sadness, love, joy, happiness, pain.

Keywords: lexeme, LSG feeling, etymology, analysis, algorithm.

Рагозина Валерия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Кашкарева А.П.

*БУ «Сургутский государственный педагогический университет»,
г. Сургут, РФ*

СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Пространственно-временная организация юмористических рассказов А.П. Чехова позволяет определить грани художественного мастерства автора. Приёмы работы с категориями «пространство» и «время» способствуют раскрытию идейного содержания произведения.

Ключевые слова: *пространственно-временная организация, юмористический рассказ, А.П. Чехов, школа.*

Методика преподавания литературы в современной школе столкнулась с проблемой, заключающейся в том, что обучающиеся не всегда обращают внимание на описательные элементы в произведении, среди которых можно выделить пейзаж и интерьер. Взгляд школьника направлен на сюжетное действие, поэтому при чтении художественного текста многие детали могут быть им не замечены.

Доктор филологических наук Ю.Г. Пыхтина утверждает, что пространственный подход к изучению произведения на уроках литературы является «одним из новых путей анализа, ориентирующих читателя на освоение произведения в единстве его содержания и формы, на глубокое постижение его смысловой и художественной сложности, его эмоционального наполнения» [1, 10]. В пространственно-

временных характеристиках заключается не только эстетическая природа текста, но и нравственная, поскольку анализ взаимодействия героя с окружающим миром позволяет читателю осмыслить систему ценностей персонажа, особенности его мироощущения.

Описание пространственной организации юмористических рассказов А.П. Чехова является одним из важнейших элементов анализа, позволяющих определить грани художественного мастерства художника слова. Автор изображает социально-политическую обстановку царской России через бытовую ситуацию. А.П. Чехов создаёт обобщённый образ русской провинции. Эту мысль подтверждает и письмо автора от 20 апреля 1890 года: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» [3, 420]. Чеховский город является психологическим пространством, которое отражается в сознании и внутреннем мире героев произведения. Важно отметить, что автор изображает не плохую провинцию, а плохое внутри провинции. Мастерски введённые детали в художественную ткань текста и создающие особое пространство, наполняющие его, позволяют читателю увидеть духовную, нравственную и интеллектуальную стагнацию провинциальных жителей рубежа веков.

Представим некоторые приёмы работы с пространственно-временной организацией чеховского текста (юмористических рассказов), которые направлены на формирование аналитической компетенции обучающихся.

«Описание пространственного образа». Данный приём можно считать универсальным, так как он позволяет построить работу и на уроке открытия нового знания, и на уроке обобщения ранее изученного материала. Описание может быть организовано по следующему алгоритму:

1. *Идентификация времени:* временные рамки произведения и влияние времени на развитие сюжета.

2. *Идентификация пространства:* описание места действия произведения и роли пространства в развитии сюжета.

3. *Взаимодействие пространства и времени в контексте идейного содержания:* роль хронотопа в создании персонажных образов, художественных деталей.

4. *Общие выводы:* роль хронотопа в процессе восприятия и интерпретации идеи произведения.

Данный приём позволяет начать работу, связанную с хронотопическим анализом, а также помогает обучающимся осознать роль описательного элемента в контексте раскрытия идейного замысла произведения. Методический приём основан на коллективном обсуждении с обучающимися созданных автором пространственно-временных характеристик.

«Выявление биографического контекста создания произведения». Этот приём основан на изучении биографии автора, выделения основных этапов жизни и творчества художника.

«Выявление исторического контекста создания произведения». Обучающимся необходимо изучить историческую справку «Образ эпохи», соотнеся её содержание с пространственно-временной организацией текста. Историческая справка может быть составлена на основе статей учёных-историков, хроник, указов, писем исторических деятелей и т.д. Примерные вопросы для осмысления школьниками:

- Какие исторические события происходят в это время в государстве?
- По каким признакам можно понять, что в произведении идёт речь именно об этой эпохе?
- Какие чувства вызывает созданная автором атмосфера в произведении? Соотносится ли это ощущение, возникшее в процессе чтения текста, с реальными историческими событиями?
- Предположите, как можно описать чувства человека (персонажа), который стал очевидцем этих исторических событий?

Использовать **приём** можно для определения того, как в творчестве автора отражены события эпохи. Например, на уроке рефлексии исторический контекст помогает обучающимся определить влияние событий конца XIX века на художественный образ периода в рассказах «Хамелеон» и «Злоумышленник»: вместе с множеством политических реформ меняется мироощущение человека, поскольку он не может осознать своего места в мире и испытывает беспокойство за будущее.

«Сравнительная характеристика героев». Этот способ характеристики помогает учителю создать условия, при которых обучающиеся смогут прокомментировать отношения героев с предметным миром произведения. Так, при изучении рассказа «Злоумышленник» ученикам необходимо охарактеризовать образы следователя и Дениса Григорьева, выделив в них общее и различное. Одним из пунктов характеристики является «ощущение в пространстве». Денис Григорьев чувствует себя неуверенно, переминается, смотрит не на следователя, а на стол. Следователь же, наоборот, чувствует себя комфортно, отдаёт приказания Денису. Характеристика положения героев в художественном пространстве позволяет учащимся аргументировать свою позицию (устное монологическое высказывание), связанную с тем, что в рассказе раскрывается проблема правосудия с помощью образов его вершителей (следователь без имени) и жертв (Денис Григорьев).

«Просмотр экранизации». В центре указанного приёма анализ образов героев и внимание к их речевой характеристике, установление

противоречий в изображении места, где разворачивается сюжет (сопоставительный анализ текста и его экранизации). Кроме того, школьники развивают навыки смыслового чтения текста и внимательного просмотра видеофильма (экранизации) через определение тематической, эмоциональной направленности произведения, создание его интерпретации (истолкования, оценки). Таким образом, экранизация даёт достаточно много читателям-школьникам для понимания творчества писателя, его мирового значения, роли его в формировании современного художественного сознания.

Известно, что художественный текст в процессе его экранизации подвергается своеобразному переводу со стороны режиссёра, в результате чего приобретает иную характеристику и подчас новые качества. На это, безусловно, стоит обратить внимание обучающихся во время работы над текстом литературного произведения. Использование данного приёма целесообразно на уроке обобщения и систематизации знаний, так как для выполнения задания ученики должны знать художественный текст, специфику его анализа.

Обращение к пространственно-временной организации текста является неотъемлемой частью анализа юмористических рассказов А.П. Чехова, поскольку хронотоп выступает важнейшей «мировоззренческой, идейно-содержательной и композиционной характеристикой искусства», как утверждает искусствовед О. И. Притыкина [2, 4]. По нашему мнению, такой подход наиболее продуктивен: он позволяет увидеть и соотнести анализ хронотопа юмористических рассказов А.П. Чехова с этико-философскими представлениями писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Притыкина, О. И. Время субъекта художественного творчества в свете диалектики индивидуального и социального / О. И. Притыкина // Пространство и время в литературе и искусстве. – Даугавпилс: Лигтмик, 1988. – С. 6-11.
2. Пыхтина, Ю. Г. Теория и методика анализа художественного текста: пространственный аспект: учебное пособие / Ю. Г. Пыхтина. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2007. – 113 с.
3. Чехов, А. П. Полное сочинений в двенадцати томах. – Т. 11. Письма 1877-1892 гг. – М.: Гослитиздат, 1944-1951. – 700 с.

SUMMARY

Valeria Ragozina. Specificity of space-temporal organization of humoric stories by A.P. Chekhov: on the question of study methods at school

Spatio-temporal organization of humorous stories by A.P. Chekhov allows us to determine the boundaries of the author's artistic skill.

Techniques for working with the categories “space” and “time” made it possible to provide the ideological content of the works.

Keywords: space-time organization, humorous story, A.P. Chekhov, school.

Рянная Анна,

Рянная Илья

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Сафонова Н. Н.

БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»,

г. Сургут, РФ

КВЕСТ-ИГРА КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКОНА ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ

В нашей современной многоязычной общественной среде многие дети мигрантов сталкиваются с проблемой недостаточного владения языком, что может ограничивать их коммуникационные и учебные возможности. Квест – это эффективная технология обучения, которая способствует запоминанию новых слов, а также повышению мотивации детей-инофонов к изучению русского языка.

Ключевые слова: квест-игра; обогащение лексикона; дети-инофоны; полиэтническая среда.

На сегодняшний день проблема обогащения лексики детей-мигрантов является весьма актуальной. Освоение лексики русского языка способствует формированию российской гражданской идентичности у мигрантов, т.к. именно лексика отражает национальную культуру, менталитет. Возникает проблема, как быстро и эффективно обогатить лексикон детей-инофонов, для которых школа чаще всего является единственным местом, где они говорят по-русски. В связи с этим первые шаги учителя русского языка при работе с инофонами должны быть направлены на формирование положительного мотивационного отношения к русскому языку через развитие познавательного интереса.

Проблема развития познавательного интереса школьников рассматривалась в трудах А.Н. Леонтьева (интенсивность обучения); Ю.К. Бабанского, Ж.Н. Тельновой (отбор и сочетание методов и форм обучения); А.М. Матюшкина (создание ситуаций проблемного обучения); В.Ф. Моргун, Н.У. Садыковой (организация совместной и коллективной учебной деятельности), Е.С. Заир-Бек (взаимосвязь видов деятельности). Г.И. Щукина считает познавательный интерес

ценнейшим мотивом эффективной учебной деятельности. Она отмечает особенности познавательного интереса: «поисковый характер – человек все время ищет новые стороны в интересующем его предмете, пытается установить более глубокие связи и отношения; окрашивание эмоциями мыслительной, интеллектуальной деятельности; волевой характер – стремление к продуктивной деятельности» [2, 6]. В обучении детей-инофонов считаем необходимым использовать такие методы и технологии, которые в первую очередь будут направлены на развитие познавательного интереса к изучению русского языка. Одной из таких эффективных технологий обучения является квест-технология, которая предполагает как индивидуальную включённость ученика в образовательный процесс, так и продуктивное взаимодействие всех участников.

Предлагаемый нами квест-игра представляет собой увлекательную активность, развивающую познавательный интерес. Он поможет детям-инофонам обогатить свой лексикон и улучшить навыки восприятия и использования языка. Технология квеста подразумевает «такую вариацию игр, которая требует от игрока-ученика решения определенных умственных задач и упражнений для продвижения по заранее заданному сюжету» [1, 4]. Квест можно проходить индивидуально или в командах. Целесообразно формировать команды, объединяя в них учащихся, для которых русский язык родной, и учащихся, для которых русский язык является неродным. Так ученики будут помогать друг другу в освоении лексики русского языка.

Пример истории и игр, входящих в состав квеста

«Лингвистический клубок» в 5-6 классах

Игра проводится с использованием мультимедийных средств обучения (компьютера, экрана и проектора). На экран выводится анимация – разноцветный клубок, который меняет мимику (улыбается, грустит). Необходимо предусмотреть изменение фона, когда клубочек меняет эмоции. Нужно заготовить разноцветные ниточки для клубка, которые получат ученики за выполнение задания – синюю, красную, жёлтую, зелёную и фиолетовую. При выполнении каждого задания нужно предусмотреть изменение цвета экрана с заданием соответственно цвету ниточки.

С нами на связи сегодня Лингвистический клубок. Посмотрите на экран, он приветствует нас. Это наш друг и помощник: он катается по свету, исполняет желания ребят и помогает им грамотно выражать свои мысли. Но у него случилась беда: он растерял все свои ниточки и просит теперь нас помочь ему их найти. Для этого нужно пройти испытания нашего квеста и получить синюю, красную, жёлтую, зелёную и фиолетовую ниточку, чтобы клубочек снова стал разноцветным и смог радовать нас новыми радостными открытиями.

1. Первую синюю ниточку мы получим, если сможем понять, о каком слове идет речь:

Внезапное явление на небе, которое светит яркими лучами и может быть разных цветов (ответ: радуга); инструмент, который помогает нам записывать свои мысли, идеи и знания (ответ: ручка или карандаш); устройство вывода информации на компьютере, на котором отображается текст, картинка, видео. (Ответ: монитор)

2. Составь словосочетание – получи вторую красную ниточку. Не забывай слова, которые мы узнали в первом задании!

Составь словосочетание из слов «радуга» и «ручка» (ответ: радужная ручка); составь словосочетание из слов «монитор» и «компьютер» (ответ: монитор для компьютера); составь словосочетание из слов «карандаш» и «рука» (ответ: с карандашом в руке) и т.д.

3. Совсем скоро мы соберем все потерянные ниточки. Еще одно задание, и мы получим желтую! Из получившихся словосочетаний второго задания составьте предложение.

Возможные ответы: Родители подарили мне радужную ручку. Сестра долго искала карандаш, а он оказался в ее руке.

4. Как только экран станет зеленым, мы заберем предпоследнюю нить нашего клубка. Что нужно сделать для того, чтобы окрасить экран? По рисунку отгадать фразеологизм. Но для начала, следует вспомнить, что такое фразеологизмы. Это устойчивые выражения, сочетание слов в которых передаёт единое значение (например, фразеологизм «как рыба в воде» – значит «свободно, легко»). Они делают нашу речь яркой и выразительной. Отгадайте известные фразеологизмы по рисункам. На них показано, что было бы, если бы мы понимали некоторые устойчивые выражения буквально. Если мы правильно называем фразеологизм, экран загорается зеленым светом. Назовите все фразеологизмы правильно, и зеленая ниточка наша.

Ответ: ни рыба ни мясо, чесать язык, сесть в лужу, зарубить на носу, медвежья услуга, купить kota в мешке.

1. Осталась последняя, утерянная нашим клубком ниточка, – фиолетовая! А ее мы получим, составив предложения с фразеологизмами, которые вы угадали.

Все задания выполнены – все ниточки собраны. Посмотрите на экран, как радуется наш лингвистический клубок. Все большие молодцы, клубочек благодарит вас.

Квест-игра предполагает 5 заданий, степень сложности которых увеличивается на каждом этапе. Ребята соберут все ниточки и помогут клубку, а главное – расширят свой словарный запас, научатся строить словосочетания и предложения, узнают фразеологизмы, которые, возможно, ни разу еще не слышали. Форма квеста формирует у учащихся-инофонов положительную мотивацию и познавательный интерес к изучению русского языка, что является лучшим стимулом в эффективном его освоении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педченко, А. Ф., Артемьева, А. Н. Квест-технология в образовательном учреждении: учебно-методическое пособие / А. Ф. Педченко, А. Н. Артемьева. – Новосибирск : НИТГиК СГУГиТ. – 2020. – 67 с.
2. Щукина, Г. И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся / Г. И. Щукина. – М. : Педагогика, 1988. – 203 с.

SUMMARY

Anna Ryannel, Ilya Ryannel. Quest game as a means of enriching the lexicon of bilingual children

In our modern multilingual society, many migrant children collide the problem of insufficient language proficiency, which can limit their communication and learning opportunities. A quest is an effective learning technology that promotes the memorization of new words and increases the motivation of bilingual children to study the Russian language.

Keywords: quest game; vocabulary enrichment; bilingual children, multiethnic environment.

Строжкова Юлия
Научный руководитель –
к. филол. н., доц. Сафонова Н.Н.
БУ ВО «Сургутский государственный
педагогический университет»,
г. Сургут, РФ

ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

В статье представлен анализ языковых особенностей современных медиатекстов (на примере текстов сургутского информационно-аналитического портала «Siapress.ru», опубликованных в 2022 году) в аспекте демократизации языка, которая проявляет себя в экспрессивности, разговорности и диалогичности материалов, в использовании языковой игры, аббревиации и иностранных заимствований.

Ключевые слова: язык СМИ, медиатекст, демократизация языка.

В настоящее время процессы демократизации проявляют себя практически во всех сферах жизни. Понятие «демократизация языка» прочно укоренилось в лингвистике, сформировав ее современное направление – медиалингвистику, изучающую медиатексты как лингвокультурологический феномен. На основе анализа существующих исследований можно сделать вывод, что на сегодняшний день процессы языковой демократизации хорошо изучены, о чем свидетельствуют последние работы Н.Н. Сафоновой, Т.А. Ермаковской, О.В. Рудневой, Н.В. Баско, К.А. Балышевой, С.В. Ильясовой, О.С. Иссерс, Л.В. Рацибурской, М.В. Загидуллиной, А.К. Киклевич, А.А. Шаззо, Л.Г. Чапаевой и др.

Нельзя не согласиться с доктором филологических наук, профессором А.В. Полонским, который в своей статье «Язык современных СМИ: культура публичного диалога» пишет: «Сегодня язык СМИ, хотим мы того или нет, принял на себя важнейшую культурологическую функцию языка-эталона, но эталона, который формируется не только творчеством журналистов, но и прежде всего нашей повседневной практикой говорения, отражающей особенности современной культуры и ее коммуникативного идеала» [3].

Предметом нашего изучения стали медиатексты информационно-аналитического портала г. Сургута «Siapress.ru» [2], опубликованные в 2022 году. По мнению современных исследователей, «социокультурная обстановка влияет на

особенности подачи материала в медиатексте, использовании языковых средств, соответствующих эпохе, отражая те процессы демократизации языка, которые идут в одном ряду с процессами демократизации современного общества, представляя своеобразный лингвистический портрет времени» [1].

Анализ медиатекстов проводился путём сплошной выборки с помощью описательного метода, использовались приёмы сравнения, интерпретации и систематизации языковых явлений. Было отмечено, что в медиатекстах портала «Siapress.ru» используются приёмы языковой игры, чаще всего встречающиеся в заголовках, потому что именно так проще всего привлечь внимание к новостям и вызвать отклик читателей, так автор текста может проявить своё отношение к теме или описываемому событию.

Лексическая языковая игра выражается в различных фразеологических трансформациях, обыгрывании известных речевых клише, песен, стихов:

1. *Пройдусь по Арболиту я, сверну на Таратыновку...* Что значит исторические названия улиц Сургута? Изучаем топонимику Сургута. Старый Сургут (21.05.2022).

2. *Он «вошёл в этот город, как входят в Мечту».* К 75-летию со дня рождения сургутского поэта Петра Суханова (18.02.2022).

3. *Наступил на те же грабли:* в Сургуте задержали наркосбытчика (14.06.2022).

4. *Синоптики: Холодный ветер с дождем усилится стократно* (27.05. 2022).

Также в медиатекстах Siapress встречается иноязычная лексика, но это не удивительно, потому что сейчас настал период «языковой глобализации». Иностранные слова, как правило, не переводятся, потому что расчёт идёт на актуальность английского языка в мире: «Что у нас было подобного крутого и прорывного? Решение, которое бы стало *game changer*’ом для региона или хотя бы Сургута? Помоему, не было» (Ничего не получается, 13.06.2022).

Вводятся ранее редко употребляемые иноязычные словообразовательные элементы, например, приставка де-: «После начала военной операции по *демилитаризации* и *денацификации* Украины у части общества возникло много вопросов относительно происходящих событий» (Военная операция в Украине – официальная позиция и ответы на вопросы, 28.02.2022).

Активно проявляет себя закон экономии речевых средств – в медиатекстах встречаются аббревиатуры:

1. Наталья Комарова презентовала югорские креативные индустрии на *ПМЭФ* (заголовок, 16.06.2022).

2. Завершается прием заявок на программу «Женщина-лидер в *УрФО*» (заголовок, 28.06.2022).

3. Инцидент произошел в гостинице «АганГрад» в Радужном, куда сотрудников ППС позвали для умирения пьяного мужчины (Житель Радужного отработает мат в адрес полицейских, 27.06.2022).

4. Работники СГМУП «ГТС» вошли в число лучших городского конкурса по оказанию первой помощи (заголовок, 24.05.2022).

Используется разговорная лексика и фразеология, что упрощает понимание читателем текста, складывается ощущение, что ты находишься на одной волне с автором, статью которого сейчас читаешь. Это характерное явление для демократизации языка. Суффикс –к(а) часто помогает добиться желаемого результата:

1. Югорчанам напомнили, как рассчитываются пени за *просрочку* коммунальных платежей (заголовок, 15.04.2022).

2. Как сильно подорожает *коммуналка* в Югре с 1 июля (заголовок, 27.07.2022).

С этой же целью используется жаргонная лексика: «Если идти по принципу количества и резонанса, так чего далеко ходить, давайте *хайпанем*, да так чтоб мало всем не показалось? И какую культуру «Югракон» воспитывает у нашей молодежи? Патриотизм у нас сегодня под гимн и поднятие флага, а воспитание под все, что привлекает внимание, и чем *хайповей*, тем лучше» (25.10.2022).

Вопрос к аудитории приглашает вместе порассуждать на данную тему, он часто встречается в заголовках медиатекстов:

1. Куда едут учиться сургутские студенты и где они живут? Рассказали эксперты «Этажей» (16.06.2022).

2. Куда нести клеща, который вас укусил? // СИА-ПРЕСС отвечает (09.06.2022).

3. Останутся ли старики и недоношенные дети в перинатальном центре без части лекарств? (заголовок, 28.06.2022).

Обращение к читателям также можно встретить в лид-абзацах: «В чем суть концепции? В целом ничего революционного, за исключением акцентированного внимания застройщика к деталям благоустройства придомовой территории» (Благоустройство «Грин Парка»: рост спроса на оставшиеся квартиры, 23.05.2022).

Экспрессивность, разговорность и диалогичность, желание подстроиться под особенности речи читателей отличает медиатексты информационно-аналитического портала «Siapress.ru. И это не случайно, так как «язык медиатекстов отвечает коммуникативным потребностям читателей, с одной стороны, отражая их языковой вкус, с другой – формируя его» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермаковская, Т. А., Сафонова, Н. Н., Руднева, О. В. Медиатекст в фокусе демократизации языка (лингвистический портрет времени) / Т.А. Ермаковская, Н.Н. Сафонова, О.В. Руднева //

- Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/35FLSK122.pdf> (дата обращения: 20.11.2023)
2. Информационно-аналитический портал Siapress.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://siapress.ru>
 3. Полонский, А. В. Язык современных СМИ: культура публичного диалога / А. В. Полонский // МИРС. – 2009. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sovremennyh-smi-kultura-publichnogo-dialoga> (дата обращения: 20.11.2023)

SUMMARY

Strozhkova Julia. Processes of democratization of language in modern media texts

The article presents an analysis of the linguistic features of modern media texts (on the example of the texts of the Surgut information and analytical portal «Siapress.ru», published in 2022) in the aspect of the democratization of the language, which manifests itself in the expressiveness, colloquialism and dialogic nature of materials, in the use of language games, abbreviations and foreign borrowings.

Keywords: media language, media text, democratization of language.

Сутормина Юлия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Арзамова О. В.

ФГБОУ ВО «Воронежский

государственный педагогический университет»,

г. Воронеж, РФ

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «ХЛЕБ»: НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Н. Н. ДОБРОНРАВОВА)

Статья посвящена изучению образа хлеба в поэтическом творчестве Н. Н. Добронравова. Рассмотрены средства создания образа, его связь с народной традицией и национальными ценностями. Определены основные темы, к которым обращается автор и с которыми связан образ хлеба.

Ключевые слова: *средства художественной выразительности, аксиологический аспект, символ.*

Для достижения выразительности речи могут использоваться различные художественные средства. Для того чтобы ярко и образно

рассказать о роли хлеба в жизни человека, видевшего войну, представить хлеб основой жизни, в том числе моральной, Н. Н. Добронравов в своем творчестве прибегает к использованию тропов, соотносит образ хлеба с национальными и общечеловеческими ценностями, подразумевающими бережное отношение к символу труда.

Образ хлеба в одноименном стихотворении Н. Н. Добронравова – центральный. Спустя годы он оказывается ярче, нежели восприятие человеком себя: «Помним в горькие годы ясней, чем себя мы». Такой вывод можно сделать, опираясь на использованное автором сравнение хлеба с внутренним миром человека. Хлеб оказывается в одном ряду с событиями и фактами военных лет, которые могли коснуться каждого:

Были равными все мы тогда перед хлебом,
Перед злым, почерневшим от «Юнкерсов» небом,
Пред воспетой и рухнувшей вдруг обороной.
Перед желтенькой, первой в семье похоронной,
Перед криком «ура», и блокадную болью,
Перед пленом и смертью, перед кровью и солью [1, 9].

Чтобы показать, что ни смерть, ни хлеб не знали «чинов и званий», поэт прибегает к использованию анафоры (перед), *которая* создает особый настрой, позволяющий почувствовать ужас военных лет. Погибнуть мог любой, а один и тот же хлеб «рубали» «и солдаты, и маршалы».

Однако равенство людей в «горькие» годы в стихотворении Н. Н. Добронравова показано не только с помощью анафоры, но и посредством антитезы, к которой поэт в произведении обращается неоднократно. «Воспетая» и «рухнувшая» оборона, крик «ура» и «блокадная боль», солдат и маршал – пары контрастных образов показывают читателю, что в военные годы люди не жили, а боролись за мир и возможность встретить новый день.

Центральный образ стихотворения Н. Н. Добронравова «Хлеб» описан как некая святыня, к которой каждый относится с благоговением: «Ели, будто молясь, доедали до крошки. / Всю войну я не помню даже корки засохшей».

Уважение людей к хлебу передано посредством сравнения «будто молясь». Лирический герой отмечает, что не было ни крошек, ни засохших корок: нельзя было отказываться или пренебрегать тем, что считалось едва ли не святыней. Хлеб в годы войны сакрален. Эта мысль является иллюстрацией мнения Т. Н. Глущенко, автора статьи «Семантика слова «Хлеб» в поэзии Алексея Решетова»: «В русской духовной культуре ..., в национальной ментальности, в повседневном быту и ... словоупотреблении макроконцепт «хлеб» несет в себе ... целый спектр значений духовного образа жизни русского народа» [3].

Композиционно стихотворение делится на две части: описание военного хлеба и того, который сделан в современное для лирического героя время. Соотношение двух частей представляет собой антитезу: «хлеб из затхлой муки, пополам с отрубями» противопоставлен «белой булки куску». И если первый воспринимается как источник жизни, то второй описан как нечто повседневное, на что указывает эпитет «вызывающе свежий» (именно «вызывающе», то есть ярко и броско) [4]. В первой части произведения выражение «Всю войну я не помню даже корки засохшей» – олицетворение благоговейного отношения к хлебу. Во второй части это же предложение в сочетании с повествованием о куске белой булки, брошенном под ноги, словно возглас непонимания или отчаяния.

«Хлеб из затхлой муки, пополам с отрубями» – это рефрен. К концу стихотворения отношение к этому образу (символу) становится критерием нравственности. Именно с хлебом поэт сравнивает моральный облик современного человека: «Мы черствуем, как хлеб, которого много». Люди наделяют образ хлеба значимостью.

Лирический герой стихотворения «Всего-то немного я видел войну...», перечисляя детали войны, наряду с замёрзшими чернилами и написанием диктанта упоминает «послевоенного хлеба ломоть». Он вместе с другими приметами «горьких лет» повлиял на становление личности героя: «Вошли в мою кровь, вошли в мою плоть, / Нелегким характером стали». Добиться подобного эффекта автору позволяет метафора: ломоть послевоенного хлеба остался в памяти лирического «я» поэта, а воспоминания, вошедшие в «кровь» и «плоть», в свою очередь, «формируют его собственный индивидуальный образ мира», в котором недопустимо неуважительное отношение к «кормильцу» [2, 79].

О становлении своего характера повествует и лирический герой стихотворения Н. Н. Добронравова «Пластинка памяти моей». Важную роль в формировании его самосознания и внутреннего мира сыграла «песня про бойца». Она была записана на пластику, которую герой, будучи мальчишкой, получил взамен буханки «хлебушка». Эта песня, лишенная фальши и акцента, водившая бойцов в бой, научила лирическое «я» автора быть честным и искренним:

Но в жизни быть самим собой

Меня она учила.

Обратим внимание на то, что стоимость этой бесценной пластинки – «буханка хлебушка», который в военные годы считался святыней [2, 79]. Уважение к нему передано посредством использования поэтом уменьшительно-ласкательной лексики (хлебушек), что позволяет лирическому герою, с одной стороны, показать хлеб чем-то родным и близким (ср. матушка), а с другой – ласково назвать то, на чем теплилась жизнь человека в годы войны, кормильца.

Чтобы показать читателю, чему равен военный рубль, лирический герой стихотворения «Военные осколки» в качестве примера приводит стоимость буханки хлеба: «Буханка хлеб – семьдесят, / Билет в театр – три». Выбор иллюстрации неслучаен: хлеб – это часть жизни лирического «я» автора, то, что помогло остаться живым в страшные военные годы.

Образ хлеба неразрывно связан с темой труда, в чем убеждает стихотворение «Постоянство». Его лирический герой «провозглашает» тост за то, что «хлеб не сможем даром есть», показывая, что хлеб – плата и награда за труд. Итак, образ хлеба наделяется особой ценностью, имеющей национальный характер.

Хлеб – символ Родины: «Мы пришли попрощаться с тобою, Россия, / С бледным небом твоим, с чёрным хлебом твоим». Именно хлеб, поля со зреющим зерном и «бледное», но дорогое сердцу небо появляются перед глазами лирического героя произведения «Ты теряешь, родная, последние силы...», когда он говорит об Отчизне.

Образ хлеба занимает особое место в поэтическом творчестве Н. Н. Добронравова. Поэт делает его многозначным. С одной стороны, хлеб делает возможным физическое существование человека. С другой стороны, хлеб становится мерилom этических принципов личности, предстает символом высокой нравственности и духовности.

Автор наделяет образ хлеба несколькими смыслами, приравнивая к символу: в военные годы хлеб выступает высшей физической и духовной ценностью, в мирное время он обесценивается. Хлеб – символ труда и России. Вкладывая в этот образ сакральный смысл, поэт заставляет задуматься о том, что является нравственной ценностью для каждого из нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добронравов, Н. Н. Светит незнакомая звезда. – Москва : Эксмо, 2005. – 384 с.: ил.
2. Казаченко, О. В. Личностные ценности как ядро индивидуального образа мира человека / О. В. Козаченко // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 78–80.
3. Семантика слова «Хлеб» в поэзии Алексея Решетова, Т.Н. Глущенко // URL: <https://uchimsya.com/a/mST33aSJ> (дата обращения: 24.08.2023).
4. Толковый словарь Ефремовой // Толковый словарь Ефремовой онлайн. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 24.08.2023).

SUMMARY

Yulia Sutormina. Linguoculturema “bread”: folk traditions and national values (based on the work of N. N. Dobronravov)

The article is devoted to the study of the image of bread in the poetic work of N. N. Dobronravov. The means of creating an image, its connection with folk tradition and national values are considered. The main topics addressed by the author and with which the image of bread is associated are identified.

Keywords: means of artistic expression, axiological aspect, symbol.

Флягина Елизавета

Научный руководитель –

к. пед. н., доц. Кузённая Т. Ф.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

г. Калининград, РФ

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ГЕРОЕВ РАССКАЗА МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ «ВАРЕНЬЕ ИЗ КАКИ»

Именно комплексные явления сферы эмоций составляют основу психологической реальности человека. Поэтому писатели всегда обращались к смешанным эмоциям, изображая внутреннее состояние героев и их мотивацию. Анализ использования данной категории поможет полноценно понять авторскую задумку и раскрыть смысл произведения.

Ключевые слова: эмоция, смешанная эмоция, эмотивность, психолингвистика, лингвистический анализ, язык.

Статья посвящена исследованию смешанных эмоций как особого типа, представляющего собой моновалентные или амбивалентные эмоции, объединенные в единое целое. Возникающие таким образом эмоциональные переживания обладают особым смысловым наполнением, изучение которого расширяет представления о воплощенном в языке внутреннем мире человека в частности и наивной картине мира в общем. «Язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [5, 59].

В современной эмотивной лингвистике анализ литературных произведений с помощью выделения и изучения природы образования таких гетерогенных эмоций – малоиспользуемый

метод исследования. А. А. Штеба рассматривает эту проблему в своих статьях, показывая тем самым, насколько актуальной она является.

Задача нашего исследования – анализ рассказа Марины Степновой «Варенье из каки», основанный на выделении базовых эмоций (по Декарту, это восхищение, любовь, ненависть, страсть, радость. По Изарду, – радость, интерес, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина) в бесконечных сочетаемостях, синтаксически оформленных в объединения номинаций эмоций и испытываемых синхронно.

«Варенье из каки» входит в сборник рассказов Марины Степновой «Где-то под Гроссето». Он состоит из историй простых людей, невычурных, незаметных, но жизни именно таких героев скрывают сильные эмоции: любовь, боль, одиночество, страх смерти и радость жизни. Все то, что и делает нас людьми.

Выбранный рассказ описывает попытки русской пары стать частью другой культуры – они, влюбленные в Тоскану, переезжают в небольшую деревню этого итальянского региона. Их брак, по сути, держится на всеобъемлющей любви к своему простодушному раю – от этого чувство любви постоянно сопровождалось чувством ужаса: Подумать только, а если мы влюбились не разом, не вдвоем, не навсегда? Они качали невидимыми головами, ужасаясь. Более того, представленный в рассказе кластер смешанных эмоций любви не ограничивается формулой любовь + ужас, параллельно с любовью герои постоянно испытывают ревность. Каждый считает, что вправе ее любить – не только они, но герои не готовы делить с кем-то свою Тоскану. Им претит поведение туристов: толпы, крики, пренебрежительное отношение к местной кухне: вместо вина, кислятины этой, они выбирают польскую водку, а вместо моцареллы, колбасок и порчини – свиные отбивные и картофель фри. Страшнее и нестерпимее всего для главных героев становятся соотечественники, потому что они могут понимать их разговоры, и это заставляет их возненавидеть свой язык и перейти на ломаный итальянский: Чур, прочь, отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь, даже от родного языка своего, от этого надоедливой сатаны. Будьте прокляты, соотечественники, изыдите. Как отмечал К. Изард, именно любовные отношения являются основой для такой широкой палитры комбинаций эмоциональных переживаний. В рассказе это любовь + ужас, страх, ревность, ненависть, нетерпение, раздражение. В данном случае доминанта смешанных эмоций положительна, но ее поликластеры преимущественно отрицательно-оценочные. А. А. Штеба утверждает, что наличие таких примеров подтверждает асимметрию языка, которая выражается в том, что отрицательно оценивающая лексика, по

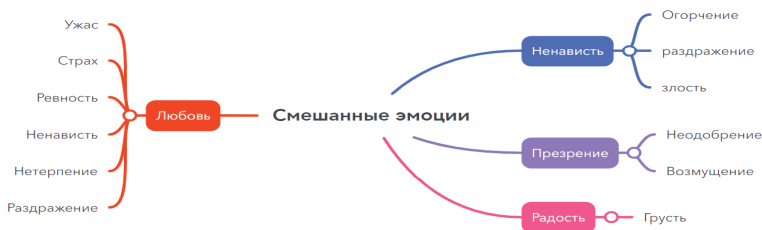
сравнению с положительно оценивающей, более разнообразна [4].

Главным героям важно стать частью итальянской культуры, они хотят, чтобы Тоскана приняла их. Сначала пару признали коты, затем местные старушки стали предлагать им купить пустующий дом по соседству, и, наконец, хозяин их любимого ресторана помнил стол, который герои облюбовали, и сам подавал им тарелки с их любимыми блюдами. Они были счастливы. Эта эмоция радости для героини слилась с другим разнополюсным эмоциональным переживанием – грустью. Она засмеялась и сразу заплакала – она всё время тут плакала». А.А. Штеба, говоря о фиксированной языковой комбинации слёзы радости, подмечает, что, хоть слезы и являются маркером отрицательного психологического или физического состояния, в данном случае они являются положительно оценочными. Это происходит благодаря взаимонаправленному влиянию компонентов этой смешанной эмоции (радость + грусть) друг на друга.

На первый взгляд может показаться, что у главных героев действительно получается влиться в маленькое общество жителей небольшой деревушки. Но как бы ни старались, они – другие. Можно отказаться от родного языка, начать пить вино, причем обязательно стоя, как настоящие итальянцы, собирать налитые солнцем теплые абрикосы, но в привычках всегда будет проявляться твоя культура. Герои выбирают не видеть, что радушие местных зачастую напускное. Да, они счастливые, совершенно счастливые, как дураки, ведь обманывают сами себя. Когда пара выносила мусор, проезжающая мимо сеньора неодобрительно посмотрела на тяжелый мусорный пакет у него в руках и возмущенно застрекотала дальше. Герои, разумеется, не знали, что итальянцы считают это женской работой, и тем самым вызвали у женщины презрение, которое выразилось в смешанной эмоции презрение + неодобрение, возмущение. Массимилиано, владелец кафе, который с виду доброжелателен к главным героям, также показывает свое истинное отношение к ним в конце рассказа. Они оставляют чаевые слишком щедрые, чтобы обрадоваться: чужое расточительство всегда обидно. Очередное проявление русского менталитета, который они пытаются в себе подавить. Надоели эти русские. <...> Приезжают и думают, раз у них деньги, они здесь свои. Гнать бы их всех. Он испытывает огорчение (поэтому щедрые чаевые кажутся ему обидными), раздражение и злость, а доминантой этой смешанной эмоции становится ненависть (ненависть + огорчение, раздражение, злость).

Выделенные в работе сочетаемости смешанных эмоций укладываются в схему:

Рис. 1. Смешанные эмоциональные переживания в рассказе

Таким образом, можно сделать вывод, что динамические характеристики эмоциональной сферы человека для творчества Марины Степновой играют особую роль. Она ставит перед собой задачу раскрыть эмоциональный мир человека через частный опыт и обобщенные ситуации, но не ограничивается базовыми эмоциями, ведь эмотивный потенциал языка практически неисчерпаем. Это доказывает, что изучение литературных произведений с точки зрения анализа смешанных эмоциональных переживаний дает возможность глубже понять психологию персонажей и также полноценно раскрыть авторскую задумку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт, Р. Страсти души / Р. Декарт // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 481–572.
2. Изард, К. Э. Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 464 с.
3. Степнова, М. Варенье из каки, 2020 // <https://www.livelib.ru/author/114112/post/53266-varene-iz-kaki> (18.11.2023)
4. ПАС – Проспект активного словаря русского языка // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010.
5. Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 59–67.

SUMMARY

Flyagina Elizaveta. Dynamic characteristics of the emotional sphere of the characters of Marina Stepnova's story «Kaka Jam»

The complex phenomena of the emotional sphere is the basis of human psychological reality. Therefore, writers have always addressed

mixed emotions when depicting the inner state of characters and their motivations. Analysis of the use of this category will help to fully understand the author's intention and reveal the meaning of the work.

Keywords: emotion, mixed emotion, emotiveness, psycholinguistics, linguistic analysis, language.

Халилова Расмия

Научный руководитель –

к. филол. н., доц. Кашкарева А.П.

БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»,

г. Сургут, РФ

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В статье рассматривается специфика имитационных игр и преимущества их реализации на уроках литературы в старших классах. Предложены и прокомментированы возможные варианты включения имитационных игр в структуру учебного занятия по предмету «Литература». Имитационная игра рассматривается авторами как ключевой способ повышения читательской активности современных школьников.

Ключевые слова: имитационные игры, урок литературы, читательская активность, старшеклассники.

Урок является основной формой организации процесса литературного образования школьников. Ещё в 1960 году Александр Трифонович Твардовский на Всероссийском съезде учителей отметил, что уроки литературы «должны быть часами воодушевления, эмоционального подъёма и <...> нравственного прозрения» [6, 336]. Педагог-словесник, современный методист С.А. Зинин утверждает следующее: «...у школьного предмета “Литература” особый статус. Это дисциплина, вбирающая в себя столь мощное духовное пространство, что кажется невозможным какое-либо оспаривание её места и роли в учебном процессе» [1, 25]. Но стоит признать, что сегодня чтение не столь популярно по сравнению с компьютерными играми и общением в социальных сетях. Согласно результатам опроса [4], который был инициирован Всероссийским центром исследования общественного мнения «Отношение российских детей и подростков к чтению» (было учтено 806 ответов современных школьников в возрасте 7-15 лет),

очевиден кризис читательской культуры, распространяющийся и на изучение литературы в школе: в период летних каникул обучающиеся читают 1-3 книги; подростки открыто заявляют о том, что не любят читать книги, и этот процесс не несёт в себе никакой пользы; кратно уменьшилось количество читающих семей; тревожным является отсутствие в семьях домашних библиотек, книг и журналов, рассчитанных для детского школьного возраста. Указанные обстоятельства определяют тот факт, что современные обучающиеся с клиповым мышлением предпочитают небольшие, понятные и синтаксически простые тексты, а произведения русской классики «выпадают» из круга их актуального чтения.

Данная проблема отражена в Концепции поддержки и развития чтения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2018 – 2025 годы (характеристика состояния чтения в стране и регионе: «падение интереса к чтению, изменение каналов получения книг и читательских практик» [2]). Кроме того, в Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации констатируется: «Фактически литературное образование столкнулось сегодня с серьезным вызовом – поиском внутренней мотивации для привлечения детей и подростков к литературе, выработкой аргументации и методик для повышения интереса к знакомству как с русской классикой, так и с наиболее значительными произведениями современной литературы» [3].

Одним из способов создания нового имиджа чтения, повышения читательской активности школьников является игровая имитационная деятельность на уроках литературы и внеклассного чтения. «На таких уроках имитируется деятельность какой-либо организации, предприятия, например, профсоюзного комитета, совета директоров и т.д. Имитироваться могут события, конкретная деятельность людей, например, деловое совещание, обсуждение плана, проведение пресс-конференции и т.д.» [5, 34].

Отметим некоторые варианты имитационных игр на уроках литературы в старших классах:

1. «Пресс-конференция с автором / литературным персонажем». Ученикам необходимо представить себя в роли журналистов, которым удалось получить аккредитацию на пресс-конференцию с известной личностью, в качестве которой может быть писатель (поэт, критик, редактор литературного журнала, литературный персонаж). Готовясь к встрече, каждому школьнику-журналисту важно письменно подготовить 3 вопроса, в ответах на которые интервьюируемый смог бы выразить свои взгляды, например, на историко-литературные и социально-политические проблемы современного ему времени.

Обучающиеся могут быть разделены на следующие группы: ведущие; интервьюеры и интервьюируемый; гости в студии; независимые эксперты; заинтересованная аудитория.

По заданию учителя классом может быть запланирована и проведена видеосъёмка мероприятия, составлен отчёт и подготовлена статья для школьных СМИ о результатах пресс-конференции.

2. «Что в сумке?». Старшеклассникам необходимо представить себя в роли музейных работников, которым необходимо организовать выставку, в пространстве которой будут представлены сумки писателей. Для организации этого культурного события стоит провести предварительную работу – создать эскизы экспонатов.

Задание может быть представлено в следующем виде:

Уважаемый сотрудник! Для организации выставки «Сумки писателей» Вам необходимо подготовить и согласовать эскиз объёмного экспоната. Укажите, что могло бы находиться в сумке (указывается фамилия писателя).

3. «Почерк героя». Перед школьниками на уроке литературы может быть поставлена учебная задача – примерить на себя роль эксперта-почерковеда. На этапе предварительной подготовки словеснику стоит познакомить обучающихся с принципами анализа почерка (графологический метод тестирования) и предложить им для выполнения задание, которое связано с реконструкцией почерка литературного героя.

Интересной и перспективной видится работа по воссозданию почерка какого-либо писателя. Особенно это важно, если в арсенале учителя-словесника имеются архивные материалы – письма, дневники, заметки и т.д. Сравнивая полученные старшеклассниками результаты с реальным почерком конкретного литературного деятеля, можно будет обоснованно прокомментировать особенности его характера и мироощущения.

Таким образом, *игровая деятельность может стать органичной частью урока литературы, формой организации занятия, а может стать началом коллективного творческого дела.* Сегодня главной ценностью образования является формирование умения использовать информацию из текста (в контексте читательской грамотности), т.е. фактически, обладая этим умением, школьник расширяет спектр практического применения полученных знаний, становится способным к самообразованию, где чтение – это возможность. В этом смысле очевидна цель имитационной игры – вызвать интерес к учению и чтению, книге и слову. Вложив образовательное содержание в игровую оболочку, можно преодолеть одну из ключевых проблем современной методики преподавания литературы в школе – снижение мотивации обучающихся к читательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинин, С. А. Литература в школе или школа без литературы? / С. А. Зинин // Литература в школе. – 2009. – № 9. – С. 23–26.
2. Концепции поддержки и развития чтения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2018–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: https://okrlib.ru/sites/default/files/docs/2023/koncepciya_podderzhki_i_razvitiya_chteniya.pdf (дата обращения 23.11.2023).
3. Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKHYKTXDmFlMAAOd.pdf> (дата обращения 12.11.2023).
4. РГДБ представила результаты опроса по проблемам детского чтения / Год литературы. – 2021 [электронный ресурс]. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/12/01/rgdb-predstavila-rezultaty-oprosa-po-problemam-detskogo-chteniya> (дата обращения 12.11.2023).
5. Русский язык и литература в школе: современные формы активизации деятельности обучающихся. Материалы к урокам: методическое пособие для учителей общеобразовательных школ / Н.Н. Сафонова, А.П. Кашкарева, Т.А. Ермаковская, Е.В. Параскева; Департамент образования и науки ХМАО – Югры, Бюджетное учреждение высшего образования ХМАО – Югры «Сургутский государственный педагогический университет». – Сургут : РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2023. – 105 с.
6. Твардовский, А. Т. Преподавание литературы – творческое дело (речь) // А. Т. Твардовский. Собрание сочинений в шести томах. – Т. 5. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 335–345.

SUMMARY

Rasmia Khalilova. Simulation games in literature lessons in the context of increasing reading activity of high school students

The article discusses the specifics of simulation games and the advantages of their implementation in literature lessons in high school. Possible options for including simulation games in the structure of a lesson in the subject “Literature” are proposed and commented on. The authors consider the simulation game as a key way to increase the reading activity of modern schoolchildren.

Keywords: simulation games, literature lesson, reading activity, high school students.

Хачатурова Марина
Научный руководитель –
к. пед. н., доц. Кузённая Т. Ф.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, РФ

ОТРАЖЕНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БОГАТСТВЕ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Неизменяемость пословиц и поговорок с течением времени позволяет анализировать отраженный в них культурный код. Представления о богатстве основываются на дихотомии «мое – чужое». Эти представления по своей природе амбивалентны и раскрываются по оси «богатство материальное – богатство нематериальное».

Ключевые слова: *богатство, пословицы и поговорки, фразеология, антропный код, культурный код.*

Необходимость описывать некогда непонятный людям мир дает возможность современному человеку, анализируя язык, приоткрыть тайну прошлого. Языковая картина мира, сложившаяся много веков назад, до сих пор определяет мышление, которое зафиксировано не только в отдельных словах, но и в их сочетаниях. «Русская фразеология формируется в контакте с другими языками, при этом культурная информация и ценностные смыслы, содержащиеся в ней, показывают уникальность конкретной культуры» [4, 15].

Фразеология актуальна как авторитетный источник при анализе кодов культуры, поскольку статичная форма устойчивого выражения, даже при вариативности, не допускает существенных изменений, тем самым как бы «консервируя» код во внутренней форме. По определению академика В. В. Виноградова, «фразеологическая единица (фразеологизм или фразеологический оборот) – это лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [2, 145]. Актуализированные в речи фразеологизмы, как правило, понятны носителю языка без объяснений, хотя дословное их понимание порой лишено логики.

Наиболее употребительными элементами фразеологии в широком ее понимании являются пословицы и поговорки. Лингвистический энциклопедический словарь дает следующие определения: Пословица – «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа;

имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [5, 389].

Поговорка – «краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [5, 379].

По мысли В. Н. Телия, «в сознании человека реальный мир дан в какой-то мере таким, каким он отражается в языке, и каждый язык отражает реальный мир по-своему, складывает свою картину мира, определяющую особенности национального мировидения» [1, 11].

Торгово-денежные отношения в культуре складываются уже на ранних этапах становления общества. Деньги – универсальная мера для всего, что только может быть нужно человеку, поэтому они занимают особое место в культурном коде. Их наличие или отсутствие, определяет место в социальной иерархии, которая диктует образ жизни и быт. Однако значительный пласт во фразеологии, включающей в себя денежный код, представляют сочетания, характеризующие финансовое положение – богатство или бедность. Эти архетипические понятия представляют оппозицию «наличие – отсутствие», которую можно трактовать как дихотомию «мое – чужое».

В настоящем исследовании мы остановимся на категории «Богатство». Ключевой мотивацией для подбора материала является наличие в качестве компонентов фразеологизма лексем *достаток, богатство, деньги, мошна, мешок, земля, амбар*. Особое значение имеет лексема *хлеб* при обозначении богатства человека. Хлеб является основой крестьянской жизни, а также значимым образом в Христианстве. Хлеб в народном сознании становится мерилom достатка, но не излишества.

Большая часть фразеологизмов, в которых обнаруживается семантика избытка и богатства в контексте русской культуры приобретает однозначную негативную коннотацию. Излишество не воспринимается ни как физическое, ни как духовное благо, напротив, становится тяжким бременем, приносящим обладателю лишь тяготы и горе: *Деньги – забота, мешок – тягота; Богатому не спится: богатый вора боится; Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах; Через золото слезы льются* [3]. Деньги развращают человека, из-за них он забывает об истинных ценностях и помнит только материальную сторону жизни. Состоятельность перестает быть средством достижения цели, а превращается в саму цель, то есть накопление ради накопления.

Несчастье, сопутствующее деньгам, во фразеологии представлено проблемой не одного, но многих. Это беда, затрагивающая окружающих и, в первую очередь, семью: *Богатство родителей –*

порча детям (или: кара детям). Отец богатый, да сын неудатный. У богатого черт детей качает [3].

Образ богатого человека часто рассматривается сквозь призму христианского сознания. В православной мысли человек должен стремиться к спасению души, для него в приоритете находится духовное начало, а не материальное. Деньги соотносятся с Адом и бесовским началом, а обладающий ими обречен на погибель: *Пусти душу в ад, будешь богат; Богатому черти деньги куют; Копил, копил, да черта и купил; Грехов много, да и денег вволю.*

Однако в народном создании финансовое благополучие, по сути своей, не представлено как исключительно отрицательное явление. Рубль – это благо, которое соотносится со спокойной жизнью. Нет ничего плохого в накоплении денег и бережливости, особенно когда это не перерастает в скупость: *Хлебу мера, а деньгам – счет; Не считанной тысячи в итоге нет; Не ворохом деньги принимают; Деньга на деньгу набегают* [3]. Идея богатства отделяется от самих денег: *Не в деньгах счастье, а в их разумном использовании.*

Ключевым фактором для понимания культурной основы является соотнесенность денег с землей и земледелием, а также с одним из основных символов православного сознания – с хлебом: *земля — полная мошина; худая земля — пустая мошина; Тоц хвоиц, а колосянка (хлеб) дородна; Стали дела наши поправляться: стало земли от семян оставаться; Каково в анбаре, таково и в кармане* [3]. Человека кормила земля, от ее богатства зависело не только благополучие семьи, но и сама возможность пережить тяжелые времена. Богатый человек не только тот, у которого в сундуке много монет, но и тот у которого дородная земля, способная прокормить его.

В русской культуре отражено глубокое понимание богатства. Народное сознание точно определяет как положительные, так и отрицательные характеристики этого явления. Богатый человек плох, когда он жаден. Во фразеологии отражена связь разума и денег, которые открывают почти все двери: *Стоит крикнуть да денежкой брякнуть – все будет; Копейка обоз гонит; Дураку мука, умному честь (т. е. деньги); Без хозяина – деньги черепки; Не штука деньги, штука разум* [3]. Деньги только средство, которое в руках знающего человека становятся могучей силой. Мы понимаем, что наши предки осознавали ценность разума. Тогда ответить на вопрос, кого можно считать богатым человеком, непросто.

Как альтернатива серебру и злату предлагаются нематериальные качества: добро, мастерство, воля и труд. Богатый человек, в первую очередь, богат внутренне, в его руках дело спорится, а сам он живет по чести: *Не хвались серебром, хвались добром; Золото – не золото, коль не было под молотом; Сам с воробья, а сердце с кошку; Не*

то хорошо, что хорошо, а то, что нравно; Воля и труд дивные всходы дают [3]. Специфика денежной состоятельности именно в разносторонней оценке, она может быть и хорошей, и плохой, и спорной. Богатство хорошо, потому что оно связано с умом владельца, это он его наживает и использует во благо.

Характерно при этом, что встречается ряд устойчивых выражений, построенных на антитезе. Противопоставление богатства и бедности типично для русской фразеологии, однако в данном случае прослеживается разделение на «богатство материальное – бедность – богатство нематериальное», при этом эти представления о богатстве неэквивалентны. Нравственные характеристики оцениваются «дороже»: *Шуба овечья, да душа человеческая; Денег ни гроша, да слава хороша; Гол, да не вор; беден, да честен; Лучшие нищий правдивый, чем тысячник лживый* [3].

Денежный код культуры, отраженный в категории «Богатство», выявляет сложность человеческих взаимоотношений, в которых редко все делится на черное и белое. Понимание этих категорий позволяет понять скрытую амбивалентность, казалось бы, обыденных вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 784 с.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Флинта : Наука, 1997.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 432 с.
4. Кузенная, Т. Ф. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: “свой” vs “чужие” / Т. Ф. Кузенная, В. Д. Лебедева // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 15-22. – DOI 10.18721/JHSS.14202. – EDN KIVDMS.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.: табл. – Указ.: с. 627–707.

SUMMARY

Khachaturova Marina. Reflection of archetypal notions of wealth in proverbs and sayings of the Russian language

The immutability of proverbs and sayings over time makes it possible to analyze the cultural code reflected in them. The concept of wealth is based on the dichotomy of “mine is someone else’s”. These ideas are

ambivalent in nature and are revealed along the axis “material wealth – immaterial wealth”.

Keywords: wealth, proverbs and sayings, phraseology, anthropic code, cultural code.

Шампорова Полина

Научный руководитель –

к. филол. н, доц. Мартянова В.Н.

ФГБОУ ВО «Глазовский государственный

инженерно-педагогический университет им. В.Г. Короленко»,

г. Глазов, РФ

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ УДМУРТИИ В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ

Статья посвящена сопоставительному анализу лексики, отмеченной в современном русском говоре Удмуртии, и лексики, зафиксированной в своё время словарём В.И. Даля. В статье описывается тематическая наполняемость данной лексики, сохранившейся спустя более полутора веков со времени её первой фиксации, а также раскрывается возможность работы с ней на уроках русского языка в школе.

Ключевые слова: *В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, диалект, диалектная лексика, диалектизмы, говоры, социальное воспитание.*

Актуальность работы состоит в том, что диалектная лексика, существующая в русском говоре деревни Киршонки Бalezинского района УР несколько столетий обозначает понятия, явления, действия, связанные с особенностями жизни народа: с их традиционной народной духовной культурой, обычаями и т.д., то есть данная лексика – тот материал, на котором можно строить социальное воспитание подрастающего поколения [2, 1]. Кроме того, в статье отводится особое место словарю В.И. Даля как уникальному средству знакомства обучающихся с русским миром вообще и с русским говором д. Киршонки Бalezинского района УР в частности.

Общей диалектной лексикой для словаря В.И. Даля и русского говора деревни Киршонки являются диалектизмы. Во-первых, это диалектизмы, обозначающие предметы быта (*ба^{то}г* («палка для ходьбы»), *вехо^тка* («мочалка»), *го^лик* («веник для полов»), *песте^рь* («плетёная корзина, носимая на спине»), *де^жи* («двухметровые деревянные ёмкости, в которых замешивали тесто на хлебопекарне»), *кош^овка* («деревянные сани с бортами»),

кринка («сосуд для молока») **рукотёрник** («полотенце»), **грёбень** («расчёска»).

Во-вторых, это названия инструментов, предметов домашней утвари: **трепало** («дощечка для трепания льна»), **корчага** («большой глиняный горшок для нагревания воды, варки пива, кваса, браги, хранения муки, круп»), **ситиво** («плетенное из бересты большое лукошко с лямкой на шее для ручного посева зерна»), **лазун** («бочонок для перевозки воды»), **рубель** («деревянная дощечка с вырубленными поперечными желобками для катания белья»), **сёльница** («корытце с высокими бортиками, над которым просеивали муку»), **щеть** («расческа из щетины, использовавшаяся для чесания льна»), **дресва** («крупный песчаный камень, легко поддающийся измельчению и которым раньше мыли деревянные некрашеные поверхности – пол, лавки, стены»), **мутовка** («деревянная палочка с сучками на конце для взбалтывания, размешивания или взбивания вручную различных жидкостей и смесей»), **топник** («глиняный сосуд для топления масла»), **красна** («ткацкий станок»), **коточик** («железный неострый крючок с деревянной ручкой для плетения лаптей»).

В-третьих, мы выделяем группу слов, обозначающих пищу: **кислянка** («щавель»), **пикан** («борщевик»), **пёстики** («полевой хвощ»), **сусло** («напиток из пророщенной ржи»), **бурда** («некачественное питьё, пойло»), **шаньга** («ватрушка с какой-либо начинкой»), **рыбник** («пирог с рыбой»), **обабок** («подберёзовик»), **варево** («пицца»). В-четвёртых, многочисленной является группа слов, характеризующих человека: **вахлак** («грубый, необразованный, неотёсанный человек»), **каганька** («дитя, младенец»), **родиха** («женщина-роженица»), **нюня** («плакса, рёва»), **лекарка** («знахарка, женщина, которая лечит больных травами»), **ротозей** («разиня, зевака»), **ярыга** («пьяница»), **ослух** («непослушный человек»). Также выделяются группы существительных, называющие предметы одежды (**голицы** («рабочие рукавицы»), **дубас** («женский безрукавый рабочий сарафан толстого холста»), **запон** («фартук»), **станушка** («подол, пришиваемый к рубаше»), **обушки** («обувь»), **одежда** («одежда»); части тела (**накиа** («рука»), **шары** («глаза»); праздники, значимые даты (**говеньё** («пост, когда не едят мясо, молоко, яйца»), **страда** («время посева, сенокоса, уборки урожая»); части, постройки дома (**гумно** («помещение, сарай для сжатого хлеба, площадка для молотбы»), **полати** («настил под потолком»), **божничка** («полка в «красном углу» для икон»), **костёр** («складное деревянное приспособление, имеющее форму русской печи»), **мост** («большие сени, место между домом и крыльцом»)).

Следующий пласт лексики, который встречается и в русском говоре Удмуртии и в словаре В.И. Даля – это глаголы, т.е. слова, обозначающие действия: **артачиться** («упрямиться, противиться,

нелушаться, несоглашаться»), **бара́баться** («возиться, заниматься делом»), **буровить** («комкать, сминать»), **вечеровать** («заниматься каким-то делом вечером, проводить вечер»), **вои́каться** («делать что-либо медленно, неторопливо, неспешно»), **гаркать** («громко звать, говорить, кричать»), **гляну́ться** («нравиться»), **елозить** («ползать, ёрзать, суетиться, вертеться»), **ерепе́ниться** («упрямиться»), **жамкать** («жать что-либо руками»), **зы́рить** («смотреть, высматривать»), **изнахратить** («испортить, истаскать, износить»), **калякать** («разговаривать, беседовать»), **колошматить** («бить, ударять»), **копнить** («сгребать вилами сено в большие кучи»), **кочевряжиться** («капризничать, притворяться, не соглашаться»), **куко́житься** («е́житься от холода»), **куме́кать** («соображать, думать, рассуждать»), **лопать** («много есть»), **мусо́лить** («пачкать чем-либо жирным, невымывающимся»), **обихаживать** («прибираться, наводить порядок»), **облапо́шить** («обмануть, оставить в дураках»), **слямзить** («украсть»), **торкать** («стучать, дергать, толкать»), **трескать** («принимать пищу наспех, в большом количестве»), **тырить** («красть, стащить»), **фуфы́риться** («дуться, сердиться»), **харахориться** («дерзко, вызывающе хвалиться, выпячиваться, выпендриваться»), **хрпать** («громко стучать, бросать»), **швы́ркать** («фыркать, сопеть»), **швы́ряться** («бросаться, кидаться»), **шебариа́ть** («издавать звуки при действии, громко возиться»), **шлында́ть** («ходить без дела, шататься»), **шорка́ться** («тереться в бане мочалкой»).

Многие диалектизмы-прилагательные русского говора д. Киришонки также в середине 19 века были отмечены В. И. Далем. Это слова: **баско́й** («красивый, видный, привлекательный»), **вёрткий** («юркий, шустрый, быстрый, расторопный человек»), **ди́коша́рый** («дикий, сумасшедший»), **махо́нький** («маленький»), **могу́тний** («сильный, крепкий, здоровый»), **морно́й** («привередливый в пище, разборчивый, капризный»), **рахманно́й** («вялый, хилый»), **ядро́ный** («крепкий, здоровый»).

Помимо названных групп выделяется также группа наречий: **ба́льно** («очень, сильно»), **да́ве** («недавно, не так давно»), **за́втра** («завтра»), **зага́тно** («богато»), **за́раз** («мигом, в один раз, разом»), **на карачках** («на четвереньках»), **на́прямки** («напрямую»), **насу́против** («напротив чего-либо»), **нау́скоре** («спешно, скоро, быстро, второпях»), **но́не** («в настоящее время»), **оди́нова** («один раз, однажды»), **по́наче** («получше»), **се́дни** («сегодня»), **хо́дко** («быстро идти»), **ши́бо** («сильно, очень, весьма»); междометий: **а́йда** («давай, идем, скорей; призыв к действию, побуждение»).

Этим диалектизмам предрекали «скорую смерть», но они сохранились, т.к. люди до сих пор пользуются некоторыми предметами, инструментами в повседневной жизни, названными указанными словами.

В современной деревне Киршонки имеются жители, которые, понимая ценность местной речи, сохранившей лексику, известную ещё в 16–19 веках, пытаются сохранить её для потомков, поэтому ими создаются книги, сборники стихов, в которых отражена диалектная лексика, своими корнями уходящая в прошлые столетия. Так, Сабурова Т.Л. [4, 1] написала книгу «Всё в человеке от родины», в которой она подробно описывает особенности русского местного говора и составляет словник, состоящий из 218 слов [4, 78-84]. Кроме того, в сборнике стихов Лузянина В.И. [3, 1] также имеется местный лингвистический материал, который может быть рассматриваемым на уроках русского языка в школе. Его сборник стихов «На семи ветрах», который посвящён философским размышлениям о боге, о человеке, о любви и грусти, а также содержит в себе заметки о природе, о бережном отношении к ней, что позволяет воспитывать у обучающихся чувство отчизнолюбия.

Таким образом, диалектная лексика русского говора деревни Киршонки Бalezинского района УР, сопоставленная с лексикой словаря В.И. Даля, может быть материалом, имеющим огромный потенциал для воспитания у школьников патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы отечественной теории и практики социального воспитания подрастающего поколения».
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1-4 / В. И. Даль. – Терра, 1995.
3. Лузянин, В. И. На семи ветрах./В. И. Лузянин / МБУК «Бalezинская районная библиотека».-2023.
4. Сабурова, Т. Л. Всё в человеке от родины / Т.Л. Сабурова. – МБУК «Бalezинская районная библиотека», 2022.

SUMMARY

Polina Shamporova. Dialect vocabulary of Russian dialects of Udmurtia in the dictionary of V. I. Dahl

The article is devoted to a comparative analysis of the vocabulary noted in the modern Russian dialect of Udmurtia, and the vocabulary recorded at the time by the dictionary of V. I. Dahl [2, 1]. The article describes the thematic content of this vocabulary, which has been preserved more than a century and a half since its first fixation, and also reveals the possibility of working with it in Russian language lessons at school.

Keywords: V. I. Dahl, Explanatory dictionary of the living Great Russian language, dialect, dialect vocabulary, dialectisms, social education.

Щур Екатерина
Научный руководитель –
д. филол. н., доц., проф. Балко М. В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»,
г. Горловка, ДНР, РФ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Орфографические и графические нормы русского языка сформировались в результате нескольких реформ письменности и являются самодостаточной, стройной системой. Однако заметны такие тенденции в сфере орфографии и графики новейшего этапа развития русского языка, которые могут свидетельствовать о её дестабилизации.

Ключевые слова: орфография, графика, языковая норма, эрратив.

Современная русская орфография и графика, включающая 33 буквы, появились в результате нескольких крупных реформ письменности и превратились в самодостаточную и весьма стройную систему [2, 103], характеризующуюся такими основными признаками, как буквенно-звуковой тип письма и фомоморфемный и слоговой принципы орфографии. Однако становление этой системы было достаточно сложным. В её истории немало спорных вопросов и, следовательно, актуальных для исследования проблем.

Русское письмо до начала XVIII в. развивалось преимущественно стихийно, а с начала XVIII в. – в порядке осуществления государственных реформ (петровская реформа 1707–1710 гг. и советская реформа 1917–1918 гг.).

29 января (09 февраля) 1710 г. считается датой завершения петровской реформы письма: царь утвердил гражданский алфавит и шрифт. При этом в церковной практике продолжали пользоваться старым алфавитом.

Первыми кодификаторами русской орфографической и графической нормы можно считать В. Е. Адодурова, подготовившего полную грамматику русского языка [1], и В.К. Тредиаковского [2]. Однако основы теории русской орфографии были озвучены Я.К. Гротом в работе «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великаго доннынѣ» [2] и нормативном справочнике «Русское правописание» [6]. Лишь с этого времени орфографические нормы стали обязательными для носителей русского языка.

В 1904 г. при Академии наук образована специальная комиссия, исполняющая задачу упрощения правописания. Изменения, обоснованные в 1904 и 1912 годах орфографической комиссией Академии наук, прежде всего, касались букв-дублетов, а также архаичных грамматических форм. Рассматриваемая реформа во многом была прогрессивна, поскольку избавила русское правописание от наиболее устаревших элементов.

10 октября 1918 г. подписан декрет «О введении новой орфографии». Суть реформы состояла в облегчении орфографических правил. В то же время немало орфографических проблем осталось нерешёнными и продолжало интересовать учёных, педагогов и чиновников на протяжении 1930-1960-х годов.

Появлению орфографических «законодательных актов» предшествовала колоссальная работа на протяжении нескольких десятков лет, результатом которой стало издание (в 1955 году) и утверждение (в 1956 году) Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования «Правил русской орфографии и пунктуации» [12]. Этот свод правил признан обязательным для всех, пишущих на русском языке. В это же время был подготовлен и издан под редакцией С. Ожегова и А. Шапиро «Орфографический словарь русского языка с приложением правил орфографии» [14]. Эти официально утверждённые на государственном уровне научные труды установили нормы русской орфографии и пунктуации. При всей их значимости «Правила...» не являются идеальными, в частности, они содержат немало норм, основанных на историческом принципе. Нормирование орфографии 1956 года показало, в каких улучшениях оно нуждается в дальнейшем.

С 1962 года проект обсуждался в журналах «Русский язык в школе», «Вопросы культуры речи» и в «Учительской газете», спустя два года дискуссия в печати прекратилась, осуществление проекта решили закончить на специальном заседании отделения литературы и языка президиума Академии наук СССР. После 1964 года комиссия не собиралась и была закрыта в 1969 году, после смерти академика В.В. Виноградова. После этого появилась фундаментальная историческая работа, выполненная по заданию комиссии, – «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)» [12].

Новейший этап становления норм орфографии можно определить как переходный. В Российской академии наук работает орфографическая комиссия, но нет органа, контролирующего нарушение языковых норм в сфере рекламного бизнеса или СМИ, однако данная проблема – это, прежде всего, проблема социальных институтов, точнее сферы образования.

Русское письмо – неотъемлемая часть общенациональной культуры, достаточно консервативная, при этом его также коснулась динамика рубежа XX-XXI веков, вследствие чего СМИ и интернет-пространство стали источниками языковых норм, сменив на этой позиции русскую литературу.

Динамические процессы русского языка изучаются в трудах таких лингвистов, как Н.С. Валгина («Активные процессы в современном русском языке» [9]), Л.П. Крысин («Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков» [17]), Н.В. Юдина («Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?» [21]) и др.

На наш взгляд, современную русскую орфографию и графику целесообразно квалифицировать как саморазвивающуюся систему [21], которая подстраивается под основные законы языкового развития, письменный узус.

Интенсивная динамизация в орфографической и графической системе современного русского языка проявляется в демократизации и демократизации русского письма. С.М. Кузьмина утверждает, что «общая раскованность языка нашего времени, ...характеризующая разные языковые ярусы, сказывается и на письме и проявляется прежде всего в вольном обращении с правилами, а нередко и в игнорировании их» [12, 408].

Наиболее очевидны следующие **тенденции в сфере орфографии и графики новейшего этапа развития русского языка:**

- появление немалого количества орфографических ошибок в печатных изданиях, рекламных текстах, вызванных невнимательностью авторов текстов, недостаточными знаниями орфографических правил и отсутствием специальной корректуры;

- систематическое расхождение между кодифицированными вариантами правописания и орфографической практикой в некоторых сложных случаях, таких как слитно-дефисное написание слов (особенно наречий), написание *НЕ* с различными частями речи;

- крайне несистематическое использование, а иногда игнорирование буквы Ё в печатных текстах;

- несформированность орфографической нормы и появление орфографической вариативности в недавно заимствованных словах, например, *VIP-зона* и *vip-зона*, *ди-джей* и *DJ* и под.;

- усиление личностного начала в языке и, как следствие, апеллятивно-экспрессивной функции, что находит отражение в фактах авторской орфографии, т. е. намеренном отступлении от орфографической нормы, выражающем особые цели или пристрастия пишущего.

Как утверждают некоторые лингвисты (например, [2]), «Правила русской орфографии и пунктуации», действующие с 1956 года,

нуждаются в обновлении с учётом изменений, произошедших за последние полвека.

Неслучайно в 90-е годы XX в. Орфографической комиссией при Отделении литературы и языка РАН под руководством В.В. Лопатина был предложен к общественному обсуждению проект новой редакции свода правил русского правописания. Этот проект предполагал ряд изменений, направленных на отказ от некоторых исключений из правил и снятие противоречий между действующими правилами и орфографической практикой без радикальной трансформации основ правописания. Хотя следует отметить, что среди членов Орфографической комиссии были и другие мнения относительно концепции изменений. После длительной научной и общественной дискуссии изменения всё же не были приняты.

Несмотря на то, что орфографическая система стремится к стабильности и крайне сложно поддаётся изменениям, на всех этапах её становления и развития она характеризовалась вариативностью. На сегодняшний день также немало слов и словоформ сохраняют вариативные написания: *матрас* и *матрац*, *изюбр* и *изюбрь*, *строгать* и *стругать* и т. д. Некоторые учёные при этом (см. работы А.Н. Долгенко и М.С. Косыревой [7], А.И. Дунева [9] и др.) подчёркивают, что на новейшем этапе развития орфографической системы отчётливо проявляется не столько вариативность, сколько орфографическая дестабилизация.

На наш взгляд, от проявлений орфографической дестабилизации следует обязательно отграничивать примеры языковой игры, которую на сегодняшний день рассматривают как эквивалент разговорной речи (И.А. Каргаполова [10]), лингвистический эксперимент (М. Ягелло [21]), выражение комического (А.В. Карасик [10]), средство высвобождения аффекта (В.И. Шаховский [19]) и т. д., но наиболее распространённой является концепция языковой игры как преднамеренного нарушения языковых норм [7; 17]. Преднамеренность отклонения от языковых предписаний здесь играет ключевую роль, и языковая игра в этом случае противопоставляется ошибке как непреднамеренному нарушению норм. Р.А. Воронин, описывая данную концепцию языковой игры, обращает внимание на замечание В.З. Санникова о двустороннем характере этого явления: не только адресант, но и адресат сообщения, содержащего нарушение нормы, должен осознавать умышленность деструкции, иначе он не сможет вскрыть интенцию автора и не вступит с ним в игру [4].

Ярким примером языковой игры как преднамеренного нарушения языковых норм являются эрративы, которые всё активнее в последнее время употребляются в русской письменной речи, в частности, в интернет-дискурсе (*яжмать*; *нимагу*, *я жи деффочка*; *йащитаю*), публицистике (печатные издания «Газета Городских Новостей Pro

*Город-тв Казань», «Wood-мастер», «Горпроект»)), художественной литературе (Это женское умение, Словно **тыщу** лет назад, Странно и одновременно Ждать, молить и ускользать Р. Рождественский), ономастиконе (название книги Н. Давыдовой «#Прессуйтело. Строй счастье своими руками», магазин «МужЫк»)).*

ЛИТЕРАТУРА

1. Адодуров, В.Е. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», или «Первые основания русского языка» / Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Каф. немецкой филологии ; [подгот.: А.А. Ветушко-Калевич и др.] ; отв. ред.: К.А. Филиппов, С.С. Волков ; отв. секретарь Н. В. Карева. – Санкт-Петербург : Наука : Нестор-История, 2014. – 253 с.
2. Букчина, Б.З. «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и орфографическая практика / Б. З. Букчина // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1974. – Т. 33. – № 1.
3. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и специальностям / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 302 с.
4. Воронин, Р.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) / Р.А. Воронин // Филологические науки. – 2015. – № 7 (9). – С. 1352–1361.
5. Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Я.К. Грот ; под ред. К.Я. Грота. – 5-е изд. – М. : URSS, 2010. – 401 с. – (Лингвистическое наследие XIX века)
6. Грот, Я.К. Русское правописание : Руководство, сост. по поручению 2-го Отд-ния акад. наук, акад. Я.К. Гротом. – 6-е изд. – Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1887. – XII, 120, XL с.
7. Данилевская, Н.В. Языковая игра / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта: Наука, 2011. – С. 657–660.
8. Долгенко, А.Н. Основные факторы орфографической дестабилизации / А.Н. Долгенко, М.С. Косырева // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 5 (67). – С. 30–34.
9. Дунев, А.И. Авторские интенции в орфографическом словаре / А.И. Дунев // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 115–123.
10. Карасик, А.В. Типы юмористического речевого действия / А.В. Карасик // Языковая личность: Проблемы креативной семантики. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 134–142.

11. Каргаполова, И. А. Лингвистические и социокультурные факторы лудического речевого поведения : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дисс. на соискание учёной степени доктора филологических наук / И. А. Каргаполова; ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена». – Санкт-Петербург, 2008. – 483 с.
12. Кузьмина, С.М. Активные процессы в области русского письма / С.М. Кузьмина // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 397–412.
13. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII–XX вв.) / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; [Отв. ред. акад. В. В. Виноградов]. – М. : Наука, [Ленингр. отделение], 1965. – 500 с.
14. Орфографический словарь русского языка : 110000 слов / [под ред. С.И. Ожегова и А. Б. Шапиро] ; Академия наук СССР. Ин-т языкознания. – М. : ГИС, 1956. – 1260 с.
15. Правила русской орфографии и пунктуации : утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. – М. : Учпедгиз, 1956. – 176 с.
16. Разговоръ между Чужестраннымъ человекомъ і Россійскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи / Сочиненъ Васильемъ Тредіаковскимъ, Профессоромъ елоквенціи въ Санктперербургѣ при Імператорской Академіи наукъ, 1748 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kp.rusneb.ru/item/material/razgovor-mezhdu-chuzhesttrannym-chelovekom-i-rossiyskim-ob-ortografii-starinnoy-i-novoy-i-o-vsem-chto-prinadlezhit-k-sey-materii> (дата обращения: 24.10.2022 г.).
17. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
18. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков : монография / Российская академия наук [РАН]. Институт русского языка им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Л.П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 709 с.
19. Шаховский, В.И. Эмоции и коммуникативное игровое пространство / В.И. Шаховский // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 46–56.
20. Шубина, Н.Г. Историческое развитие русской графики в аспекте реформ орфографии русского языка / Н.Г. Шубина // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2016. – № 12 (67). – С. 103–109.
21. Щур, Е. А. Русская орфография и графика как саморазвивающаяся система / Е.А. Щур // Лингвистические исследования и

их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : Материалы III Международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 22 мая 2020 года. – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2020. – С. 69-75.

22. Юдина, Н.В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке : «Человек» и «Закон» / Н.В. Юдина // СибСкрипт. – 2016. – №3 (67). Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-orfografiya-i-punktuatsiya-v-xxi-veke-chelovek-i-zakon> (дата обращения: 24.10.2022).
23. Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? : монография / Н.В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 292 с.
24. Ягелло, М. Алиса в стране языка: Тем, кто хочет понять лингвистику / М. Ягелло. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 186 с.

SUMMARY

Ekaterina Shchur. The history of the formation and current trends in the development of the spelling and graphic system of the Russian language

The spelling and graphic norms of the Russian language were formed as a result of several writing reforms and are a self-sufficient, harmonious system. However, there are noticeable trends in the field of spelling and graphics of the latest stage of the development of the Russian language, which may indicate its destabilization.

Keywords: spelling, graphics, language norm, errative.

Юрчук Ксения

Научный руководитель –

старший преподаватель Мозила С.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

г. Донецк, ДНР, РФ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА. ТЕОРИЯ ТЕКСТА

Многообразие подходов к изучению текста обусловлено сложностью его структурной, семантической и лингвистической организации, а также его связью с автором и читателем как составной частью литературно-эстетической коммуникации, отражающей действительность и обладающей знаковым характером.

Ключевые слова: *аспект, текст, исследование, анализ, субъект, адресат.*

На сегодняшний день исследования текста обрели особую **актуальность** благодаря широкому научному интересу, сосредоточенному на этой теме. За последние годы текст стал предметом многогранных исследований, однако остаются многочисленные нерешенные проблемы, что способствует радужным перспективам дальнейшего исследования в области текстов в целом.

Основной **целью** данного исследования является выявление и объяснение сущности функциональных и прагматических аспектов текста. В процессе работы необходимо понять суть изучаемых аспектов текста и развить навыки теоретически обоснованного анализа текстов.

Стоит **задача** разобраться в теме аспектов изучения текста, выработать навыки теоретически обоснованного анализа текстов.

Необходимость многоаспектного подхода к изучению текста несомненна, однако можно выделить основные аспекты, которые связаны с характеристикой текста как цельного литературного произведения и как динамической коммуникативной единицы высшего уровня. Понимание текста как «действующего текста» приводит к акцентированию его функционального аспекта, а фокусировка текста на коммуникативный процесс подчеркивает важность прагматики текста.

Функциональный анализ предусматривает учет предварительной обусловленности авторского выбора средств выражения смысловой структуры текста, а также его жанровой ориентации. При этом выбор типа и жанра текста определяется условиями реальной коммуникации. Функциональный анализ также учитывает как экстра-, так и интратекстовые характеристики.

При функциональном анализе учитывается и авторское отношение к передаваемой информации, и его намерения и прочее. Функциональный анализ позволяет выйти за рамки просто лингвистической характеристики текста и провести анализ понятийных категорий, таких как «пространство» и «время». При этом он выявляет значение этих категорий в контексте текста. Функциональный анализ помогает также выявить соотношение между значением языковых единиц и их смыслом в тексте. Различие между понятиями «значение» и «смысл» является существенным при анализе текста, так как оно выходит на его содержательные характеристики.

Прагматический анализ текста продолжает и развивает функциональный анализ. Прагматика изучает функционирование

языковых знаков в речи, а слово «прагматика» происходит от греческого слова «*pragmatos*», что означает «дело» или «действие». Прагматика включает в себя вопросы, связанные с автором текста, адресатом текста и, главное, их взаимодействием в коммуникационном акте.

Осуществляя роль субъекта речи, автор текста определяет цели и задачи передаваемого сообщения, типы речевого поведения, акценты при составлении текста и т.д. Адресат (читатель), в свою очередь, интерпретирует текст по-своему и выявляет косвенные и скрытые значения, испытывает эмоциональное, эстетическое и интеллектуальное воздействие текста.

Прагматический анализ раскрывает эти взаимодействия между автором и читателем, устанавливает степень полезной информации в тексте, учитывая типологию адресата чтения.

В заключение можно сказать, что изучение текста требует многоаспектного подхода и разных направлений, которые дополняют друг друга и способствуют более полному его исследованию. Такое положение дел является отражением ситуации в современной лингвистике, которая характеризуется многопарадигмальностью и позволяет анализировать объект из разных углов зрения, в разных парадигмах знания. Это является показателем зрелости лингвистической науки и прогресса ее познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. – Лурия, М. : Изд-во Московского университета, 1979. – С. 55.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – С. 209.
3. Тибинько, Н. Д. Филология и лингвистика / Н. Д. Тибинько // Филологические науки. – 1999. – №2. – С. 12-14.

SUMMARY

Ksenia Yurchuk. Functional and pragmatic aspects of text study. Text theory

The variety of approaches to the study of a text is due to the complexity of its structural, semantic and linguistic organization, as well as its connection with the author and the reader as an integral part of literary and aesthetic communication reflecting reality and having a symbolic character.

Keywords: aspect, text, research, analysis, subject, addressee.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдуразаков Шодиёр</i> ПОЭТИЧЕСКИМ СЛОГОМ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ НАСЛЕДИЯ В.Г. КОРОЛЕНКО	3
<i>Андреева Диана</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ «КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО» ДЕМОТИВАТОРА.....	6
<i>Арустамян Марина</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЭМОТИВАМИ В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	10
<i>Галустян Мария</i> СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ПСЕВДОНИМА В СОВРЕМЕННОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ	14
<i>Гелюх Наталья</i> ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ	18
<i>Головки Анастасия</i> КООПЕРАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК НОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБУЧЕНИИ	23
<i>Демченко Наталья</i> ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ УГРОЗЫ В ИНТЕРНЕТ-СМИ	27
<i>Дзис Анна</i> ГОДОНИМИЯ Г. ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАЦИИ	31
<i>Друкер Анастасия</i> ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В «ПОВЕСТИ И ЖИТИИ ДАНИЛЫ ТЕРЕНТЬЕВИЧА ЗАЙЦЕВА».....	34
<i>Епифанова Елизавета</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «МЕДВЕДЬ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	38
<i>Жемчугова Анастасия</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ	42
<i>Игнатьев Федор</i> КУЛЬТУРНЫЙ КОД СЕВАСТОПОЛЯ	46

Катрецкая Дарья МЕСТО ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗОЛОТАЯ РОЗА» К.Г. ПАУСТОВСКОГО)	49
Климова Татьяна ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ КОРОНАВИРУС В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ	53
Коротенко Дарья ГОРОД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ	57
Кошелева Софья, Садыкова Алина, Чумакова Варвара ВСЁ В ЧЕЛОВЕКЕ ОТ РОДИНЫ	61
Краморенко Мария ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В РАБОТЕ СО ШКОЛЬНИКАМИ 7-9 КЛАССОВ	64
Логунов Николай СПЕЦИФИКА МУЛЬТИКОДОВОГО ТЕКСТА В СЕТЕВЫХ МЕДИАСЕРВИСАХ (НА ПРИМЕРЕ ЮТУБ-КАНАЛА SNDK)	67
Малахов Руслан СУГГЕСТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОММЕНТАРИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	71
Малахова Любава ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОБРАЗНЫХ СЛОВ	74
Малова Елена ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛИНАРНОГО РЕЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ РЕЦЕПТОВ А. ЗИМИНА В ЖУРНАЛЕ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND»)	79
Марфина Жанна К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОСТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ	82
Марченко Виктория СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИИ АНТРОПНЫХ И АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В СЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ	87
Медведева Марина ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОГО И ДЕЛОВОГО ТЕКСТА	91
Меживая Виолетта УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	96

<i>Миленина Екатерина</i> ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	99
<i>Мокренцова Аделина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ЭРГОУРБОНИМОВ Г. ЯЛТЫ	103
<i>Мохнарыло Ксения</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ГРИНА)	108
<i>Мырина Анна</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ГОВОРЕ Д. КИРШОНКИ БАЛЕЗИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	112
<i>Никитин Тимофей</i> ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПЕСЕН	115
<i>Пальчик Арина</i> ОТРАЖЕНИЕ ЧЕРТ ГОТИЧЕСКОГО КАНОНА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XIX ВЕКОВ	118
<i>Перепелица Анастасия</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ	123
<i>Понкратенкова Анастасия</i> ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА	128
<i>Постовит Елизавета</i> ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ СЛОВ ГРУСТЬ, БОЛЬ, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ И РАДОСТЬ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА	132
<i>Рагозина Валерия</i> СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ	137
<i>Ряannelь Анна, Ряannelь Илья</i> КВЕСТ-ИГРА КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКОНА ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ	141

Строжкова Юлия ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ	145
Сутормина Юлия ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «ХЛЕБ»: НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Н.Н. ДОБРОНРАВОВА)	148
Флягина Елизавета ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ГЕРОЕВ РАССКАЗА МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ «ВАРЕНЬЕ ИЗ КАКИ»	152
Халилова Расмия ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	156
Хачатурова Марина ОТРАЖЕНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БОГАТСТВЕ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	160
Шампорова Полина ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ГОВОРОВ УДМУРТИИ В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ.....	164
Щур Екатерина ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	168
Юрчук Ксения ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА. ТЕОРИЯ ТЕКСТА	174

Научное издание

СЛАВИСТИКА:
НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников VII Всероссийской очно-заочной
научно-практической конференции молодых учёных,
приуроченной к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова
и Году педагога и наставника

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование *А. А. Витюк*
Корректоры *Н. В. Лешкова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 01.02.2024.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 10,0. Уч.-изд. л. – 11,5.
Усл.-изд. л. – 10,6.
Тираж 100 экз. Зак. № 3.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. о. Горловка, г. Горловка, ул. Рудакова, 25